

К 115-й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА.

Молодежный
жилой
комплекс.

НОВАЯ
РУБРИКА
«СКОРОСТЬ».

№ 8 (1390) АПРЕЛЬ 1985

ISSN 0131-2856

СМЕНА

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО КОММУНИСТА

Не искать легких путей, не «устраиваться» в жизни, а самому активно строить жизнь, воспитывать честное отношение к делу, бороться за все новое, передовое, отстаивать свои взгляды, закалять характер — таковы жизненные принципы, которыми руководствуется советская молодежь, активно участвующая в подготовке к XXVII съезду партии.

Фото
Станислава
КОСМАЧЕВСКОГО

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ

У нас тут завод, а не детсад — Строго глянул на невысокую худенькую девушку — начальник отдела кадров — Подрастешь, тогда и поговорим...

— Ну? Что? — встретила ее за дверью Надя Денисевич. — Принял?

— Говорит, мала еще, не гожусь в станочницы.

— Вот люди! — возмутилась Надя. — Шестнадцать лет и десятилетка — это для них мало? Знаешь, Лен, раз тебя не берут, я тоже сюда поступать не буду. Принципиально! Как-нибудь обойдемся и без них. Найдем работу и получше...

— Найди-то найдем, но через год я все равно сюда приду.

Подруги пять лет сидели за одной партией, и Надя знала: если Лена что-то решит — ни за что не отступится.

Дали как-то Лене комсомольское поручение в школе — пионервожатой в самый недисциплинированный класс. Пришла. Шум, гам. На вожатую — ноль внимания. Да и на что обращать внимание, если ростом Лена почти не отличалась тогда от пятиклашек. А то, что у новой вожатой симпатичное лицо с ямочкой на подбородке, красивые каштановые волосы, стройная спортивная фигурка, на задиристых и шумливых пятиклассников не произвело никакого впечатления. Но вожатая вскочила вдруг на учительский стул, заложила в рот два пальца колечком — и раздался оглушительный свист. Пятиклассники онемели от изумления...

Недели через две они встречали Лену криками «Ура!», всем классом окружали ее на переменах, ждали после занятий, и у каждого было к ней неотложное дело. Да и как иначе, если эта удивительная вожатая не ругает, не читает нотаций, но зато умеет прекрасно петь и танцевать, стрелять из винтовки, играть в хоккей, футбол и волейбол, одной спичкой разжечь костер, интересно рассказывать и внимательно слушать, хранить тайну. Тут даже самые закоренелые двоечники взялись грызть гранит школьных наук — иначе Лена может не взять с собой в дальний поход или как-то иначе обойти вниманием...

Словом, устроились они с Надей на хлебокомбинат. Формовали хлеб, укладывали свежие и румяные буханки на стеллажи. Работали весело, и нравилось вроде бы... Но через год с небольшим Лена Шумкова снова переступила порог знакомого кабинета.

— Не возьму, — отрубил кадро-

ХАРАКТ

вик.—Все-таки ты еще несовершенно-летняя.

— Это неправильно,— стояла на своем Елена.— Вы нарушаете трудовое законодательство. Я буду жаловаться.

Странно покажется—девчонка о станке мечтает. Кто-то не поверит, усомнится. Но факт есть факт, а объяснять его я не возьмусь: мы иногда в собственных привязанностях разобратся не можем, что ж говорить о другом человеке? Так или иначе, а все же пробилась Лена в механический цех «Электростройинструмента». Правда, не токарем, как хотелось. Токарей в цехе было достаточно. Не хватало шлифовщиков.

Непонятным было решительно все. Что это за штукавина, которую ты сейчас зажимаешь в станке? Шпиндель? А для чего он? Зачем его надо в трех местах шлифовать? А как ты определяешь, правильно сделала шлифовку или неправильно? Валя Костюкова, наставница, отвечала терпеливо и обстоятельно.

Через несколько дней, когда вопросов поубавилось, наставница сказала:

— Мне сейчас некогда с тобой заниматься. План горит. Вот свободный станок—становись.

— Да ты что!—удивилась Елена.— Я же не сумею...

— Сумеешь, если захочешь. Действуй! Время, знаешь, поджимает, не до разговоров.

А они ж такие непослушные, эти шпинделечки! То их из оправки никак не выбить, то в станке не закрепить. Плюс к тому чуть ли не через каждые полчаса надо алмазным карандашом выравнивать шлифовальный круг, иначе недолго вогнать все детали в брак. Когда стояла за спиной у Валентины, время ползло как черепаха, а тут не успела оглянуться—обеденный перерыв. С завистью глянула на наставницу. Та словно из снопов вымолочивает детали, а у подшефной с утра до обеда какая-то жалкая кучка. Подошла Валентина, проверила детали, утешила:

— Не горюй. Брак нет—это пока главное. А темпы будут. Я-то ведь тоже не шлифовщицей родилась. Как и ты, эдак вот начинала. Пошли обедать, рабочий класс!

...Смена начинается в половине восьмого. Елена стала приходить к семи. В огромном цехе ни живой души. Тишина. Заготовки припасены еще вчера. Остается только включить станок и...

Полгода дается на ученичество. Но уже через три месяца Лена работала наравне с наставницей. Потом настал день, когда Шумковой было впервые присвоено звание «Лучший молодой рабочий по профессии». С этого момента она уже не выходила из числа лидеров соревнования. А однажды в комитете комсомола сказала:

— Слушайте, товарищи, чего мы спим? Везде переходят на бригадный подряд, а у нас тишь да гладь да божья благодать. Без команды шагу боимся ступить? Давайте создадим для начала комсомольско-молодежную бригаду. Я уже кое с кем разговаривала—ребята согласны. Даже бригадира толкового нашла, Виктор Кройч. Мастер на все руки, человек хороший.

Комитетчики вместе с Шумковой пошли в партком, оттуда—к генеральному директору. Так на «Электростройинструмента» появилась первая комплексная бригада, к тому же комсомольско-молодежная: шесть токарей, два фрезеровщика и две шлифовщицы. Наравницей Елены стала Надя Денисович. Она к тому времени окончила Рижское училище связи, работала какое-то время оператором на почте, но Шумкова все-таки перетянула ее на завод и выучила на шлифовщицу.

— Работать сразу стали по единому наряду с оплатой по конечному результату. А Шумкова опять чем-то недовольна. Пришла к начальнику цеха Ольгерту Гродзкому:

— Ольгерт Александрович, не порядок—бригада комплексная, а разбросана по всему цеху. Надо стягивать все станки в одно место.

— Ну, ты, Шумкова, даешь!—прикинул начальник.—Это получается, из-за вашей бригады весь цех перевернуть надо.

— А почему бы и нет, если удобней, легче будет?

— Ладно, иди работай, я подумаю.

А через несколько дней вызвал ее к себе:

— Пиши заявку на расширение. Мы тут с экономистами посчитали—ты права.

На одном из комсомольских собраний Лена снова с предложением:

— Бригад у нас теперь много. Называются комплексными, а взаимозаменяемости в них нет. Предлагаю записать в постановлении: каждый комсомолец обязан освоить минимум одну смежную специальность и обучить своей профессией одного человека.

Когда через год подвели итоги, оказалось: Елена первой выполнила свое обязательство. Овладела специальностью фрезеровщика и выучила на шлифовщиков трех человек.

Сделаем отступление почти лирическое. О делах непроизводственных.

Так случилось, что сотрудники детской комнаты милиции попросили Лену наставить на путь истинный «трудного» подростка: двоечник, задира и даже велосипед у кого-то увел.

Разумеется, никакая воспитательная работа не дает немедленных результатов. Елена не раз и не два бывала в этой семье. Стала тут своим человеком. Ходила и в школу посоветоваться с преподавателями и школьными товарищами Гены. Договорилась с руководителями городской станции юных техников, и подростка приняли туда в порядке исключения.

Нынче парень перешел уже в девятый класс, восьмилетку закончил неплохо. Он уже давно снят с учета в детской комнате милиции. А всего за Еленой «официально» числится пятеро «трудновоспитуемых». Трое из них уже сняты с учета.

— Она у нас прямо Макаренко или Сухомлинским стала,—рассказывает мать Елены Элеонора Домениковна.—Приходит как-то соседка из другого подъезда: «Лена, повлияй на моего мужика—вчера опять пришел поздно и выпивши. Он тебя послушает». А там вторая бежит: у нее семнадцатилетний сын-школьник после дискотеки явился в два часа ночи. «Не можешь ли его приструнить, Леночка?» Да если бы это было раз или два, а то ведь чуть ли не каждый день...

И вот о чем задумываешься: как часто мы отступаем, даже не попробовав что-то предпринять, разводим руками: что тут сделаешь? И ничего не делаем. А вот человек рискует, не боится попробовать—и получается. И вот уже тянутся к нему люди, просят о помощи. А ведь всего-то надо—взяться за дело, не вынося прежде приговор: неподъемное, мол, оно. Всего-то. Но как это, оказывается, много, как трудно.

Педагогические способности Шумковой, ее умение найти общий язык с людьми заметили и на предприятии. Избрали в комитет комсомола, включили в состав оперативного комсомоль-

ского отряда дружинников. И как-то так вышло, что очень скоро «окодовцы», признав неоспоримый авторитет и организаторские таланты новой дружинницы, выбрали ее своим командиром.

В отряде она самая маленькая, но и самая храбрая. Чуть только где намечается или уже идет чересчур горячее «выяснение отношений», Елена без промедления бросается в самую гущу «событий».

— Но протоколов я обычно не составляю,—сказала мне Елена.—Почему-то жалко, когда человек по собственной глупости попадает в неприятную ситуацию. Отправляем забияку домой, а потом обязательно сходим к нему в гости—потолкуем, познакомимся в другой обстановке. Как правило, это действует убедительнее, чем административные наказания.

По графику отряд должен выходить в рейды три раза в месяц. Но Шумкова и ее товарищи настолько безотказны, что их «эксплуатируют» гораздо чаще. Есть такая старая болезнь: наваливать на тех, у кого получается. Старая болезнь, но, право, понятная. Хочется быть уверенным в успехе. Несколько лет подряд комсомольский отряд «Электростройинструмента» держит первое место по городу, а по итогам 1983 года ему присуждено переходящее Красное знамя Министерства внутренних дел Латвийской ССР.

А потом пришло еще одно сообщение: Елена Шумкова удостоена премии Ленинского комсомола. За творческий подход к работе, отличные показатели, обучение и воспитание молодежи...

Так совпало, что почти одновременно с получением приятных и радостных известий по «вине» Шумковой разыгрались события, в орбиту которых были втянуты многие, вплоть до генерального директора.

Созревали эти события исподволь, постепенно. Дело в том, что от первоначального состава бригады осталось трое. Многие парни ушли в армию, а когда возвратились, их распределили по другим коллективам. Ушел с бригадирского поста в мастера-наладчики и Виктор Кройч. Вместо него назначили Александра Соколова. Человек он добрый, но какой-то замкнутый, молчаливый, в бригаде держится особняком, не слишком заботится об общих интересах. Вышел как-то из строя токарный станок. День стоит, второй, третий... Резко упала выработка у фрезеровщиков и шлифовщиков, потому что обработка шпинделей здесь идет именно в такой последовательности. Шумкова обратилась к бригадиру:

— План провалили. Надо же что-то делать!

— Сделаем...

Но станок привели в действие только через две недели, когда девушки пожаловались начальнику цеха.

Возник вопрос о КТУ.

— Как ты его выводишь?—поинтересовались однажды шлифовщицы.

— Нормально, девчата,—ответил бригадир.—Никого не обижая.

Взял, однако, сомнение. Пошли в бухгалтерию, проверили. Оказывается, вовсе даже не нормально. Себе и токарям, например, Соколов всякий раз выставляет самый большой коэффициент, а шлифовщицам—самый маленький. Почему?

— Так вы ж, девчата, выполняете не самую сложную операцию,—объяснил Соколов.

Ничего себе отговорочка! В комплексной бригаде все зависит от конечного результата, а конечный результат—в немалой степени именно от шлифовщиц! И почему бригадир выводит КТУ только в конце месяца, делает это наобум и втихомолку, ни с кем не советуясь? Ведь есть же совет бригады. Да и сам коллектив невелик—десять человек. Трудно ли его собрать, чтобы сообща и по справедливости определить степень трудового участия каждого? Созвали шлифовщицы бригаду, договорились—КТУ должен выставляться ежедневно, и чтоб все знали, какой.

Ничего, однако, с мертвой точки не сдвинулось. Токари, новички в бригаде, пока еще не очень переживали за общие дела. Да и инертность бригадира действовала на них расслабляюще. В первой половине месяца они обычно работали ни шатко ни валко, чаще сидели, покуривали. Потом начинали наверстывать упущенное, заваливая шлифовщиц деталями. И тем приходилось крутиться в цехе по полторы смены, прихватывать даже выходные, особенно в последнюю неделю. Из-за того и на соседнем участке загарка. Оттуда приходят, ругаются. Получается, виноваты шлифовщицы: ведь готовые шпиндели идут на сборку от них.

Нет и прежней взаимозаменяемости. Заболев кто или в отпуск уйдет—на его место приглашают станочника из другой бригады. Не вяжется это с бригадным-то подрядом...

Да, многого еще недоумали на заводе в бригадной организации труда. Цеховой совет бригадиров созывается в лучшем случае раз в квартал, а про заводской совет и говорить не приходится. Какие же они хозяева производства?

Правда, «Электростройинструмент» считается одним из лучших предприятий города Резекне. И в министерстве на хорошем счету. Активно здесь в свое время взялись и за организацию бригад. Министерство даже объявило «Электростройинструмент» базовым предприятием по внедрению и пропаганде бригадного подряда, поскольку в основном производстве им охвачены уже все рабочие. Но стопроцентный охват еще не означает стопроцентной отдачи.

Этими мыслями Елена Шумкова поделилась на страницах городской газеты. Статья вызвала на предприятии бурный резонанс. Сторонников у Елены нашлось достаточно. Были, конечно, и противники: дескать, этот лауреат слишком много на себя берет, лезет в такие проблемы, которые и без нее есть кому решать.

— Конечно, неприятно читать критику о своем предприятии,—сказал генеральный директор Язеп Альфонович Матулис на планерке, которая была специально посвящена обсуждению статьи и в которой принимали участие руководители, партийные, профсоюзные и комсомольские вожаки всех служб.—Но обижаться тут не приходится. Права Елена Шумкова, и мы должны поблагодарить ее за то, что она так резко и прямо подняла этот вопрос. Бригады-то мы создали, но на этом, к сожалению, успокоились. Решили, что уже ухватили бога за бороду и дальше ехать некуда. Давайте, товарищи, крепко думать, как нам совершенствовать бригадную организацию труда...

А месяца через два Матулис вызвал Шумкову к себе:

— Вот здесь, Елена Ивановна, составлен план мероприятий по развитию и совершенствованию бригадной организации труда. Но даже самый хороший план, как вы понимаете, не догма, а только руководство к действию. Возможны всякие изменения, которые для дела будут полезны. Поэтому вот вам командировочное удостоверение: езжайте в Москву—на отраслевой семинар по бригадному подряду. Послушайте специалистов, бригадиров, побывайте на заводах. А когда вернетесь, будете помогать нам налаживать эту работу. Такое вам поручение от парткома, комитета комсомола и от администрации. Так что держайте!

...Есть люди, которым словно предназначено быть лидерами. Причем сами они к этому вовсе не стремятся: просто действуют с таким азартом и самоотдачей, что и многим другим хочется стать рядом, идти вместе. У Лены со школьных лет привычка: ничего не делать серединка наполовину. Уж если берешься за дело, то окупись в него с головой, трудное оно или самое простое. Чем труднее, тем интереснее.

Одoleет она и новую ношу.

Наверное, не существует в журналистике темы более возвышенной и благородной, чем неисчерпаемая тема великой ленинской жизни, образа более неповторимого и глубокого, чем бесконечный в своем богатстве и значительности образ всеми любимого Владимира Ильича.

Обращаясь к молодежи, Мария Ильинична Ульянова говорила, что учиться надо не только по большому литературному наследию, которое осталось от Ленина, надо знакомиться с Лениным — человеком и коммунистом. «В этом смысле вы можете очень многое для себя взять. Это будет для вас очень полезно, чтобы вырасти стойкими коммунистами, достойной красной сменой нам, старым бойцам».

Это высказывание дополняют и слова одного из самых близких Владимиру Ильичу людей — Н. К. Крупской, которая писала: «Понять Ильича как человека, значит глубже, лучше понять, что такое строительство социализма, значит почувствовать облик человека социалистического строя».

Радость познания образа Ленина в бесчисленности открытий, которые доступны сегодня всем заинтересованным читателям.

Тут важны любые детали, любые штрихи, приближающие нас к личности Владимира Ильича.

Потому что они, эти детали и штрихи, помогают нам осмыслить Ленина-человека в его повседневных решениях и поступках, понять образ жизни гениального вождя, который служит примером для каждого из нас, всегда остается актуальным, как всегда актуальны для человечества его высшие нравственные постижения.

Вот почему, говоря словами А. В. Луначарского, «биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность».

Предлагаемая читателям публикация освещает одну из мало изученных сторон деятельности Владимира Ильича Ленина и его соратников, их связи с видными русскими писателями конца XIX века.

В ряде анкет, отвечая на вопрос о роде занятий до революции 1917 года, Владимир Ильич Ленин написал: «Литератор», «Журналист».

Имя В. И. Ленина-литератора стало популярным и признанным еще в середине 90-х годов прошлого века. Тогда, как известно, был напечатан, но сожжен цензурой сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Основной причиной его уничтожения явилась статья Владимира Ильича Ленина, подписанная одним из первых его псевдонимов — «Тулин». Цензор подчеркивал, что программа марксистов «в статье Тулина получает характер вредной доктрины... Эта доктрина заключается в признании необходимости организации рабочих [для борьбы] против самодержавия и капитализма...».

От уничтожения удалось спасти немногим более 100 экземпляров сборника с этой статьей. И те, кому все-таки удалось ее прочитать, были от нее в восторге. «Роскошная вещь», «Тулина не получил, говорят, что это лучшая статья во всем сборнике», «Очень дельная» — так характеризовали друзья глубокие научные и литературные способности молодого Ленина.

Имя автора статьи сразу стало популярным, особенно среди демократической студенческой молодежи. Когда осенью 1897 года в Петербургском технологическом институте готовились к студенческому балу, то предполагали послать 10 «почетных» (пригласительных) билетов литераторам. Один из этих пригласительных билетов предназначался «Тулину» — Владимиру Ильичу Ленину.

Но тогда Владимир Ильич находился уже далеко от Петербурга, в ссылке в сибирском селе Шушенском. Оттуда в

НА ПУТИ В РЕВО

Петербург шли его открытки, письма по адресу: «Литейный, 60, кв. 5. Книжный склад А. М. Калмыковой». В этих корреспонденциях содержались просьбы В. И. Ленина: прислать книги, статистические сборники, журналы. Увы, эти драгоценные ленинские автографы до сих пор не разысканы. Но о том, что они существовали и о чем в них говорилось, известно из других писем Владимира Ильича.

Адрес «Литейный, 60» был еще в 80-х годах хорошо знаком старшему брату и старшей сестре Владимира Ильича. В этом доме они посещали больного, опального в то время писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина. В том же доме, на книжном складе А. М. Калмыковой, в 1896 году служила Н. К. Крупская, и отсюда она брала книги, которые передавались находившемуся под

арестом Владимиру Ильичу Ленину.

По признанию Анны Ильиничны Ульяновой, в конце 90-х годов именно склад Калмыковой являлся «в некотором роде штаб-квартирой... Там можно было узнать о жизни социал-демократических организаций. Прежде всего по приезде в Питер забегаяешь, бывало, в этот склад».

Жила Александра Михайловна Калмыкова тут же, при складе. Как она вспоминала позднее: «В начале 90-х годов в моей столовой за вечерним чайным столом сходилась молодежь, заинтересованная марксизмом: Владимир Ильич, Потресов, Радченко, Классон, Туган-Барановский...» То был союз молодых, но уже опытных литераторов, журналистов. Союз, по определению самого В. И. Ленина, «людей крайних с людьми весьма умеренными», то есть

революционных и «легальных» марксистов.

Будущий академик П. П. Маслов, бывавший в Петербурге в 1894 году, свидетельствовал: «Я встретил Владимира Ильича в литературном кружке марксистов».

Другой современник Ленина, познакомившийся с ним несколько позже, упоминает о нем как о «литераторе, возглавлявшем группу «Стариков», иначе «литераторов», как их тогда с почтением называли».

Во время допроса одного из арестованных деятелей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1896 году тот заявил, что имеет с Владимиром Ильичем «общих знакомых в литературных сферах. Встречал я Ульянова в Публичной библиотеке в Петербурге и заключил, что

имеем общих знакомых потому, что я видел его разговаривающим с одним из этих знакомых...».

Входя в круг столичных литераторов, Владимир Ильич и его товарищи, деятели Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», были близко знакомы с известными отечественными писателями. С ними связаны некоторые события в личной жизни В. И. Ленина, Н. К. Крупской и их боевых соратников, а также в деятельности ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Откроем воспоминания М. А. Сильвина, одного из верных товарищей Владимира Ильича. Там рассказывается, что Михаил Александрович «...первую половину 1895 года прожил в Царском Селе, комнату снимал у какой-то немки, а обедал в семье Михайлов-

ского-Гарина, у которого занимался с детьми в качестве как бы домашнего учителя».

Царское Село — летняя резиденция Николая II. 20 апреля в комнате-мансарде под самой крышей у М. А. Сильвина собрались друзья. Ни дать ни взять празднуют «святой день» — первый день пасхи. Но это для виду. А на самом деле там проходило совещание руководящего ядра будущего Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Именно тогда, перед своей первой поездкой за границу, Владимир Ильич обсуждал с товарищами дальнейший план действий, разделял между ними функции (на случай своего ареста).

Как вспоминал М. А. Сильвин, Владимир Ильич «не только требовал строго соблюдать конспирацию, но и учил писать молоко между строчек, точками в книгах...».

Все, начиная с Владимира Ильича, сообщили здесь (в комнате Сильвина, в Царском Селе. — Авт.) данные о своих связях с кружками и отдельными рабочими, явки и адреса, пути сообщения с техниками, с наиболее активными соратниками из периферии и прочее. Надежда Константиновна уже тогда выполняла главную работу по секретарской части, тут же наскоро зашифровала все это...».

Тогда в холостяцкой квартире Михаила Сильвина состоялось историческое совещание, на котором были намечены четкие организационные основы ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

К сожалению, не удалось выяснить, знал ли Н. Г. Гарин-Михайловский, что за «гости» побывали у домашнего учителя его детей. Но зато хорошо известно, что писатель интересовался учением Маркса, задачами революционной социал-демократии в России. Характерно, что он спросил у М. А. Сильвина, «что имеется в литературе по этому вопросу», и тот привез ему бывший у него «на немецком языке «Манифест Коммунистической партии», который одолжил мне на лето Владимир Ильич».

Выходит, писатель знакомился с одним из основополагающих трудов классиков марксизма по брошюре, принадлежавшей самому выдающемуся их последователю!

Побывал М. А. Сильвин и в Самарской губернии, в имении Н. Г. Гарина-Михайловского. На основании тогдашних впечатлений Михаил Александрович написал свою статью «О положении сельскохозяйственных рабочих на Юго-Востоке России», которую очень высоко оценил Владимир Ильич, назвав

«... вещь, но я боюсь, что герой — марксист».

Знаменитый писатель-маринист К. М. Станюкович — близкий друг Н. Г. Гарина-Михайловского. За революционную деятельность был посажен в каземат Петропавловской крепости, а позже сослан в Сибирь. И он же принял участие в одном важном событии в жизни В. И. Ленина и Н. К. Крупской.

Вот эта краткая история в документах.

8 января 1898 года из Минусинска в Петербург, в департамент полиции, была послана следующая телеграмма: «Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское. Административно-ссылный Ульянов».

Следующим днем помечено прошение Н. К. Крупской в департамент полиции. В нем, в частности, говорилось: «Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в Енисейской губернии, Минусинского округа, селе Шушенском, я обращаюсь... с просьбой назначить мне место высылки, если таковая последует мне в виде наказания, место жительства моего жениха».

В другом жандармском «деле» оказался еще один документ: «Список лиц, представляющихся господину директору департамента полиции». Назван там и отставной лейтенант (флота) Константин Михайлович Станюкович. Зачем приходил на прием к шефу высшего жандармского ведомства известный писатель-маринист? Ответ был найден в том же деле — «визит» писателя был связан «со словесным прошением о высылке Надежды Крупской в Енисейскую губернию вместо Уфимской». На что было отвечено: «Когда последует Высочайшее повеление, пусть Н. К. Крупская подаст прошение с объяснением причин». Как известно, такое прошение было подано, и Надежде Константиновне было разрешено отбывать часть ссылки (из назначенной ей трехлетней) не в Уфимской губернии, а в селе Шушенском, вместе с Владимиром Ильичем.

«Перекрестков», на которых обнаруживаются прямые или косвенные контакты Владимира Ильича Ленина с русскими писателями, не так уж и мало, как это может показаться с первого взгляда. Например, еще предстоит выяснить, имел ли какие-либо связи со столичными литераторами Владимир Ильич тогда, когда был помощником у популярного адвоката М. Ф. Волкенштейна, опекавшего редакции «толстых» журналов, Литературный фонд и многих писателей. К тому же адвокат был одноклассником А. П. Чехова. Известно, что перед переездом в Петербург Владимир Ильич

находился под большим впечатлением чеховской «Палаты № 6».

Конечно, интересно было бы выяснить: не встречались ли в Петербурге В. И. Ленин и А. П. Чехов? Не вел ли Владимир Ильич дела русских писателей?

Если удастся найти ответ на эти вопросы, нам откроется не только еще одна сторона адвокатской деятельности Владимира Ильича, но и сведения о контактах в середине 90-х годов прошлого века В. И. Ленина и его соратников с русскими писателями.

Конечно, поиск тут рассчитан на многие годы. Но сколь долго бы он ни длился, он всегда приносит неожиданные и интересные находки, дополняющие страницы великой жизни Владимира Ильича Ленина.

Григорий ХАИТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 8 (1390) АПРЕЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: весна.

Фотоэпоп
Нины СВИРИДОВОЙ.

- 1** ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО КОММУНИСТА.
Михаил ПЕЧЕРСКИЙ. «ХАРАКТЕР».
- 2** К 115-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.
«НА ПУТИ В РЕВОЛЮЦИЮ».
- 4** Леонид ПЛЕШАКОВ. «ВОЕННЫЕ ДОРОГИ МАРШАЛА».
- 6** «НАДО ОБСУДИТЬ».
Диас ВАЛЕЕВ. «ДОБРОМ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК».
- 8** Рассказы Саввы ДАНГУЛОВА
«МАЛЬЧИКИ» и «ЗАПАХ СЕЯНКИ».
- 12** «ДОМ ПОСТРОИМ — СТАНЕМ ЖИТЬ».
Фотоочерк Александра РАДОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 16** НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ.
ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНИ».
- 18** Федор УГЛОВ, академик.
«ПИСЬМО КУРЯЩЕЙ ДЕВУШКЕ».
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Лилия МАСЛОВА. «БОЛГАРСКИЕ НАХОДКИ».
- 21** НОВАЯ РУБРИКА «СКОРОСТЬ».
Олег БОГДАНОВ. «МАЛ, ДА УДАЛ».
- 22** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Юрий РАГОЗИН. «ГОЛОЛЕД».
- 24** ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА». Выпуск 6-й.
- 26** ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
НОДАР ДУМБАДЗЕ: «ГОВОРИТЬ СИЛЬНЕЕ И ГРОМЧЕ».
- 30** Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА
«ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора),
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Леонид ПЛЕШАКОВ

Гдаю, что не ошибусь, если скажу, что самой яркой фигурой среди полководцев в период Великой Отечественной войны являлся Г. К. Жуков... Я всегда восхищался его неукротимой энергией, широтой и глубиной стратегического мышления... Жуков не выглядел полководцем, стоящим над солдатской массой. При подготовке операций он держал теснейший контакт не только с командирами объединений и соединений, но и с офицерами частей и подразделений, особенно действовавших на главном направлении. Это давало ему возможность глубоко знать настроения подчиненных, управлять их действиями, направлять усилия воинов к победе...

...Это был человек огромного личного мужества и самообладания. В самые трудные, даже критические моменты, работая с ним, как говорится, бок о бок, я не видел Жукова растерянным и подавленным. Напротив, в такие моменты он был как никогда деятелен, сосредоточен и целеустремлен».

Так писал вскоре после смерти Г. К. Жукова его друг и соратник Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

В чем заключается труд полководца на войне? Старая аксиома: каждый солдат должен знать свой маневр — одинаково применима и к маршалу, с тем лишь уточнением, что его личный маневр — руководство действием доверенного войска. Занимая во время войны высокие должности командующего фронтом, заместителя Верховного Главнокомандующего, Жуков принимал непосредственное участие в разработке и проведении ряда крупнейших операций Великой Отечественной войны. И для этого, как отметил А. М. Василевский, ему было необходимо видеть и чувствовать непосредственную боевую обстановку, знать войска, которым он отдает приказы, представлять конкретных людей, которые эти приказы будут исполнять. Поэтому связь прославленного полководца с действующей армией была прочной и постоянной. Книга мемуаров Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» дает в известной мере представление о географии, если можно так выразиться, мест его фронтовой рабо-

ты. Украина, Подмосковье, Ленинград, Сталинград, Северный Кавказ, Белоруссия, Польша, Германия и, как завершение войны, Берлин — вот далеко не полный их перечень.

Александр Николаевич Бучин, фронтовой шофер маршала Жукова, как-то вспоминал: — За войну мы наездили с маршалом 170 тысяч километров. И все время по бездорожью. Но мне везло — видимо, я заговоренный, — ни одной аварии...

А еще были выезды на фронт самолетом, поездом... Я попытался пересчитать все маршруты, о которых он счел нужным упомянуть в своих мемуарах, — понял: затея невыполнимая.

Результат этих поездок: знакомство с обстановкой на месте, ее анализ, рекомендации предстоящих действий.

Характерный пример. Весной 1943 года Жуков находился в войсках Воронежского и Центрального фронтов. В книге «Воспоминания и размышления» он приводит одно из своих донесений, отправленное оттуда в Ставку Верховного Главнокомандования примерно за полтора месяца до начала сражения на Курской дуге. В этом документе, анализирующем положение на данном участке и предлагающем принять меры

о. Зеландия ВОЕНН МАРШ

АВГУСТ 1943 ГОДА, РАЙОН БЕЛГОРОДА. НА СНИМКЕ — МАРШАЛ ЖУКОВ, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК КОНЕВ, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР МИНЮК.

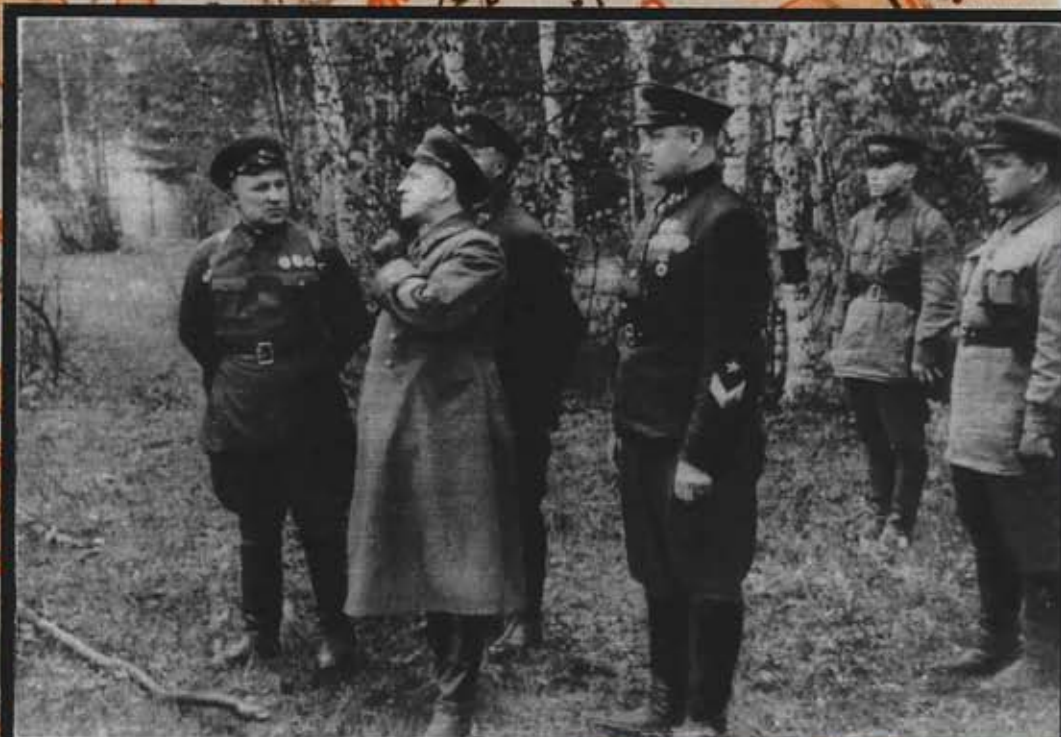
Фото
Николая
БЕДОВА

АВГУСТ 1943 ГОДА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНЕЕ БОГОДУХОВА. МАРШАЛ Г. К. ЖУКОВ В РАСПОЛОЖЕНИИ 5-й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИИ.

Бые дороги АЛА

Рядом
МАЙ 1942 ГОДА.
ЮГО-ЗАПАДНЕЕ СУХИНИЧЕЙ.
Г. К. ЖУКОВ,
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
А. А. ЛОБАЧЕВ,
НАЧАЛЬНИК ШТАБА 16-й АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР М. С. МАЛИНИН,
КОМАНДАРМ К. К. РОКОССОВСКИЙ.

4ТА
АВГУСТ 1943 ГОДА.
ВОРОНЕЖСКИЙ ФРОНТ.
РАЙОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
32-го ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА.
Г. К. ЖУКОВ,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. С. ЖАДОВ,
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР А. И. РОДИМЦЕВ
НА РЕКОГНОСЦИРОВКЕ.

5 ИЮНЯ 1945 ГОДА. БЕРЛИН.
ДЕНЬ ПОДПИСАНИЯ ДЕКЛАРАЦИИ
О ПОРАЖЕНИИ ГЕРМАНИИ.
СЛЕВА НАПРАВО: ФЕЛЬДМАРШАЛ МОНТГОМЕРИ,
ГЕНЕРАЛ ЭЙЗЕНХАУЭР, МАРШАЛ ЖУКОВ,
ГЕНЕРАЛ ДЕЛАРТ ДЕ ТАССИНИЙ.

по усилению войск, есть строчки:
«...Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями...»

Лично был, просматривал, наблюдал... А когда утром 5 июля грянуло величайшее сражение второй мировой войны, Жуков встретил его в штабе командующего фронтом К. К. Рокоссовского, куда он прибыл накануне вечером.

«В третьем часу утра К. К. Рокоссовскому позвонил командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов и доложил, что захваченный пленный сапер 6-й пехотной дивизии сообщил о готовности немецких войск к переходу в наступление. Ориентировочно время называлось — три часа утра 5 июля.

К. К. Рокоссовский спросил меня:
— Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Время терять не будем, Константин Константинович. Отдавай приказ, как предусмотрено планом фронта и Ставки, а я сейчас позвоню Верховному и доложу о полученных данных и принятом решении...

...В 2 часа 20 минут был отдан приказ о начале контрподготовки. Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги...

Личность Г. К. Жукова, его поведение в сложной боевой обстановке оставляли неизгладимое впечатление на окружающих. В книге «Под грохот сотен батарей» генерал Н. М. Хлебников, командовавший артиллерией Калининского фронта, вспоминает об эпизоде во время освобождения Великих Лук.

Ударом с фронта гитлеровцы пытались деблокировать свой гарнизон, находившийся в окружении в этом городе.

«На высоте Воробецкая находился наблюдательный пункт командующего артиллерией 3-й ударной армии генерала И. С. Стрельбицкого. В эти напряженные боевые дни я, помогая Стрельбицкому управлять артиллерийским огнем, большую часть времени проводил на его КП.

Не помню точно числа (в конце первой или начале второй декады января), но отчетливо помню все обстоятельства того дня, когда казалось, что прорыв противника к Великим Лукам мог стать реальностью.

С высоты Воробецкая хорошо просматривалась местность и к западу, и к югу, и к северу. Справа вдали — лес. Ближе — холмистая заснеженная равнина, редкий кустарник. Метрах в трехстах от подножия высоты — залегающие под нашим огнем цепи противника, зеленые шинели на белом снегу. По высоте, по нашим окопам бьет немецкая артиллерия...

...Слышу за спиной негромкое: «Трудно, товарищи артиллеристы?» Оборачиваюсь. Это генерал армии Г. К. Жуков. Докладываю обстановку, он поднимает к глазам бинокль. Долго смотрит, потом так же негромко роняет:

— Выдохлись немцы. Все!

Фраза эта врезалась в память. Впоследствии, когда в кругу товарищей мы заводили разговор о такой важной проблеме, как интуиция, о ее значении на войне, о материальных и психологических факторах, на которых она строится, об умении почувствовать переломный момент боя или сражения, я всегда вспоминал январь сорок третьего года, высоту Воробецкая, негромкую, уверенную фразу: «Выдохлись немцы. Все!»

Публикуемые сегодня фронтовые фотографии Маршала Советского Союза Жукова — только несколько запечатленных на пленке мгновений из его фронтовых будней. Автор этих фотографий Николай Харлампиевич Бедов всю войну прошел рядом с Георгием Константиновичем Жуковым, будучи офицером для особых поручений. Даже по этим немногим снимкам из обширного фотоархива Бедова видно, сколь прочной была живая связь прославленного полководца с действующей армией.

ДОБРОМ ЖИВЕТ

Нравственная норма

Диас ВАЛЕЕВ

Из справки заведующего столовой № 13 ОРСа Казанского отделения Горьковской железной дороги: «...В столовую комиссионно принято от гр. Галимзянова А. Г., проживающего по адресу: Казань, ул. Ухтомского... девять голов свиной, общим живым весом 1468 килограммов. Получено мяса и мясopодуKтов в количестве 1132,4 кг по розничной цене на сумму 1909 руб. 36 коп. Минус 15 процентов торговой скидки — 286 р. 46 коп. Сумма 1622 р. 90 коп. перечислена по заявлению Галимзянова А. Г. платежным поручением № 91 районному отделу здравоохранения».

Из письма члена общественного совета при Доме ребенка № 1 г. Казани кандидата химических наук Р. М. Сагеевой: «...Мы обошли многие инстанции. Вначале нас всюду принимают радушно, желают помочь, но потом отказываются, ссылаясь на то, что нет соответствующей статьи и что вообще непонятно, как отнестись к данному вопросу. Речь идет о Галимзянове А. Г., работающем возчиком в магазине № 117 Бауманского райлишторга Казани. Заработок у него небольшой — 110 рублей, но деньги сами по себе ценности для него не представляют. Детство его прошло в военное время, получить образование ему не удалось, но всегда у него было желание чем-то выразить себя, оставить след на земле. Благодаря помощи общественности Бауманским райисполкомом ему выделен участок в конце улицы Межлаука, который он расчистил и засадил ягодным кустарником. Это была территория стихийно образовавшейся городской свалки. Он разровнял ее, вывез весь мусор, покрыл болотистую землю щебенкой, песком, отвел воду от разобранной колонки, которая в течение многих лет затопляла улицу. На участке из дешевых стройматериалов, бывших в употреблении, построил дом-кормокухню. За последние годы этот человек перечислил в Советский Фонд мира 600 рублей, детскому дому — 13 тысяч рублей. Казалось бы, вклад в общее дело немалый, причём совершенно бескорыстный. Работает он не щадя своих сил, здоровья, а мы, к сожалению, ничем не можем ему помочь, так как его хозяйство неузаконено».

Из докладной председателя исполкома Бауманского райсовета г. Казани: «...Гр. Галимзянову А. Г. было дано устное разрешение на содержание не более 5 свиной. В настоящее время он содержит 22 свиной, что является нарушением санитарных норм. Кроме того, он самовольно построил хозяйственные постройки и дом на этом участке. Гр. Галимзянов А. Г. письменно предупрежден о сносе дома...»

Из заявления главного врача Дома ребенка № 1 Казани: «...На деньги, которые безвозмездно начиная с 1979 года перечисляет детям Дома ребенка № 1 А. Г. Галимзянов, за последнее время были приобретены оборудование для

физиотерапевтического кабинета, пианино, цветной телевизор, электрокамины, детская мебель, белье, верхняя одежда и т. д. Бауманским райсоветом Галимзянову был выделен участок на месте бывшей свалки. Столкнувшись с трудностями в обеспечении свиной кормами, он обратился с просьбой о юридическом закреплении этого участка как подсобного хозяйства Дома ребенка. Мы обращались в управление общественного питания, в горжилуправление, в Министерство коммунального хозяйства, в райисполком с просьбой: а) об официальном закреплении за Галимзяновым А. Г. выделенного ему участка; б) об оказании ему помощи в приобретении кормов. К сожалению, в юридическом закреплении этого участка за нами и оформлении его как подсобного хозяйства Дома ребенка категорически отказано...»

Медленно, внимательно глядя под ноги, пробираюсь по одной из самых расхристаных, затрапезных улиц города. Рядом — рынок, железнодорожный вокзал. Но свернешь с какой-нибудь благополучной улицы в этот переулочек, и вдруг перед тобой — море. К тому же была весна, стояло на земле половодье воды. В Казани такие парадоксы, как море на улице, встречаются порой даже и летом. Город древний, большой, немного безалаберный и вообще богат на всякие парадоксы. И вот к одному из ее жителей, судя по всему, великому парадоксалисту, я и иду знакомиться. Где-то в дальнем, заброшенном тупичке этой самой улицы Межлаука должны красоваться зеленый забор и белый домик, слитый из гипса и опилок. Что мне было известно об этом человеке? Это позже, через несколько месяцев, я найду в горисполком, и в приемной мне дадут посмотреть довольно толстую папку с документами: «Дело № 2891. Галимзянов». Тогда же я знал только, что этому человеку чуть за сорок. Не старик, возраст самый активный. Знал, что он возчик винного магазина и при этом никогда в жизни не брал в рот ни капли спиртного. И что этот возчик (в прошлом он был еще милиционером, шофером, слесарем) последние пятнадцать лет проявляет постоянную заботу о детях, брошенных родителями. Перевел, по слухам, на счет детских домов и домов ребенка бог знает сколько денег, заработанных посредством каких-то свиной. Но слухи слухами, а насколько все, что я слышал, соответствует правде? Открываю калитку, захожу. Лают собаки — маленькие, большие, всякие. В загоне — крупные, стоклограммовые свиные чушки, роют своими твердыми лапками землю. Какой-то человек в резиновых сапогах бросается навстречу. На голове чудом держится шапочка, глаза горят живым блеском. Стремительно протягивает руку, здоровается, улыбается. — Вот пришел взглянуть... — Ага! Хорошо! Давайте! Артур, фу! — кричит он собаке, мешающей нам разговаривать. Через две минуты мне уже кажется, что мы знакомы целую вечность. Новый знакомый показывает свое хозяйство, рассказывает, жестикулирует, смеется. Веселый и какой-то радостно-доверчивый человек. — Вот тут пруд будет, а тут деревья посажу! Песок надо еще привезти. Болото было, свалка. Хорошо, правда? Неделю назад два начальника входят. Смотрели-смотрели,

потом один говорит: сносить тебя будем. Я говорю: вот здесь пруд выкопаю, рыб разведу, а другой отвечает: ему про снос, он про рыб, что с дураком разговаривать? — И что? — улыбаюсь я. — И пошли. — А вы что? — Я песок привез. Хорошо, чисто стало. И новый знакомый опять засмеялся, словно подтрунивая над самим собой. И позже, где бы я ни встречал его — на улице ли, когда он ехал на своей телеге, возле магазина ли, когда случайно проходил мимо и видел, как ловко грузит он на телегу ящики, или на его «свиноферме», — всегда передо мной оказывался человек уверенный, радостный, счастливый и словно бы даже какой-то беззаботный. — Хорошо жить, а? Солнышко какое, а? Другого бы напугала угроза, нависшая над «делом» жизни. Его не напугала нисколько. Человек «дон-кихотского» настроения души — существо загадочное. Давно приглядываюсь к нему. Давно пытаюсь его понять. Не просто распознать, что стоит за таким человеком в жизни, случайно его появление или означает существование какого-то закономерного явления, что за течения времени породили его бесконечно странную душу. В самом деле, в течение пятнадцати лет нести на себе, помимо основной работы, еще груз тяжелейшего физического труда, но не брать себе за этот труд ни копейки. Зарабатывать крупные суммы денег, но часто даже не видеть их. Деньги обычно даже не появлялись у него в руках, а по его заявлению перечислялись куда-то. Никто не принуждал Галимзянова вести такую жизнь, никто не попукал, кроме собственной души. Природа корысти ясна. Природа же бескорыстия в какой-то мере и непонятна, и странна. Помню, я смотрел на свиной, которых он выращивает, и думал о количестве затрачиваемого труда. Двадцать пять свиной — это пятьдесят ведер еды ежедневно. Где-то эти пятьдесят ведер надо найти, привезти, сварить в котле. Весной и летом для Галимзянова это, наверное, не проблема: рядом колхозный рынок с горами отходов. А зимой? Есть у него еще лошадь, помощник в работе, две овчарки с щенками и громадный ньюфаундленд, дома еще болонка и кошка с котятками да какие-то певчие птицы. Как-то прихожу на «свиноферму» на улице Межлаука и вижу: две новые собаки — дворняжка и овчарка. Откуда? Оказывается, привел их Галимзянов из вивария ветеринарного института, были собаки подопытными, подвергались операциям, а теперь вот не нужны... «Всю жизнь с животными», — сказал он мне как-то мимоходом. Пишу об этом не для того, дабы подчеркнуть чуждость моего героя, а для того, чтобы сказать, что такая жизнь для него, видимо, норма. Если уж он заботится о животных, то как же не позаботиться ему о детях, брошенных родителями? Естественно и то, что эта хлопотная деятельность требовала от него работы почти круглосуточной: в час ночи он ложился, а в пять утра уже снова на ногах. Конечно, все это немного непривычно, но известно ведь: у каждого человека своя собственная «форма жизни», которую он находит и которой следует. «Форма жизни», которую нашел для себя Асхат Галимзянов, по-видимому, его

устраивала, во всяком случае, он производил впечатление счастливого человека. Хотя другой бы на его месте... Тринадцать лет назад с его женой случилось несчастье, и все эти годы она находится на первой группе инвалидности, из дома не выходит. А это значит, что все домашние хлопоты лежат опять же на нем. Правда, тут его первыми помощниками стали дети. Сын Радик работает уже на заводе, а Ляля учится на швею в техническом училище. Они, надо сказать, и единомышленники отца. Сын, когда принес первую полочку домой, отсчитал тридцатку: «Будешь посылать деньги детям, переводы и эти». Необычный человек — необычная семья. Не жалко перевести чужим детям сразу три-четыре тысячи денег, заработанных тяжелейшим трудом, а своим детям купить на «толкучке» фирменные джинсы за двести рублей — жалко. На такую «безумную» трату Галимзянов никогда не пойдет. Не пойдут на это, что удивительно, и его дети. Все это не домыслы. Разговаривал с ними, убедился сам. Есть люди, у которых идеи находятся как бы на кончиках пальцев. Мысль может немедленно превращаться ими в результат, в дело. Наверное, таким оказался и мой новый знакомый. Раньше в течение многих лет он держал свиной под гаражом во дворе дома, где жил. В этом гараже находилась его казенная лошадь, с которой он работал в магазине возчиком, и вот в этом гараже-конюшне он вырыл глубокий подвал, в котором и стал держать свиной, придумав хитроумные устройства для механизированного кормления и уборки навоза. Все это в буквальном смысле подпольное и совершенно фантастическое предприятие много лет существовало с единственной целью: чтобы вырванные от сдачи свиной деньги можно было переводить на счет Дома ребенка. Наивно думать, что эта деятельность сопровождалась громом овалов. Напротив, какой-нибудь жулик может остаться незамеченным, дабы не «испортить» отчетность, «процент», но добрый человек иным наверняка покажется сверхподозрительным. И вот тогда проверяемый со всех сторон альтруист-возчик стал просить у властей района, чтобы ему дали какой-нибудь участок — ему хотелось выйти из «подполья». В то время как раз в стране была принята Продовольственная программа. По ходатайству общественного совета Дома ребенка ему выделили наконец место. Собственно, не место, а, как уже говорилось, свалка. Но что такое свалка для Галимзянова? Он нашел бульдозер, машину, за неделю все расчистил, привез щебень, песок, глину, торф, за два дня из опилок и гипса сплил дом-кормокухню. Где-то нашел полусломанный котел, в котором варят битум, отремонтировал его, приспособил для готовки еды свиным. Короче, через две недели кормокухня начала полностью функционировать на новом месте. Расширяя свою свиноферму, Галимзянов мечтал в первую очередь о том, что превратит ее в подсобное хозяйство при Доме ребенка, что Дом ребенка будет зависеть от хозяйства, а он, Асхат Галимзянов, — бесплатным работником. Видел в своих мечтах, как посадит огород и будет выращивать для детей овощи, как разобьет пруд и разведет в нем карпов, чтобы и свежая рыбка была у детей. В «гаражный» еще период он держал обычно

ЧЕЛОВЕК

семь-восемь свиней. На новом месте завел на первых порах двадцать две чушки, потом их стало двадцать пять. В ближайших планах была у мечтателя-свинаря с улицы Межлаука цель посадить ели на территории Дома ребенка, а у входа в него поставить памятник детям. Самый настоящий памятник, созданный самым настоящим скульптором! Но, к сожалению, все эти мечты и планы Галимзянова оказались никому не нужными. Председатель райисполкома, разрешивший Галимзянову занять клочок до предела захлапленной земли, теперь, увидев его, срывался: «Ты меня своими свиньями в гроб загонишь!» Главный врач Дома ребенка была тоже в панике: «Не надо ни карпов, ни памятника, ни подсобного хозяйства!» Все это в какой-то мере объяснимо. Если в прежние годы размеры пожертвований Галимзянова были сравнительно небольшими — где-то восемьсот — тысяча рублей в год, то сейчас — с выходом его «свинофермы» из гаражного подполья на белый свет и с увеличением масштабов (в последние два года ежегодные взносы переваливают уже за четыре тысячи) — результаты его деятельности людям превариать почему-то становилось все труднее. И ломали головы районные и городские власти, не знали, что делать с ним. Не писался ли он сам, ни его «свиноферма» в существующие параграфы, нормы, инструкции, положения. Оформить свиноферму как подсобное хозяйство? Но какой администратор возьмет на себя такую обузу? Он сам будет там бесплатным работником? А если заболеет? Да и что такое — бесплатный работник? Такого вообще нет в природе вещей и никогда не существовало. Короче говоря, нельзя, невозможно.

А что же возможно? Что нужно? А нужно, оказывается, еще раз проверить этого человека. И вот мечтателем-свинарем интересуется ОБХСС — на предмет «обоснованности» его благотворительной деятельности. Интересуется пожарная служба — как там у него с электрической проводкой? Санэпидстанция тоже озабочена — все тем же «выплодом мух». Его проверяют и перепроверяют все районные инспектирующие службы. А служба главного архитектора города вдруг пускает в ход версию о самовольном захвате участка. Время от времени над головой веселого альтруиста собираются внезапные грозы. Однажды пригоняют бульдозер с приказом: пустить все под откос. И только немедленное вмешательство общественности спасает его «свиноферму» от полного физического краха. Иной недоверчивый читатель здесь, чувствуя, может даже пожать плечами: а не придумывает ли все эти подробности автор, не заносит ли его? Бывает ведь так, увлечется человек, а там пошло-поехало... В самом деле, с одной стороны, фигура как-то непонятного «практика добра», а с другой стороны, не менее странная, можно сказать, гротесковская реакция на это добро? Возможно ли это? Так ли это? Но вот передо мной вновь материалы дела № 2891. Что там есть еще, в этом фантастическом деле?

Из справки начальника УВД Казгорисполкома:

«...По ул. М. Межлаука Галимзянов А. Г. в настоящее время держит двадцать пять голов свиней и пять собак. Свиней Галимзянов

начал держать, не имея на то разрешения. Впоследствии ему якобы разрешили держать их, но документов на руки не выдали. Ежегодно он осуществлял продажу по шесть-семь свиней на центральном рынке Бауманского района г. Казани, деньги от продажи переводил на расчетный счет детского дома, расположенного по пр. Ямашева, дом 88-а. Это продолжалось до 1983 года. В детдом Галимзянов за это время перечислил более десяти тысяч рублей. Весной 1983 года Галимзянов обратился в Бауманский исполком с просьбой узаконить его подсобное хозяйство. Осмотром помещения занимались архитектор Э. Дубивко и главный врач СЭС района Р. Караулова, которые якобы разрешили ему содержать свиней, но не более одиннадцати голов, однако это разрешение Караулова впоследствии у Галимзянова изъяла. Установлено, что пищевые отходы для кормления свиней он собирал во дворах жилых домов, на колхозном рынке, а также в столовых № 1, расположенной по ул. Лево-Булачной, и № 44 при пединституте и в детсаде № 151, расположенном по ул. Нариманова. Кроме того, розсыпными мероприятиями установлено, что Галимзянов использует для сбора пищевых отходов государственную лошаадь...»

Из акта проверки режима работы возчика магазина № 117:

«...Нами, работниками торго: инспектором отдела кадров Сулеймановой Л. П., старшим бухгалтером Кудрявцевой В. И. и старшим бухгалтером Бакировой Ф. Л. проверена работа возчика Галимзянова. В момент проверки, с 15 ч. до 16 ч., на рабочем месте Галимзянова не было».

Из докладной записки заместителя предисполкома Казгорсовета: «Исполком городского Совета считает недопустимым оформление скотного двора Галимзянова А. Г., расположенного в городе, как подсобного хозяйства. Самовольно воздвигнутые строения подлежат сносу, а территория — благоустройству». Во многих документах, находящихся в деле № 2891, ощущается какое-то скрытое недоброежелательство. Оно таится не только в содержании, оно проступает наружу в первую очередь сквозь стиль, тональность фраз. Но почему мы, люди, так недоброежелательны к добру? Рассказываю о Галимзянове своим знакомым. Наблюдаю реакцию. Почему он для многих как соринка в глазу? И вдруг ловлю себя на догадке: да потому, что неправдоподобен. Его главный поступок нуждается в каких-то дополнительных обоснованиях.

— Пусть он меня убедит, что это нормальный поступок, лишенный всякой задней мысли, — вдруг заявил мне один из собеседников.

— А почему он должен тебя еще и убеждать? Вот тебе и на! Словом, всегда начинался поиск мотива, какой-то задней цели. А ведь действительно без точной мотивации и цели человек непонятен. Найти «мостик», ведущий к поступку, — значит понять человека. Одни вдруг называли его кулаком. Другие объясняли его доброе отношение к детям тем, что он, Галимзянов, вероятно, из породы неудачников. Логика здесь была такая. Нормальный человек не будет заниматься всеми этими делами так долго.

Самое распространенное объяснение, что он человек с «приветом». Было и такое мнение: своим альтруизмом он якобы хочет замолить какие-то свои грехи. Судя по тому, что человек не успокаивается много лет, грехи эти, вероятно, ужасны. Не потому ли его все проверяют и перепроверяют? И, наконец, некоторые считали, что возчик магазина переводит крупные суммы денег на счет Дома ребенка и в другие детские организации всем назло. Был же Герострат, почему бы не быть и его антиподу? Несовершенный еще мир можно унизить добром так же, как и злом. Стоит только ткнуть миру в нос это добро как некий недостижимый идеал!

— Кто его просил заботиться о детях? Что, государство о них не заботится? Нашелся благодетель! Решил мир удивить!

— Почему же? — отвечал я. — Государство о детях, у которых по какой-то причине не оказалось родителей, очень даже заботится. Но разве может быть лишней еще и забота какого-нибудь обыкновенного человека? Может, этот человек и родился только для того, чтобы о ком-то заботиться?

— А что он хочет доказать? Что эти дети помрут без него? И без него обойдутся!

— Конечно, — продолжаю, — но вот недавно для Дома ребенка в Казани выстроили новый просторный дом. Дети переехали, и вдруг внезапные холода, а с отопительной системой что-то неладно. Галимзянов на своей телеге тут же привез десятки рефлекторов. Закупил в магазине сразу на четыреста рублей. Разве может противоречить заботе государства чья-то человеческая забота?

— Все равно дурак этот твой Галимзянов или спекулянт!

Чувствовалось, в любую из этих версий моему собеседнику поверить почему-то было легче. Принять же, что человек просто добр, изначально добр, почему-то было крайне трудно. Так что же, перестали мы понимать быстроту? Не знаю. Впрочем, скажу откровенно: я и сам был не лучше своих знакомых, тоже не сразу принял Галимзянова таким, какой он есть.

Ну, а как же сам альтруист с улицы Межлаука объясняет философию своего поведения, смысл своего «попечительства»? Что он сам-то говорит?

А он в общем-то почти и не говорит об этом. И в этом заключается, пожалуй, главный парадокс. Он больше говорит, извините, о свиньях и о том, как их выводить и прокормить. Об этом все заботы. Как-то, не выдержав, я все-таки спросил его в лоб:

— Слушай, Асхат, а зачем ты все это делаешь?

— Зачем? — Он снова улыбался. — Мать у моей жены в детдоме воспитывалась.

— Ну и что?

— Надо помнить. Потом, когда в деревне мы жили... После войны туго было в деревне. Колхоз нам помогал.

В одну из других встреч он как-то обронил, что и он, и его жена, и дети «не любят деньги». Вспомнил, что когда первый раз послал деньги в детдом, родители, тогда еще они были живы, этот его поступок одобрили. В другой раз сказал, что «так» жить ему «нравится». «Холодильник полный. Цветной телевизор есть. Жена пенсию получает, — он

загнул первый палец, — дочка стипендию, сын зарплату приносит, у меня оклад. А зачем лишние деньги? Лишние деньги счастья не дают. От больших денег человек портится». Удовлетворяют вас все эти объяснения? Минувшим летом Галимзянов сдал выращенных свиней заготконторе. Из 4168 рублей, причитающихся ему, ровно три тысячи рублей бухгалтерия заготконторы по его заявлению перевела на счет № 18911082 Интернациональной школе-интернату имени Стасовой в Иванове, в которой воспитываются дети-сироты различных национальностей, оставшиеся без родителей, — маленькие палестинцы, ливанцы, дети из Афганистана, Никарагуа. Около пятисот рублей было перечислено им на счет казанского Дома ребенка № 1. Остальные деньги (минус еще почтовые расходы) пошли на приобретение новой партии поросят.

Здесь жизнь — как часто бывает с Галимзяновым — снова показала свою трагикомическую маску. Больше половины поросят, проданных ему колхозом «Победа», Лаишевского района, тут же погибло. Были они кашляющие, простуженные, дохленькие. Пришел ветеринарный врач, увидел огорчение человека: «Давай я тебе справку напишу, что они продали бракованных! Вытребуешь у них деньги!» — «Зачем вытребовать? Не в чей-то карман ушли, колхозу ушли, государству». Не о том болела душа у Галимзянова, что деньги потеряны. Душа болела у него о том, что плохо поставлено дело в колхозе «Победа». И об этом стал он толковать с ветеринаром. Никакую справку не взял, конечно, махнул рукой, а в ближайшем воскресенье прикупил на рынке пятнадцать поросят. Надо ли говорить, что каждый поросенок на рынке стоит 35—40 рублей.

Что дальше? То же самое. Новый круг. Когда теперь я устаю порой от мелкого человеческого эгоизма, я спасения ради иду к Галимзянову. Как прекрасно, оказывается, что есть люди, которые абсолютно ничего не боятся, которые знают жизнь в ее, что называется, обывденном виде и тем не менее не потеряли даже грамма веры в нее. И как это здорово! Мы сидим с возчиком Галимзяновым за совершенно пустым столом в его доме-кормоухне, говорим не о политике, не о будущем человечества, не об искусстве, но уже через полчаса я чувствую, что у меня прибавилось бодрости и силы. Мы часто говорим и пишем о новом человеке, рожденном в нашем обществе. Вот он, этот человек, пришел, живет рядом с нами. Не обманщик и не самозванец, и то, что это действительно так, документально подтверждает уникальное «Дело № 2891», которое можно отыскать в приемной Казанского горисполкома.

Читатель, конечно, вправе спросить: а как сложится дальше судьба этого человека и его «свинофермы»? Снесут ли ее или превратят опять в «свалку» согласно принятой резолюции? Не знаю. Поживем, как говорится, увидим. Но только очень хочется, чтобы люди, от решения которых зависит эта судьба, были внимательны не только к самому Галимзянову, но и к тем детям, в пользу которых этот человек живет и трудится.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Как хорошо, что живут среди нас такие люди, как Асхат Галимзянов! Люди, которые ежедневно творят пусть и небольшое, но полезное и нужное другим доброе дело. Хорошо, что они есть, прекрасные, бескорыстные, порой даже и загадочные для кого-то в своей чистой страсти. Скромный, ничего не требующий для себя взамен тех тысяч рублей, которые он дарит детям, Асхат Галимзянов нуждается лишь в одном: в нашей поддержке и помощи делу, которому он служит с истинным благородством. И еще — в защите своей деятельной доброты, ибо носит она характер не столько личный, сколько общественный. Так давайте же, уважаемые читатели, сообща поддержим его, человека, помогающего другим, но и самого нуждающегося в помощи.

Ждем ваших писем!

МАЛЬЧИКИ

Вы у нас новичок, Лев Иванович, вам и карты в руки,— сказал Георгиев.— На хутор идти вам...— он раздвинул шторы и рассмотрел в сумерках раннего вечера островок роши и на отлете дымы хутора, по-осеннему невысокие.

Значит, новичок? Все верно: с тех пор, как Лосев пришел в школу, минул год, но он все еще ходил в новичках. Правда, историк Кондаков пришел позже Льва Ивановича, но это никто не принял во внимание — все помнили, что Кондаков когда-то был в школе на практике, и отчет поведи с той далекой поры. Одним словом, директор в очередной раз назвал Лосева новичком, что было синонимом «молодой», «самой молодой», и указал дорогу на хутор.

Если взглянуть с кручи, на которой стоит школа, хутор без труда обнимешь взглядом: три двора, всего три, хотя слава у хутора громкая. Нет, дело даже не в имени — «Веселый!»— народ на хуторе живет озорной. Всегда был озорным, еще с той далекой поры, когда Филипп Есаулов поставил на скрещении дорог кузницу и с размашистого плеча грохнул кувалдой по железу... Взглянешь на эти дома и не подумаешь, что там народ лихой живет. Стоят дома, выстроившись по ранжиру,— один к одному, хотя дома, конечно, разные. Все чинно, все пристойно вполне. Будто Грика с Вовкой и не сшибались. Будто, сцепившись и обвив друг друга руками, не катались в пыли, не рушили плетни, не заваливались в канавы, поросшие дикой акацией, не силились сшибить один другого с края кручи, откуда до воды сажени... Хуторяне!— что с них взять? Можно, конечно, пригрозить исключением, да как это сделать, если их вторую неделю в школе нет? По слухам, лежат с утра до вечера на солнышке, заголив животы, раскидав руки-ноги. Сняжки коптят, раны зализывают, а их сколько ни лижи, эти раны, не слизнешь, если срок не вышел...

Однако надо идти на хутор, и Лев Иванович идет. Идет напрямик, без дороги— через выгон, жухлый от сухой травы и облысевший, через кюветы, заваленные сухим бурьяном, через яблоневый сад, который вдруг дохнул по осени терпкой листвою, через пшеничную стерню. Нет, это только издали три дома хутора выглядят на одно лицо, на самом деле они разные. Дом Грики похож на самого Грику: приземистый, крепкий в кости, весь червонно-красный, только без Грикиных глаз и веснушек. Наоборот, у дома Вовки определенно есть что-то Вовкино — светлоглиный, он смотрит в степь с храброй бравадой. Нет, нет, два дома, как два человека, сейчас являли и свой нрав: попробуй, дай волю их страстям, вовек не остановишь.

Калитка во двор Грики полуоткрыта. Слышно, как звенит кольцо, бегущее по проволоке, протянутой из одного конца двора в другой.— Грикин волкодав не дремлет. Еще слышно, как стучит деревянный молоток по листу кровельного железа — не иначе, Грика прямит железо, заново покрывая им летнюю кухню.— даже странно, как в одном человеке ужилась такая горлопан и забияка с рачительным хозяином, которому природа дала золотые руки. Лосев берет калитку на себя и, подняв осколок кирпича, ударяет по доске калитки. Видно, удар крепко — кирпич мигом обращается в пыль. Пес, бегущий вдоль проволоки, захочется в лае, кольцо вызывает его — что есть мочи.

— Уймись, окаженный, треснешь от злости!— слышит Лев Иванович постановяющий голос Варвары Тихоновны, Грикиной бабки, у которой, как утверждает молва, есть еще одно имя, не столь торжественное: Есаулиха.— Уймись, тебе говорят!..

Калитка распахнута — прямо перед ним, соблюдая расстояние, стоит Есаулиха, она отводит голову, стараясь вернее рассмотреть Лосева и не может совладать с мелкой дрожью, что коснулась подбородка,— истинно, как при студеном ветре нет сил зубы удержать.

— Лев Иваныч, голубчик!— вскрикивает она, увидев его и хватается за подбородок, желая остановить дрожь.— Так вы с переднего, с парадного крыльца — я мигом отпру...

Он стоит у парадной двери и слышит, как слепо тычется ключ в дверь,— однако у Есаулихи дрожит не только подбородок.

— Опять станция свет выключила, да вы и так найдете дорогу — у вас глаза молодые...— произносит она.— Тут вот на главном перекрестке этот морозильник поставили — не хочешь приметить, да приметись!— она взглянула на без ироники на высокую тумбу «ЗИЛа», затянута в сверкающую целлофановую пленку.— Очередь подоспела — не убежишь!— она засмеялась — острота определенно ей понравилась.— Ничего не скажешь — надо!.. Цаца, конечно, но красивая... красавица цаца!.. Она махнула рукой, открыла дверь в соседнюю комнату, быстро вошла.— Пожалуйста в залу!.. Нет, нет, переобуться не надо — там палас, ему и кожаный каблук не страшен!..

Палас выставил середину комнаты, вокруг поблескивает деревянный пол, тщательно окрашенный, видно, окрашенный недавно. Казалось, краска хорошо взялась и отвердела, это заметно по блеску... Полутьма, отстоявшаяся в комнате, приятно холодновата. В этой полутьме — прохладноватость кубанской осени, настоенной на запахах молодого подсолнечного масла и яблочных джемов, на дыхании синеньких, сдобренных луком. В чистую залу вход этих запахам заказан, да, видно, они непрошено прорвались, когда хозяйка метнулась из задних комнат к парадному крыльцу.

— Где вам угодно расположиться, Лев Иванович?— спрашивает Есаулиха, не забыв тронуть кончиками пальцев подбородок, который продолжает трястись.— На тахте или, быть может, в кресло? Сядете на стул? Ну, как хотите, как хотите!.. Она подходит к окну и легким ударом в оконную створку распахивает окно — гремит болт. Лосев слышит: высвободившись, он маятниково раскачивается за окном.— Что пить будете, Лев Иванович? Не скажу, чтобы в погребе был мороз крещенский, но в маркизете туда глаз не кажи и летом... Квасу, быть может, или... взвару?.. Взвар у меня знаменитый! Ну, кто варит взвар на садовых фруктах? Запах не тот!.. На дичке надо варить взвар, да, да, на дичке!.. На грушах-дичках, яблоках-кислицах и жерделах — вот он взвар! Степная фрукта? Да, степная, но в ней и аромат степной, а что может быть лучше? Взвар, как хорошее вино, должен настояться!.. Сегодня самый раз — три дня... А как прикажете? Из чашки или, может, из миски? Конечно, из миски и ложкой, ложкой, да не железной, а деревянной!.. Как вы? Готовы? Или все-таки из чашки? Ну, так и быть — пощажу!..

Она приносит чашку со взваром. Истинно — царь-чашка: растробом, в лупатых цветках, перепоясанная золотой каймой: не иначе, из этой чашки сам Есаулов пил по утрам калмыцкий чай, безбедно сдобрив его каймаком и русским маслом. А взвар действительно хорош, густо-коричневый, пряный, устойчиво-холодный, в котором над всеми запахами заметно возобладали дикая груша — от нее и сладость, и приятная терпкость.

— Ну, как, Лев Иванович?
— Хорошо...
— То-то!..

Взвар отнял все слова — не хочешь, да лишишься языка, не сразу поймешь, зачем пришел. Кстати, во дворе смолк деревянный молоток — видно, Грика, сидящий на крыше амбара, тоже затаил дыхание, прислушавшись к разговору, который сейчас возник в доме.

— Говорю Грике: «Замани Льва Ивановича на курятнику свежую или там на бараны котлеты...» — замечает Есаулиха, а сама бойко водит маленькой головой, все норовит попасть глазами «в фокус», получше рассмотреть, как ее слова воспринимает гость.— Да что там говорить? Холостяцкая жизнь куда какая

белесая!.. Небось, на завтрак бутерброд и на ужин обратный бутерброд?... Сухомятка!.. Да разве вас заманишь!— голова остановилась — не иначе черные пуговицы Есаулихиных глаз попали «в фокус».— Небось, и сейчас не так просто, а по делу, а?
— По делу, Варвара Тихоновна...
— По какому, простите?

Лев Иванович молчит минуту: не просто сказать, какое дело привело его в этот дом, хотя всю малую неделю, пока шагал на хутор через сохшийся по осени бурьян, а потом стерню пшеничную, думал, как изложит Есауловым причину визита.

— По слухам, опять Грику и соседского Вовку подобрали в кюветах на большом шоссе...— произносит он, не глядя на хозяйку.— Сказывают, билась до последнего, Варвара Тихоновна...
— Был такой грех,— соглашается Есаулиха, соглашается спокойно, кажется, что улыбается даже — она ждала от учителя худшей новости.

— У одного, говорят, коленка вывихнута, а у другого — скула на затылок повернулась?..
— И это верно,— произносит Есаулиха, теперь уже не скрывая улыбки.

— Но ведь вторую неделю в школу не ходит!— вырывается у Льва Ивановича.
— Ничего не скажу — что правда, то правда,— в голосе Есаулихи появляется кротость, какой не было прежде.

— На моей памяти эта... сеча у них не впервой, Варвара Тихоновна?— осторожно осведомляется гость.

— Третья, Лев Иванович,— уточняет она.
— Соседи ведь и...не первый десяток годов?— вопрошает учитель.
— Сродственники!..— поправляет Есаулиха.— Братья троюродные!

Лев Иванович замолкает, однако вот разговор и подступил к сути — пришел час коснуться и ее.

— А причина, Варвара Тихоновна?.. По какой такой причине пошли войной? Есаулиха смеется, смеется в радость, обнажив желтые кукурузинки зубов, которые удавалось ей скрыть до сих пор:

— Вожжа под хвост попала!..
— Вожжа?— не может скрыть своего изумления Лев Иванович.
— Злая вожжа!..— вырывается у Есаулихи.

Что хочешь, то и думай: вожжа. Конечно, можно попытаться продолжить разговор, но вряд ли он сулит новое. Есаулиха замкнулась в своей немоте: вожжа и баста...

Лев Иванович идет к соседям. Надо минутку по пригорку дом Касаткиных и выйти к хоромино Вовки. Лосев, кажется, и не притронулся осторожной ладошкой к калитке, как зазвенело, засеребрилось вожденное колечко на проволоке и пошло гулять из одного конца двора в другой — кубанская овчарка. В «глазок», оставленный хозяевами на тот случай, если нет необходимости открывать калитку, видно, как скачет по двору, взвиваясь и цепеня, овчарка, выставив свирепую морду, странно похожую на человеческую, с провалами ярко-желтых глаз и, кажется, даже с усами и подусниками.

— Это вы, Лев Иванович?— Из глубины двора к калитке вышагивает сам Колесин, на ходу вытирая куском пакли руки, испачканные тавотом.— Прошу вас — заходите, гостем будете...— Он оборачивается к псу, который в молчаливой злобе еще продолжает вертеться на проволоке.— Ну, ну, остановись!— грозит хозяин псу, и тот действительно «останавливается» и с унылым вниманием, поматывая большой головой, смотрит на проходящего мимо гостя.— Владимир уехал долечивать ногу к двоюродной сестре за Кубань, а я остался на весь дом один.— Колесин смотрит на гору, крутую, в ржавых оползнях, что встала над хутором, смотрит, не выпуская из рук пакли, которой еще и еще раз протирает пальцы, тщательно, один за другим.— А Мария Ивановна хворает: новая хворь, совсем новая — занемел хребет, занемел и заостенел, головы не повернуть — по-научному, соль там какая-то получилась... Где только она прежде обитала, эта самая соль?..— Он смеется и аккуратно кладет паклю на выступ, образованный карнизом дома.— Никто ее не видел в глаза, а говорят, соль!.. Какая она на вид: столовая или крупная, желтая, по-нашему — конская... Вот беда — один — соль, у других — сахар! Поделили людей на соляных и сладких, а на самом деле, если разобраться, все наоборот: тот, кто соляной, — сладкий, а тот, кто сладкий, — он какой соляной-пересоленный, даже горький!.. Пожалуйте в...залу! Учитель улыбается: и тут зала. Хозяин оглядывает свое торжественное жилище, будто видит его в первый раз. Однако все как в соседнем доме: и буфет с хрусталем, и настенные часы с боем, и пианино у окна, и ковер на большой стене, и тряпичный арлекин посреди ковра — чуть-чуть страшна эта страсть с болезненной точностью повторять друг друга, все обратив в копию... Будто не выходил Лосев из Грикиной дома: только легкая бархатистость пыли укрыла черные доски пианино (видно, у большой хозяйки руки не дошли!) — вот и вся разница!

— Лев Иванович, согреть чайку? У нас теперь газ — я мигом! А может быть, по чарке наливки? Вишневой, конечно? Ну, как хотите, как хотите!.. Чем могу быть полезен, Лев Иванович?.. Что вас привело к нам? Владимир?.. Сшиблись с соседским Григорием?.. Да плюньте вы на все это, Лев Иванович! Кто в эти годы не дрался? Вы не дрались или я, к примеру? Перья летели! Как вспомню, от мурашек, что ползут по спине, плечи ходуну ходят! По какой причине сшиблись? А грець их знает! Как подрались, так и помирялись! Мы еще будем сидеть с вами, свесив ноги с тахты, и ломать себе голову, как их подвести к мировой, а они уже на выgone футбол гоняют или Кубань наперегонки переплывают!.. Да что там говорить?.. Скула вывихнулась? Верьте мне, Лев Иванович, не успею оглянуться, на свое место встанет эта самая скула! Да как может быть иначе? Надо понимать: шестнадцать лет! У них кровь так приспособлена, чтобы мигом болячки латать!.. Заживет, как на сабаке!..— Он вдруг умолкает, вопросительно смотрит на Лосева.— Я сказал: шестнадцать? Только сейчас подумал: то, что прежде можно было принять за шестнадцать, сейчас потянет на все двадцать... Так я говорю?

Лев Иванович покидает хутор, когда солнце уже уходит за горизонт. Степь становится диловой, а рывая гора — синей, да и роса на отлете стала какой-то пепельной. Только облака над головой налитаны солнцем. Не было бы этих облаков, пожалуй, и степь заволокло тьмой быстрее. Однако зкое наваждение: Лосев хочет думать о хоромино Вовки, а глаза норовит застить дом Грики. Лев Иванович припоминает многоцветное жилище Грики, а в глазах мельтешит безбедная халупа Вовки. Только и отличишь Вовкиного отца от Грикиной бабки по его синим шароварам, в которых можно утопить гору в ржавых отвалах. В остальном, как при головокружении, не знаешь, где начинается один дом и кончается другой. Но вот вопрос: эта страсть познавать живот, но не дать соседу купить цацы, которой нет у тебя, откуда она? Недуг глаз или, быть может, души? А почему надо отдавать себя во власть этому недугу при виде презренной цацы?

День меркнет медленно, и, точно оглядываясь на меркнущее небо, гаснут звуки степи. По осени они не так богаты, как летом, но и сейчас нет-нет да взлетит из сухой травы сонный кузнечик, ошалело метнется наобум оса и жалобоно просистит поодаль в зарослях прихосшего орешника неведомая пичуга. Однако это уже не пичуга, а человек. Вначале на белесом фоне неба выпирает его голова, медленно раскачивающаяся в такт шагу, потом вырастает весь он — ни дать ни взять — косая сажень в плечах.

— Это ты... Касаткин?
— О, о... Лев Иванович! Откуда вы?

Рисунки
Натали
СЕДУЛИНОЙ

Не иначе Лосев искал этой встречи: Николаи Касаткин, а по-здешнему, по-хуторски — Коленок. Его дом третий на хуторе, по правую руку у Коленка — Грика, по левую — Вовка. Каким-то чудом Коленок избежал сечи между Грикой и Вовкой. В то время, как те двое норовили прибить друг друга, он стоял в стороне. Нет, не потому, что робел, просто ему было не до драки: третий год, как Касаткины промышляют золотишком где-то на Севере, а Коленка оставили посматривать за девятилетней сестренкой. Правда, в помощь дана бабушка Вера, но бабушка глуха, как камень, и проку от нее не очень-то богато. Вот и сейчас у Коленка в одной руке книжки, стянутые толстой резинкой, в другой — «авоська» с кабачком, а на груди схваченные едва видимой тесемкой боксерские перчатки, заметно новые — коричневого цвета и в ночи. Наверно, в этих перчатках боксерских — объяснение несложных отношений Коленка с Грикой и Вовкой.

Еще в те далекие времена, когда Коленок явился по осени в пятый класс, все обратили внимание, как он вытянулся за лето. Такое с человеком бывает редко: в длинной шеренге класса переключался с левого фланга на правый. Не просто набрал рост, а окреп в плечах. Все это было так явно, что учитель физкультуры велел Коленку напрячь мускулы и, ткнув в них пальцем, вздохнул: такие мускулы не накачаешь за год и гантелями. Неизвестно, как события развивались бы дальше, если бы не происшествие, самое заурядное, которому Коленок вдруг сделался свидетелем на городском базаре. Дюжий ставрополец, явившийся с братом-малолетком продавать скотину, ринулся колотить меньшего, колотить не столько за дело, сколько по привычке. Коленок вступился за слабого: коротким ударом в подбородок он отнял у старшего вместе с коренным зубом и сознание. Очевидцы свидетельствовали: «Он всего лишь задел его кончиками пальцев, и тот спелся. Этак, чирк — и готово». После этого о Колькиной правой в городе заговорили, как о достопримечательности, которую следует занести в Красную книгу. А пока суд да дело, Коленку дали боксерские перчатки и велели тренироваться. Ну, разумеется, все происшедшее поставило Коленка в особое положение в споре соседей — его исключили из спора. И то верно: еще пришибет ненароком — чирк, и все тут. Но вот что интересно: с тех пор, как в городе открыли Колькину правую, заметно преобразился и сам Коленок. В его говоре появилась новая интонация. Как ее назовешь вернее? Снисходительное участие, а возможно, снисходительная требовательность? В этом не было гордыни, наоборот, было желание понять людские слабости и простить их. Да как могло быть иначе, когда сверстники Коленка, самые рослые, не поднимались выше Колькиного плеча. Если надо было обратить их в трепет, он всего лишь протягивал руку и грозил щелчком. Это повергало в трепет — казалось, щелчок готов был сшибить наповал.

— Прошел слух: Грика и Вовка пошли друг на друга войной, — произносит учитель с намерением как-нибудь начать разговор. — Говорят, что их подобрали в кювете у большого шоссе...

— У полотна железной дороги, Лев Иванович, у переезда...
— Ну, у полотна, однако чего ради они пошли друг на друга врукопашную? Коленок отвел руку и осторожно положил «авоську» с кабачком в сухую траву — кабачок все-таки был нелегок, да и рассказ, к которому Коленок хотел сейчас обратиться, требовал участия руки.

— Глаз за глаз! — рассмеялся Коленок, его смех прозвучал здесь, на степной тропе, неожиданно громко. — Это же легко вот так: глаз за глаз! — Он махнул рукой, в которой только что была «авоська». — Ну, не равновесие, а баланс? Теперь понятно? Непонятно, Лев Иванович? Ну, к слову, когда всего у нас поровну! У тебя джинсы и у меня джинсы, у тебя, к слову, водолазка и у меня водолазка, у тебя ролики и у меня ролики... Легко жить — никаких тебе конфликтов!.. Вот так пройдемь вдоль нашего хуторского авеню, и дома стоят, как на переключке. И видно все, как в аквариуме! Это только кажется, что у домов кирпичные стены, а на самом деле они стеклянные и все можно разглядеть: и джинсы, и водолазки, и ролики... И вдруг я всматриваюсь в это самое стекло и обнаруживаю у соседа мотоцикл,

которого у меня нет... Да, живой мотоцикл, сверкающий никелем и краской... Вы понимаете, что происходит в моей душе?

— Ты хочешь сказать, что Грика вывернул Вовке скулу из-за мотоцикла?
— Нет, это первый раз из-за мотоцикла, а сейчас всему виной этот морозильник «ЗИЛ»!.. Ну, тот, что стоит у них в прихожей — видели?

Коленок нащупал в сухой траве «авоську» с кабачком, приподнял — не иначе, он сказал все.

— Погоди, погоди, этой войне нет конца, да? Сколько будут жить, столько будут драться, так? Нет конца?

— Почему же... нет конца? — переспросил Николай. — Конец есть...

— И когда ждать его?

— А вот когда: как мои вернутся с Севера, так и кончится война. А еще вернее: ежели мои привезут «Жигуленку»... Обязательно кончится.

— Но ведь тебе не так просто скулу сверотить?

Смех Коленка был печален:

— Тут, пожалуй, свероченной скулой не отделаешься... — произнес он, не глядя на Льва Ивановича.

Осень выдалась сухой — три недели над степью стояло безоблачное небо, безветренное и теплое. Опавшая листва в садах напигалась сухого солнца и отдавала пылью — горьковатой и вязкой. В балках, в затишье копилась запахи осенней степи, пахло соломой, бурьяном, будильями подсолнуха.

В очередной раз у Коленка набухли гланды, и он не пришел в школу. Кто-то сказал Льву Ивановичу, что накануне Касаткины, брат и сестра, затеяли побелку, но должны были оставить затею, застигнутые врасплох Колькиной болезнью. — ведро с известью так и осталось стоять посреди двора. Как рассказывали, болезнь развевалась не на шутку, пришлось дважды за ночь вызывать врача — Лосев пошел к Касаткиным.

Лев Иванович без труда проник во двор Касаткиных и увидел картину, которая немало его удивила. Посреди двора стоял «Жигуленок», а подле хлопотал с перевязанным горлом Николай. Лосев готовился приветствовать Коленка, когда увидел, что тот не один. На верхней ступеньке крыльца сидел старший Касаткин, а чуть пониже, опершись локтями о колени, не на шутку задумавшийся Грика и Вовка. В то время, как старший Касаткин, подкручивая свивые усы, которые он так и не сумел отрастить так далеко Севере, подавал сыну сигналы, вроде того, что «Включи зажигание!» или «Дай задний ход!». Грика и Вовка смотрели в полутьму приближающегося вечера горящими глазами. Казалось, вывихнутая скула Вовки не совсем еще вернулась с затылка на свое прежнее место, а правая бровь Грики еще была стянута кровавым шрамом, но они простили друг другу это, явив любовь и верность, какой не было прежде. Хотелось спросить: да неужели их кинул друг к другу и могуче примирил маленький «Жигуленок», что кротко мигал сейчас своими фарами в сумерках, выражая послушание?

— А ну-ка, ты попробуй, Грика! — сказал старший Касаткин и мотнул головой, что могло означать: «Не робей, я в тебя верю!», но Грика только с участливым вниманием поглядывал на Касаткина и закрыл глаза, что не могло означать согласия.

— Может, ты, Владимир? — Касаткин коснулся ладонью спины Вовки, будто подталкивая его к машине, но тот сделал такое движение головой, будто его в маховую укусил комар.

— А коли так, тогда я сам... — сказал старший Касаткин и шагнул со своей верхней ступеньки к «Жигуленку». Но тут произошло такое, что было, пожалуй, неожиданным. Грика и Вовка встали и пошли к воротам. Они шли, не оборачиваясь, сомкнув плечи, — доподлинно «не разлить водой».

— Мы тут задумали с Николаем собрать ребят да отпраздновать! — сказал старший Касаткин Лосеву, сказал так, чтобы слышали Грика и Вовка, которые приближались сейчас к воротам. — И вы приходите, ребята... Приходите! — крикнул он молодым людям вдогонку.

ЗАПАХ

— Придем!—ответил Вовка, не оборачиваясь. Грика смолчал. А старший Касаткин дождался, когда они скроются за створом калитки, спросил сына:

- Ты их не обидел... случаем?
- И не думал,—ответил Коленок.
- А по-моему, они обижены, так?—обратился он к Лосеву.
- Может быть,—ответил Лев Иванович.

Вот это ощущение, что молодые люди ушли внезапно и унесли обиду, сберегло сознание и до того позднего часа, когда Коленок вызвался проводить Льва Ивановича до далекой городской заставы и ночная тропа привела их на выгон.

— Нет, Вовка еще ничего, а вот Грику бес попутал — в глаза не смотрит!— сказал Коленок, неожиданно остановившись. Был тот час для октябрьской ночи, и не такой уж поздний, когда здешнее небо становится особенно глубоким и звезды, набирая яркость, ищут речки или немудреной запруды, чтобы упасть на землю.— Не пойму я этого Грику: вроде и рядом человек, а между ним и мною — ров, полный черной жижи... Только и думай, чтобы не оступиться и не уйти с ручками, с ножками в эту жижу...

Коленок загадывал проводить Льва Ивановича до заставы, а расстались в степи: не иначе, вспомнил ров неодолимый и затревожился...

— Лев Иванович, очень рассчитываем, что вы будете в субботу — хотим отпраздновать возвращение, да к тому же такая обнова — «Жигуль-Жигуленок», — сказал на прощание Николай.— Обещаете, Лев Иванович? Отец просил: уговори Льва Ивановича, он у нас самый почетный гость, его место во главе стола!.. Обещаете?

Лосев, разумеется, обещал. Он был у Касаткиных, когда солнце еще держалось над степью, и застал уже всех в сборе. Вечер был теплый, и стол накрыли во дворе. Где-то на горе, что встала над хутором, жгли сухой бурьян, и запах дыма, вместе со все еще горьковатым запахом осенней листвы, проник и на большой касаткинский двор. Было в этих запахах нечто доброе, что напомидало людям: долгий год, взявший столько сил, мало-помалу клонится к концу, и не за горами ветреное предзимье, а вместе с ним и хмельная теплынь дома, пахнущая просыхающей извлектой, и долгие вечера, когда можно с неторопливой обстоятельностью починить стол на кухне, вставить новую дверь в кладовке, утеплить окна, раз-другой слазить на чердак и, достав из пыльной темени старое седло, сотворенное из добро выделанной кожи еще прадедом, в какой раз с ревнивой страстью осматреть его...

Одним словом, Лев Иванович в назначенный час явился к Касаткиным и, как было уговорено заранее, был посажен во главе стола, накрытого под старой яблоней. Кто нашел место за просторным касаткиным столом? Весь хутор, конечно, да и не только он. Из-за рыжих откосов, что встали над хутором, с ближних и дальних мест, что легли между кубанской и ставропольской степью, прибыла касаткинская родня, как водится, со всем своим безбедным подлеском, старые и малые. Гости расселись, и началось величание. Никогда люди не бываю так добры, как на званом обеде. Все вдруг обрело у Касаткиных размеры превеликие: и ум хозяйина, и сивая с проседью коса хозяйки, и, разумеется, богатырские мускулы Коленка... Преувеличение, беспардонное и холопское? Ничуть не бывало! Просто люди, испив чарку-другую огненной влаги, дали прорваться наружу добру, которое копилось в них годами и давно бы нашло выход, если бы момент подвернулся подходящий... Казалось, самые твердые сердца растопило солнце касаткинской радости, даже Грика и Вовка, больше обычного румяные и сладкоглазые, ловили взгляд Колькиной сестры Соньки и, соорив ей рожу, самозабвенно смеялись, при этом Сонька смеялась больше всех...

Лосев встал из-за стола в одиннадцатом часу — неделя была трудной, и хотелось пораньше вернуться домой и выспаться. Коленок пошел его провожать, и они, как обычно, двинулись степью. Ночь была не такой яркой, какой она бывает в августе, когда звездное крошево так обильно, что уходит за небосклон, — сейчас звезды размывались на порядачном расстоянии над краем неба, и только там, где небесный свод смыкался с горами, они утекали за горизонт потоком. Но об этом Лев Иванович подумал, когда простился с Коленком и оказался один в степи, глядя на горы, которые в этот полночный час, оказавшись в тени, вдруг из рыжих превратились в сизые, почти чернильные. Не попались бы на глаза темные глыбы гор, пожалуй, глаз бы не взял дальше, туда, где горы переходили в степь и лег хутор. Нет, это был не обман зрения, и глаз, и мысль воспринимали все с неодолимой точностью: хутор накрыла шапка дыма, ярко-розового, все более красного. Лев Иванович повернул к хутору — столько раз ходил по этой тропе, но не думал, что она будет такой ухабистой. Ноги соскальзывали с тропы, ударяясь о камни, которых здесь было немало, однажды будилья подсолнуха будто наждаком прошлась по лицу. Лосев не мог не подумать: если бы Коленок возвращался на хутор необычным шагом, то Лосев наверняка его нагнал бы, но, видно, и Коленок рассмотрел красную шапку над хутором и побежал...

Когда под ногами закачался мост через протоку, что была уже на виду у хутора, Лев Иванович установил, что огонь рушит дом Касаткиных, дом и, пожалуй, двор. Как мог догадаться Лосев, огонь взялся на большом касаткином дворе, там, где были касаткинские амбары и навесы, перебросившись на дом. Лосев ворвался в пределы двора и ощутил, что его не пускает дальше вал горячего воздуха, вал дымного огня — казалось, сам воздух без участия огня жег все на своем пути... Лосев схватил ведро с водой и плеснул в огонь, но огонь, казалось, даже не воспринял этой горстки воды. Лев Иванович подумал, что в эти минуты, как начался пожар, народилось столько огня, что той малостью воды, что была на касаткином дворе, его не потушить...

— Дайте топор, топор нужен! — крикнул Лосев и неизвестно как ощутил топориче в руках — казалось, само дымное пламя сунуло ему топор в руки, — теперь надо было порушить ограду и преградить огню дорогу к соседям. Он взмахнул топором и пошел крошить штакетник, когда во тьме рассмотрел белое платице сестренки Николая.

— Это я, Сонька, Лев Иванович, — возопила девочка. — Их как ветром кинуло за протоку!..

— Кого, Соня?

— Вовку и Грику!.. Как ветром! И они сгнули — были они, и не стало! — Ее тонкая рука рубанула темь, рубанула коротко. В этом жесте Лев Иванович ощутил безбрежность ночи, куда ушли мальчишки...

ОТ РЕДАКЦИИ

По доброй и утвердившейся традиции мы предлагаем нашим читателям обсудить ситуацию, описанную в рассказе известного советского писателя Саввы Дангулова. На протяжении последних лет «Смена» неоднократно осуждала на своих страницах мещанский, обывательский образ жизни, боролась с вещизмом в сознании нашей молодежи. И вот вновь речь о том же. Писатель предлагает необычную, возможно, слишком заостренную ситуацию. От вас, читатели, мы ждем оценки поведения взрослых и юных персонажей этого рассказа. Невольно возникают вопросы: каким же образом стихия накопительства завладела душами детей, не успевших еще ничего сделать в жизни самостоятельно? Что воспитало такое отношение к вещам, такую «соревновательность»? Что может и должна противопоставить наша жизнь всему этому, чтобы подобные ситуации можно было называть лишь редким исключением?

Ждем ваших писем. В обсуждении поднятых проблем вместе с читателями примет участие и автор рассказа.

О и являлся на вокзал минут за десять до отхода поезда и занимал место. Для себя и для нее. Пол-часа проходили мигом. Она читала вслух, а он слушал. Она умела читать полушепотом. Ее дыхание касалось его щеки, застывая теплом шеи, добираясь до груди. Его тело было напитано запахом пшеничной муки, запах был добрым... В том, что она читала, всегда было что-то такое, что она хотела сказать ему. Может, поэтому он ничего не слышал из того, что говорили соседи по вагонной скамье. Не хотел слышать. Если бы она не прекратила вдруг чтения, он не услышал бы и в этот раз. Но она умолкла, и он распознал, как толстуха с пустым бидоном из-под молока, который она сдавила коленками, произнесла:

— Что ему делается — вон как высоки хлеба: нырнул, и все тут! — И повторила в отвале отчаянной: — В этой Балке-расщепихе темень богато — можно степь угодить... — Помолчала и добавила со значением: — Фусик! И имя бог знает какое придумали — людей страшать!

До Клементовского оставалось еще минут двадцать, и она возобновила чтение. Голос не отразил тревоги, хотя тревога была. Да есть ли на всю степь еще Балка-расщепиха? Одна такая балка. Правда, расщепихой она становится дальше, разветляясь на три русла, но от этого Ирине не легче... На Клементовском они сходили вместе и шли степью те три километра, что надо было пройти до ее дома. Необыкновенные три километра. Дорога шла хлебами, которые к концу июня поднялись Ирине по грудь. Хлеба да звезды — это и есть дорога к Белому Колодцу. Холодная тьма натекала в балки, она отставивалась в кюветах, скапливалась в выкошенных местах. Она была ощутимо студеной, эта темь, от близости пруда, что открывался справа за курганами. Казалось, оттуда и потягивало ветерком.

Когда дорога скатывалась в балки, ее и в самом деле заволакивало тенью. Даже смешно как-то: будто свет звезд именно тут оказывался на ущербе, его не хватало, чтобы высветлить две балки. В такую минуту она припадала к его плечу, точно искала защиты.

— Будешь идти одна, перебегай балку — закрой глаза и беги! — сказал он, смеясь. — Главное, перемахнуть балку...

— Ходила же до тебя... не пугай! — Она поднимала на него глаза, полные страха.

— А я не пугаю!..

Даже как-то не верится: да есть ли он в природе, этот Фусик! Человек склонен искать необычное. Без него, без этого необычного, было бы скучно жить. Если его нет, надо выдумать. Вот и выдумал человек Фусика... Ходит-бродит по высоким хлебам, на добрых людей страх наводит!

Они добрались до балки и пошли тише. Не стовариваясь. Хотели идти быстрее, а пошли тише. Балка была похожа на вмятину. Ее склоны были медленно покаты. Даже не очень понятно, когда дорога начинала уходить под гору, а когда принималась забирать в гору. Может быть, поэтому пшеничное поле не остановилось перед балкой, оно выстлало ее пологие скаты. И росла тут пшеница напропалую. Видно, влаги было больше, чем везде, поэтому росла так. Была и выше, чем везде, и гуще. И, казалось, больше напитана теменью.

— Если бы можно было перелететь — перелетела... — сказала она и не утаила шепота: тут голос звучал громче.

— А ты перелети, — ухмыльнулся он.

— Нашел, где шутить, — сказала она и прибавила шагу, однако не забыв оглянуться. Ей показалось, что здесь звездное небо ярче, чем наверху. И звезды рассыпались по небу как-то четче. Каждая звезда сама по себе. Но от этого здесь не было светлее.

— Эй, ты... Фусик, выходи на дорогу, может, поканаемся, может, сшибемся, а? — вдруг произнес Гоша, произнес внятно, а когда оглянулся, ее и след простыл.

— Ты... спятил! — крикнула она ему с горы.

Он засмеялся, неторопливо взбираясь на гору;

— А вдруг и в самом деле он где-то тут, самый бы раз помочь мне, а ты дала деру!..

— От этих твоих шуток сердце к горлу поднялось...

Не просто было после этого наладить разговор.

— Вот маме полечке станет чуть-чуть, заберу тебя на кирпичный... — сказал он неожиданно — видно, все, что он собирался сказать, в нем копилось долго, поэтому было так весомо, так существенно.

— Ты видишь, светится бирюза? — сказала она. — Видишь? — Она сняла с пальца колечко с бирюзой и поднесла к его глазам. — Светится, светится!.. — Это колечко подарил ей он; в ответ на то, что он сказал сейчас, она готова была повторять бесконечно: «Светится! Светится!»

СВЯЖКА

Гоша жил на кирпичном. Он, этот кирпичный, кажется, стоял в степи и был обвит дымами, красными, под цвет кирпича, по крайней мере так казалось Ирине. Дым перекарасил травы в красный цвет и иссушил деревья...—И это виделось Ирине. Была бы воля Ирины, она бы приняла Гошу в Белом Колодце, хотя Белый Колодец не ближний свет и лег он за балку, которую в этукую темь не просто перебороть.

— «Заберу!».. А я, может, не пойду!

— Пойдешь!

Она остановила Гошу, уперла кулаки в его грудь. Вот это да: не грудь — валуны, обкатанные быстринной. И гладки, как камень, полированный быстрой волной, и тверды. У него явно больше силы, чем надо человеку. Да и с виду громоздок — весь в буграх. Не был бы таким бугристым, пожалуй, и в походке был легче. Не ходил бы вот так, расклевывая руки. Не поводит бы плечами. Не расклевывался бы с ноги на ногу. Бывают же такие люди: не успел на свет народиться — и стал богатырем. Он, говорят, на этой своей станции товарной мешками с мукой играет, как мячиками. Вот так наиграется за день, а потом доберется до вагонной скамейки и спит. «Ты читай, читай, я все слышу!».. И вправду не поймешь, спит он или нет. Дыхание невнятное. Как у ребенка. «Ты читай, читай...» Поднесешь руку к его волосам, рука мукой напитается. Да и тело мукой попахивает, особенно когда сон разогрел... Любит слушать. Быть может, потому, что сам говорит мало. Она думала: почему так? Да не потому ли, что вся нагрузка на руки и плечи? Отвек говорит.

От робости? Вон какой он сильный и смелый, наверно... Откуда же тут взялся трусости... Но робость не сестра трусости. Робким быть незасорно... Нет, нет, почему же он малоречив? Мыслей небогато? Не умеет видеть? Чувствовать не умеет?... Тогда почему добрый такой? Откуда доброта? Она, доброта, не вызреет на пустом месте... Не могут быть оба молчунами. Из двух один обязательно должен быть горящим... А может быть, тут иное? Нет, сколько человек будет жить, столько и будет ломать голову: почему, по какой такой причине ему вдруг становится люб другой человек? Вот Гоша однажды сказал ей: «Ты моя золотоголовка!» Так и сказал: «золотоголовка», хотя, наверно, хотел сказать «червонная», а может быть, просто «рыжая». Говорят, есть мужики, которые страсть как любят рыжих. А может, все дело в этих Иркиных колокольцах? «Ты моя хохотунья!» — приметил он в другой раз.— «Что бы я делал без этих твоих колокольцев?» Слышали: «колокольцев?» А может, все дело не в золоте, что пролилось в волосы и голос, а в ином? Просто он учул душу Ирины, понял, что вся она по нем?..

Вагон был обжит прочно. Спичкой с спиной с этой толстухой с бидоном обычно место занимал человек в клетчатой кепке, его жирный затылок был насечен складками, лица его Ирина не видела, никогда не видела. А слева у противоположного окна, не прямо по линии скамьи, а наискось, сидел парень с заячьей губой, которую он, заметно стесняясь, вбирал. Каждый раз, когда Ирина поднимала глаза, она стлкаялась с его взглядом — он не отнимал от нее глаз. Как-то в начале осени, появившись в вагоне впервые, он сел рядом с Ириной. Он был худ, но на скамье сразу стало тесно: видно, места требовали его крупные кости, казалось, им было тесно в его теле, они выпирали отовсюду, его лицо было грубо скуластым. Он занял место рядом, хотя свободные места в вагоне были, и этим как бы сказал: он хотел сидеть именно здесь. Ирина уже готовилась пересест на другое место, когда вошел Гоша. Молодой человек с заячьей губой бежал — смех пассажиров был беззлобен в той мере, в какой они поняли, что парня с заячьей губой явно прельстила Ирина, ее яркая красота. Можно было подумать, что молодой человек бежал навсегда, но это было не так. Он появился, заняв место у окна напротив. Место было занято расчетливо: отсюда он мог наблюдать Ирину. Ирина знала это и старалась не смотреть туда, где он сидел. Но иногда ее взгляд обращался к тому окну, и отвести глаза было поздно. Что видела Ирина? В его взгляде было испытующее внимание, даже хмарь — могло показаться, что он гневался, быть может, даже грозил... В том, с какой верной урочностью этот человек занимал место у окна, как был припаян к скамье, которую облюбовал, было впечатление вахты. Но ведь в каждой вахте есть ожидание. Было ли оно у человека с заячьей губой? Пожалуй, было.

Нет, место у окна не всегда было занято. Иногда человек исчезал. На неделю, даже на месяц. Потом появлялся вновь. Месяца и месяцы, которые человек наблюдал за нею, многому научили его. Глядя на книгу, которой Ирина отмечала место рядом, человек мог сказать, здесь Гоша или его нет — иногда друг Ирины выходил в тамбур покурить. Но в этот раз все было по-иному, и книга, лежащая рядом с нею, поведала о случившемся сполна. Гоша не явился, и девушка убрала со скамьи книгу, дав понять, что место свободно. Она, правда, сделала это не сразу, дождаввшись, когда поезд тронется. Однако, убрала книгу, она оглянулась, остановив взгляд на мальчишке с ученическим ранцем, стоявшем в проходе, точно приглашая ее сесть, но он не тронулся с места. Ей стоило труда не взглянуть на человека у окна. Ее объяло смятение: как она пойдет одна от полустанка к Белому Колодцу? Как пойдет? Дорогой, утопающей в высоких хлебах. Мимо лесопосадки, зачернившей степь. Мимо хутора, стоящего на отлете. Балкой-расщепиной. Как пойдет?... Когда поезд притормозил, она взглянула на место у противоположного окна, где сидел человек с заячьей губой, — оно было пусто. Она подумала, что человек прошел в соседний вагон, чтобы там выйти на перрон. Однако что делать ей? Разумнее было бы ехать дальше, но куда? До кирпичного? Ей показало это смешным, и она быстро пошла к выходу.

Дождь прибил пыль и подсушил большак. Ее ноги стучали о земляной покров дороги, как о дощатый настил, хоть вывивая четку! Она побежала и остановилась. Она явственно слышала, как кто-то идет вслед. В том, как человек шел, ускоряя шаг, была уверенность, что он ее достигнет. Ей надо было бы свернуть с дороги, схоронившись в хлебах, но ее испугала темь. Она побежала. «Помогите! — закричала. — Помогите, помогите...» Но степь, безмолвные степи отняли у нее голос, вернув эхо: «Помо... гите! Гите... Гите...» Она бежала что было мочи, и балка обволакивала ее своей холодной темнотой. Никогда идущая в гору дорога не казалась ей такой крутой. Быть может, именно дорога сшибла дыхание. Уже падая, она ощутила удар ладонью в спину и его мокрые губы, заячьи... «Не надо, не надо, ради бога!» — взмолилась она, падая. Она била его локтями, но напарывалась на ребра... Господи, костистая рыба с заячьими губами — бывает же такое... Ее привел в себя холод, да, пожалуй, боль, острая. Затем палец, тот самый, на котором было колечко с бирюзой — оно было сплющено...

Ей бы надо было отсидеться дома, переждать, пока сойдут кровоподтеки, а она ринулась в город... Как всегда, она сидела у вагонного окна. Прежде чем увидеть ее, он рассматривал руку — рука была иссечена в кровь и на ней не было колечка с бирюзой.

— Что у тебя такое?..

— Кажется, она нашлась!

— Полезла с мальчишкой за алычой, да еле ноги унесла от собак... — засмеялась. — Нет, не только рука — вон как шею разрисовало... — Она схватила шею в подтеках ярко-лиловых.

— Значит, алыча? — спросил он ее спокойно: он привык ей верить.

— Алыча, — подтвердила она.

Они пошли, как обычно, от полустанка к Белому Колодцу, и она, как прежде, никла к его плечу, закрыв глаза. Пусть провалится эта дорога в преисподнюю. Как будто не было ни дороги, ни Балки-расщепи, ни ночи, ни человека с заячьей губой... Где-то легли в стороне лесопосадки. Где-то встал хутор на отлете. Где-то дорога расщелилась серебряным палашом хлеба. Где-то она, эта дорога, вошла в балку и взметнулась на гору, не приметив сшибленного подсолнуха у кювета да примятых

хлебов... А она все никла к нему, и вместе с запахом муки, таким теплым, все его большое тело дышало добротой. Ей хотелось, как прежде, упереть в него кулаки и, оттолкнувшись, убежать домой, но он остановил ее.

— Постой минутку, — сказал он, удерживая ее подле себя. — Маме совсем плохо. — Он сдавил ее — объятия его были каменными. — Я сказал ей вчера...

— Что?

Он вдруг принялся ее целовать — этакое проворства не было прежде. У нее было желание расковать его железные скобы и провалиться. Обязательно провалиться. Казалось святотатством то, что происходит. Что могло прийти ей на ум сейчас?

— Не надо! — крикнула она и побежала к дому. — Не надо, не надо! — бежала она и кричала.

А он стоял, неожиданно сникнув: все ожидал, не ожидал этого. Все мог понять, не мог понять происходящего. Истинно душа человеческая — тьма первозданная: глядишь в нее и ничего не понимаешь, если даже очень хочешь понять. Но вот что он должен был сказать себе: не понимал, напрочь ничего не понимал, а жалел ее. Остро, до кричащей боли было жаль ее. И еще: было ощущение беспомощности.

В полдень он заехал за ней и повез на кирпичный. Они сидели, как всегда, у окна. Она читала книжку, а он слушал. В книжке речь шла о войне, о страдальце-Волге, о понтонах, идущих с одного берега на другой, о снарядах, рвущих понтоны, а он лопил в ее чтении другое... «Я люблю тебя, — будто говорила она. — И все в наших отношениях вечно... Все вечно, и ничто не в силах их разрушить...»

Но она должна была спросить себя: «Да так ли он прост? Так слеп? Не догадывается?..» В ее сознании и теперь стоит вот это его: «Алыча?» И еще раз: «Алыча?» А может, догадался, да отшел. Напрочь отшел во имя того, что больше всех зол?... У нее полились слезы, взяли и полились.

— Да ты что так? — Он поднес ладонь к лицу, промокнул слезы. Ладонь большая, укрыла все лицо и пахнет сеянкой. Сколько же радости в этих запахах!

— Я люблю тебя, Гоша, люблю... — произнесла она, однако ладони его с лица не сняла. «Попробуй нести эту тайну всю жизнь?» — спросила она себя. — Попробуй и себя? А вдруг эта тайна рухнет, что тогда?..»

А трава на кирпичном не красная, а ярко-зеленая, не тронутая майским зноем. И белолистики, одетые густой листвою, на матово-белой, мерцающей на ветру подкладке. И тополя как тополя с оцутимо толстой, чуть взвизгнувшей ветром кроной, неколебимые в своей немельмой стройности, точно впаиваемые в небесный свод. Все, как в Белом Колодце. Да и дом Гоши чем-то похож на дом самой Ирины: шифер не поизносился, ставни выкрашены темной зеленой и пол подновлен охрой. Это все Сергеевна — Гошина мама. Гоша как-то сказал, что у нее это лето было вон каким горячим. Однако с какой стати она принялась белить да красить? В своем незавидном положении — с какой стати? Не потому ли, что собралась в дорогу, дальнюю, самую дальнюю?

Конечно, все это не прочтешь в ее строгих глазах, которые она обратила на Ирину со своей невысокой лежанки.

— Молчи и слушай. Видишь сундук? Отрез шевюта темно-синего — тебе, отрез маркизета — тоже тебе...

— Да теперь из шевюта не шьют, Евдокия Сергеевна... — улыбнулась она.

— Значит, не шьют? — огорчилась старая. — А в наше время лучшего и материала не было — мягкий и блестящий, как масло!.. — Она отвела седую прядь со лба, заправила ее за ухо. — А как... муфту? Возьмешь в руки по морозу, а?

Пока извлекала старую лису из комода, Евдокия Сергеевна устала — лежала недвижимо, скосив глаза на грудь, — кажется, ткань ее исподней рубахи вздымалась, Евдокия Сергеевна это видела.

— Рукой не могу повести, чтобы не отозвалось в сердце, — сказала она, — надену носок и жду, пока сердце успокоится... Все думаю: сумею надеть второй или вот так умру в одном носке...

Она умерла по-иному: хотела дотянуться к стакану с водой и, не дотянувшись, уронила руку. Ее так и нашла: рука свисала с кровати.

Нелегкую задачу задала им мать. Они точно примерялись, как подойти ко дню, что виделось впереди. Гоша, может быть, и решил бы назвать этот день, да ненароком боялся оскорбить память матери. Все было в их власти, не во власти их было приблизить или отдалить этот день.

Вот они и вернулись к прежней своей жизни, к ее раздумчивым циклам, повторив их в подробности. Все так же встречались в вагоне рабочего поезда за пять минут до отхода и ехали вместе до полустанка, а потом он провожал ее до Белого Колодца. Она пробовала ему читать книгу вслух, но он плохо слушал.

А место у противоположного окна, где сидел человек с заячьей губой, было занято его другом, тем, что носил и зимой, и летом фуражку с черным козырьком, тронутым нетускнеющим лаком. Да и глаза человека в фуражке были ярко-черными, заметно лакированными — все чудилось, что парень с заячьей губой оставил их, чтобы они продолжали смотреть в упор, была в них дерзость нескрываемая, быть может, вызов. Он даже пробовал улыбаться.

Как-то, улучив минуту, он подошел к Ирине и, остановив на ней свои лакированные глаза, произнес:

— Привет вам сами знаете от кого... — и, ухватив козырек, надвинул фуражку на глаза, при этом улыбка продолжала мерцать.

Она подумала: вот так, против воли человека, в нем вдруг образуется двойная жизнь. Она ругит душу человека... Было такое чувство, что кто-то все время идет тебе вслед. И ты слышишь, как он напирает на шаг, убыстряя его. Как в ту ночь на подходе к Балке-расщепи. Но что можно сделать? Бежать? Да, собрать некий чехмоданишко и рвануть... Но куда бежать? На Север, на Север, куда еще? Одной?... А может, бежать нет смысла? Может, надо явиться к Гоше и все рассказать? Он ведь добрый — поймет... Но все ли зависит от его доброты? Есть, говорят, в мужике такое, что дано ему его мужицкой сутью и живет само по себе. Ничего нет страшнее этой его страсти. Взбунтуется, и не совладаешь, не найдешь управы. Неодолима эта сила в мужике. Нет ее сильнее и, пожалуй, темней.

В начале осени выходил год, как ушла Евдокия Сергеевна, а на исходе осени решили сыграть свадьбу.

Все имеет свое начало и свой конец: отшумела свадьба, как будто ее не было. Гоша захотелось взять в одну руку молоток, в другую пригоршню гвоздей, пойти по усадьбе, приколотить в заборе доску, поставить покрепче на петли калитку. Гоша стучал молотком, а Ирина была рада-радешенька. Казалось, чего радоваться простому стуку молотка, а было радостно. Чудилось, что жизнь ладится вопреки всем невзгодам. Время от времени Ирина выглядывала из окна, которое не заставлял ее закрыть приближающийся вечер, чтобы отыскать глазами Гошу. Калитка была распахнута — он и в самом деле крепил петли. Но в следующую минуту она увидела мужа на скамейке, что была врыта под старой яблоней. Сумерки уже достаточно ступились, и человека, сидящего с Гошей, распознать было не просто, но выдала фуражка гостя, вернее, ее лакированный козырек: он и в сумерках блестел неудержимо. Она закрыла глаза, привалилась к стене. Неизвестно сколько простояла. Когда открыла глаза, скамейка посреди двора была пуста, а калитка все так же распахнута. Видно, они ушли, забыв закрыть калитку. Ирина выбежала на улицу.

— Гоша! — крикнула она и подивилась, как слаб ее голос: да разве перекричишь этукую степь. Она побежала вслед дороге, и ее вынесло на кручу. — Гоша, Гоша! — крикнула она что было мочи, но голос ее утопила степь. Она не помнит, как дотянулась до каменной плиты, которой был будто выслан холм, казалось, камень напитался полуденного солнца и сейчас отдавал его.

Его теплая ладонь пробудила ее, она встала.

— Это ты?

— Я.

Он сказал «я», но она не увидела его. Ночь скрыла его. Он был, и его не было.

— Я хочу сказать, что не сказала до сих пор... — произнесла она.

— Я знаю уже все сам — пойдем домой...

Она ощутила у себя на плече его ладонь — ладонь дышала теплом и мукой-сеянкой, запах был давним, его берегла память для нее, и в этом запахе было дыхание добра.

— Пойдем домой, домой пойдем, — не переставал повторять он.

Бюро ЦК ВЛКСМ и секретариат ВЦСПС на совместном заседании обсудили вопрос о создании и строительстве молодежных жилых комплексов в Свердловской области. Подчеркнуто, что МЖК дает возможность комитетам комсомола как на производстве, так и в быту воспитывать у молодых чувство хозяина, коллективизм, высокие нравственные качества, чувство прямой причастности к решению общественных проблем.

Александр РАДОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Речь поведу о деле, вокруг которого немислимый ажиотаж. Ни день, ни месяц — восемь лет...
Официальное название — социальный эксперимент, но обстоятельства его таковы, что одинаково годятся и для восторженной оды, и для желчного фельетона. Все зависит от точки зре-

ния. Одни сразу подметят — человеческое братство, другие скривятся — коммуналка! При желании можно увидеть и взлет, и падение, и крупный для общества выигрыш, и, напротив, чистейший беспорядок, разбазаривание ценных ресурсов... Чему верить?

Самое поразительное, что даже крайние оценки недалеки от истины, удивительным образом между собой сочетаются. Настолько противоречиво явление, которое обозначают аббревиатурой МЖК и расшифровывают так: Молодежный Жилой Комплекс. Оппонент вознегодует, услышав одно название:

— Какая дичь! — И ехидно поинтересуется: — Их что, в фаусты потянуло? Претендуют на вечную молодость?

Другой оппонент иное смекнет:

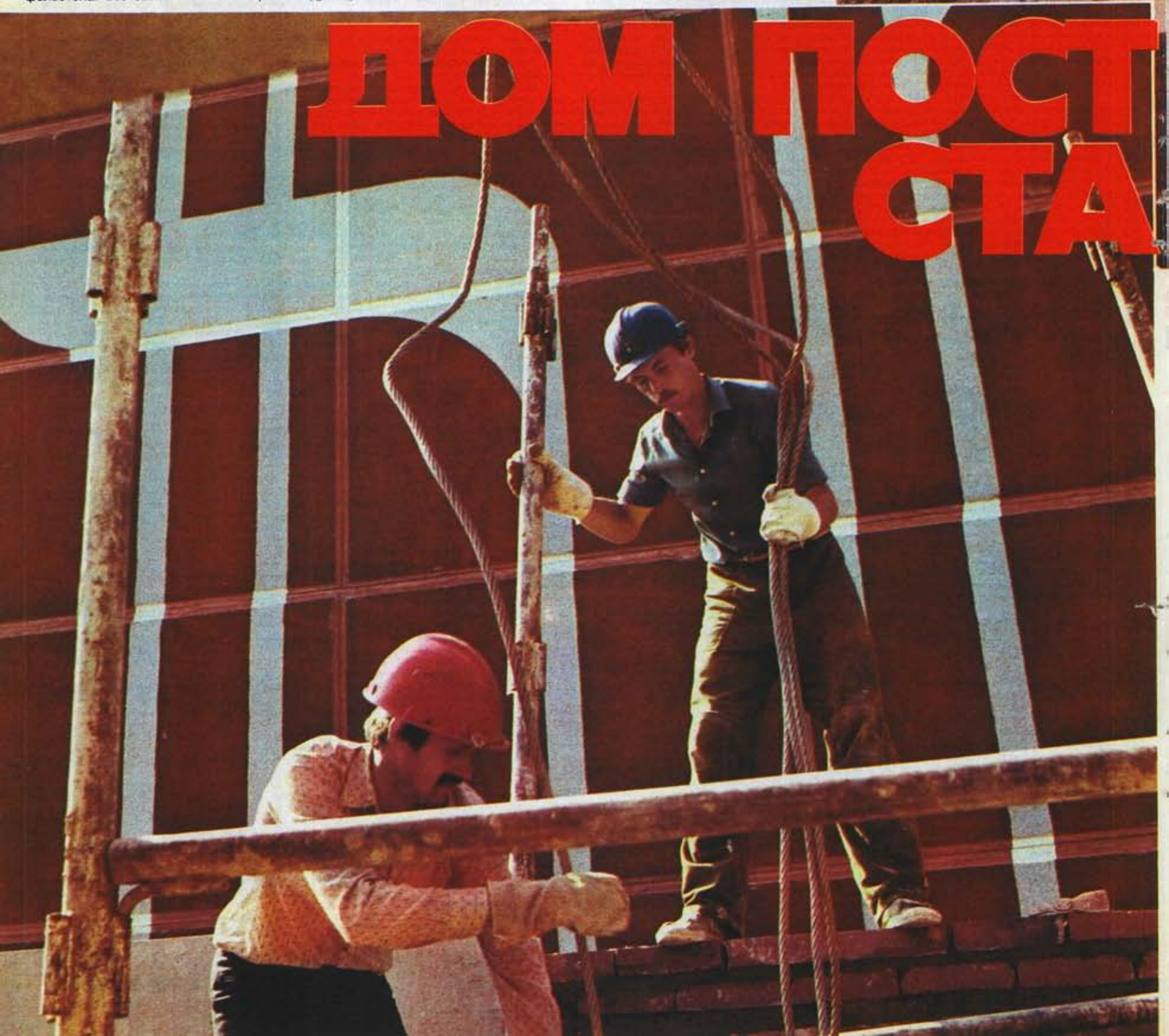
— Одни хотят жить? На кого ж стариков бросают?

Есть возражения и вокруг главного принципа МЖК: дома себе строим сами. Да-да, сами жильцы, по профессии чаще не строители, а физики и химики, инженеры и токари, философы и лаборанты и прочее, и прочее — с а м и возвели все попавшие и не попавшие в наш фото-

БУДУЩИЕ НОВОСЕЛЫ.

ДОМ ПОСТ СТА

РОИМ- НЕМ ЖИТЬ

очерк сооружения. Только на этой площадке площадью одиннадцать гектаров — уже более чем на восемь миллионов рублей да столько же на других объектах города: на реконструкции заводов, на городских коммуникациях...

Самый первый вопрос: зачем? Вспоминаю молодого талантливого ученого, который долго при мне возмущался: да как это можно вместо занятий наукой рыть котлованы, собирать опалубки, возводить стены... Еще понимаю, он снизошел, когда летом, в строительном отряде, но круглый год, да не после работы, а вместо...

Вот такой был пассаж, а в конце мой собеседник стыдливо добавил: мне трудно, конечно, судить — у меня есть квартира...

Что ж спорить — отвлекает работа на стройке, отстают, не станем скрывать. «эмжэковцы» в основном своем деле, и потом приходится им лихорадочно наверстывать... Но если посмотреть с другой стороны. Через жилищную неустроенность. Социологи установили, что до вступления в МЖК менее десяти процентов молодых семей имели отдельные квартиры. Сколько каждой из нуждающихся пришлось бы ждать? Даже если на хорошем счету у себя на заводе — не менее восьми лет. Что из этого следует? Долгие годы меняя частные углы, за которые берут теперь о-го-го! Или скитаться по общежитиям, мало приспособленным для семейной жизни. Подходящ такой быт, чтоб целиком сосредоточиться на научных идеях, конструкторских разработках или хотя бы на токарном деле? То-то же... А сколько талантливых профессионалов не выдерживают, бросают место работы, меняют специальность и начинают с семьей кочевать в поисках лучшего шанса на получение жилья. Или, что, на мой взгляд, еще хуже, ради квартиры берутся ловчить или левачить.

— Реальная жизнь порой голосует за

ОТ ФУНДАМЕНТОВ ДО КРЫШ — ВСЕ В ЭТОМ МИКРОРАЙОНЕ ПОСТРОЕНО РУКАМИ МОЛОДЫХ.

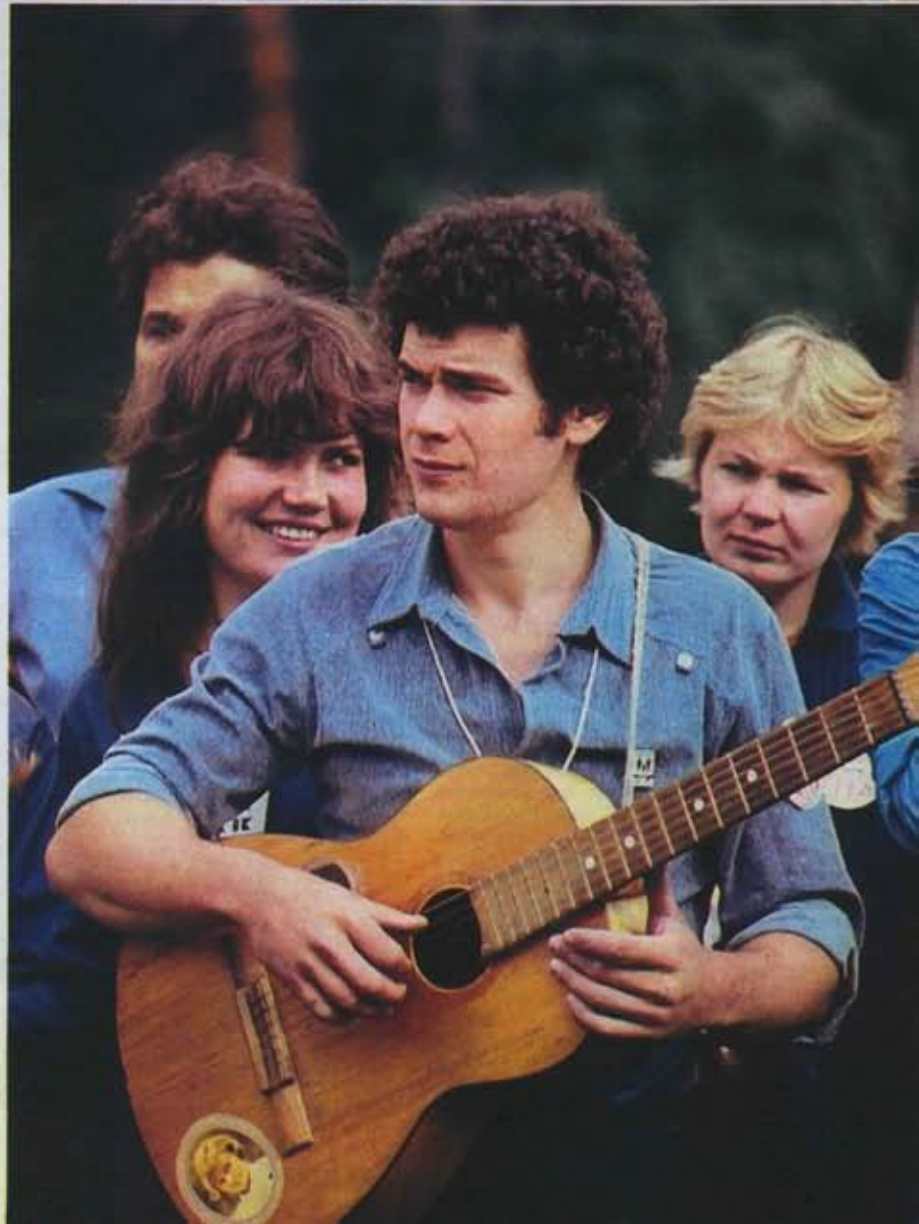
систему Птолемея против системы Коперника! — вывел однажды Олег Пчелинцев, известный ученый, экономист и демограф, послушав споры вокруг МЖК...

Конечно, не от хорошей жизни... Жилья, особенно в крупных городах, требуется больше и больше, а строители не справляются, на все попреки отвечая: «Людей нет... Вот вы пойдете на стройку? То-то». А «эмжэковцы» сказали: «Пойдем!»

Нет, вовсе не по наивности, хотя слышал резон: «Почему у них получилось? Они же физики, а потому, не зная трудностей строительства, не боялись их...» Не совсем это верно. Закоперщики свердловского эксперимента прошли умную, очень полезную для взросления школу студенческих строительных отрядов. Были в них командирами и комиссарами, сдружились, поверили, что все могут. Когда остро встал и перед ними квартирный вопрос, рассудили так: «Зачем просить, обивать пороги или родителей заставлять раскошелиться на кооператив?.. Да мы лучше сами построим». Потому не испугались трудностей, уйму которых пережили на подступах к эксперименту и в процессе его проведения, что нисколько не сомневались: это правдоподобно, им по силам. К тому же был уже прецедент: МЖК, построенный десятилетие тому назад в подмосковном Калининграде. И хотя не все калининградцам удалось и винить их в промахах трудно, но первая ласточка полетела...

Есть момент, который упустить не могу: им надо было что-то построить — нечто грандиозное, свой, если хо-

**В МЖК СКУЧАТЬ
НЕ ПРИХОДИТСЯ.**

**В ДЕТСКОМ КЛУБЕ «ГНОМИК»
КАЖДЫЙ НАХОДИТ
ЗАНЯТИЕ ПО ДУШЕ.**

тите, Город Солнца, причем самим. Почему надо было? «Строительная целина» возбуждает сегодня у молодых великие страсти, рождает уверенность в собственных силах. Куда это девать, когда студенчество кончается? Кто-то подскажет: принести на службу, использовать для блага науки или производства. Все верно, да учтем: немало лет надо молодым людям часто ждать, чтоб доверили им нечто крупное, грандиозное. Да и молодые на службе разобщены, не имеют возможности, как на строительной целине, играть молодежной командой, в которой легче отыскать и утвердить единомыслие, пробудить дух товарищеского соперничества, но и общекорпоративной солидарности. Вот вывод: когда молодые играют в жизни командой, они гораздо быстрее взрослеют, больше отдают, их дерзкие замыслы приносят порой фантастические результаты...

Прожив немалую часть жизни по общежитиям, они не тяготились избытком общения. Напротив, заметили: вместе проще справляться с нелегкими проблемами быта, с деликатными вопросами воспитания детей. Уже в проект городка они заложили возможности кооперации,

зоны общения, но наряду с ними — зоны уединения. Да-да, тут нет общих для всех принудительных гарниров. Хочешь — со всеми, не хочешь — уединись, забейся в свою норку. Им, лидерам свердловского МЖК, хватает мудрости, чтоб не вторгаться в святая святых — в суверенитет личности. Хотя, отдаю себе отчет: возможны перегибы... Они не столь, правда, опасны, как в коммунальных квартирах с общей кухней или в

**ДОСУГ ЗДЕСЬ НЕ МЫСЛЯТ
БЕЗ ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ.**

взлет рождаемости. И дети, что еще более важно, здоровые, ухоженные, присмотренные. Здесь нет детской безнадзорности, которая повсюду возникает, пока родители не возвращаются с работы.

Детям в МЖК есть чем заняться, даже подросткам, с которыми воспитателям труднее всего. Тут для них и настоящий истребитель-бомбардировщик, и картинги, и фотокинослайдклуб, и туризм.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ОРГКОМИТЕТА МЖК
ЕВГЕНИЙ КОРОЛЕВ:
«ЭКСПЕРИМЕНТ —
ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД».**

существовавших в 20—30-е годы домах-коммунах, специально построенных так, чтоб уединиться было некуда. «Эмжэковцы» — при желании — спокойно могут выйти из круга общения, а если совсем уж станет невмоготу — поменять квартиру: охотников попасть в «эмжэковские» дома сколько угодно. Но никто не рвется, жизнь в МЖК не только не обременительная — спасительная во многих отношениях.

Уже теперь в их домах интенсивная дружеская кооперация: по очереди ходят в магазины, встречают детей из школы и кормят их, присматривают, как учат уроки. Вместе ремонтируют квартиры, учат детей тому лучшему, что сами умеют. Вместе отдыхают и празднуют: таких, как у них, коллективных праздников город раньше не знал; лучшие клубы по интересам тоже трудно найти... Рядом с домом — бассейн, музыкальные и танцевальные студии. Не надо куда-то ехать, сопровождать детей, ломая планы на вечер...

Очень много удобств и действительно реальная забота о молодой семье, которой, согласитесь, тяжело сегодня даются дети, поскольку ложатся на молодые плечи, особенно женские, громадные перенагрузки. Какой на заботу отклик, говорят цифры: если по стране на семью приходится в среднем 1,2 ребенка, то в МЖК — 1,6. Ликуйте, демографы,—

ХОЗЯЮШКИ.

бескорыстная, без намеков — завтра отплатишь... Жизнь в МЖК и годы до него, пока они соревновались за право построить себе квартиру, приучили их наслаждаться возможностью отдавать, жертвовать, приходить на выручку. Не зря ученые утверждают, что альтруизм не в меньшей степени помог становлению человека и человечества, чем инстинкт эгоизма. Понимаю для себя опасность принять желаемое за действительное, но не могу не возрадоваться реальному эксперименту в сфере общественного альтруизма, человеческого бескорыстия...

Что там говорить: в каком-то отношении бескорыстие участников эксперимента тоже ведь не бескорыстно. Есть выгода — чувство защищенности, чувство уверенности, что в случае чего спасут, выручат. Много раз уже было в МЖК: при беде сбегались не коллеги по работе, а «эмжэковцы». Им всегда есть дело...

Вот такая атмосфера в этом городке, который появился, как мы уже говорили, не от хорошей жизни, в нарушение привычных традиций разделения труда, когда пироги печет пирожник. Уже то, что нет в МЖК трудных подростков, нет дебоширов и пьяных, почти нет разводов, а есть масса добрых дел, — уже это оправдывает существование таких экспериментальных комплексов.

Но есть еще и сторона экономическая. «Эмжэковцы» построили дома, которые без них годы оставались бы в проекте, реконструировали завод ЖБИ и тем

и даже станок с числовым программным управлением... И все, поймем в виду, во дворе, в компании сердечных дружок и под чутким присмотром взрослых, ни один из которых не пройдет мимо сигареты в зубах у подростка или грубого слова. Почему? Потому что все тут со всеми знакомы, дружны, а самое главное — все друг другу нужны. Нет, не по принципу «ты — мне, я — тебе». Он тут, к счастью, не в ходу. Помощь самая

**НОВЫЕ ИДЕИ —
НОВЫЕ
ТВОРЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ.**

самым расширили возможности городской строительной индустрии. Кроме того, образованные, прошедшие опыт МЖК, принесли из промышленности и науки в строительство более передовые приемы труда.

Что же касается практики отвлечений, использования профессионалов не по назначению, то здесь разберемся. Одно дело, когда молодых специалистов посылают на поле вручную картошку копать. Эта практика куда как распространена. Новое пополнение инженерного корпуса используют, увы, именно так и иначе использовать часто не могут: если на предприятии дипломированных инженеров в три раза больше, чем требует дело, то призывы, что надо беречь интеллект, остаются призывами. А вот на строительстве своего дома или на реконструкции предприятия молодые специалисты работают не только руками. У них подряд, самоуправление, демократические традиции решения вопросов — они хозяева, и потому здесь напор хозяйственной и инженерной инициативы. Во-вторых, они проходят ту школу жизни и заодно школу руководства, которой были лишены в силу удачливости своих биографий: детсад — школа — вуз...

Вот такая сила рождается в Свердловске и, будем надеяться, в других городах, где по инициативе комсомольских организаций всюду строят сегодня Молодежные Жилые Комплексы. География обширна: уже шестьдесят городов, во многих — по несколько. И хотя поощряют МЖК партийные, профсоюзные и комсомольские органы, ведомства к эксперименту все еще присматриваются. И строители уж больно утилитарны в отношении к экспериментаторам. Тут вспоминаю одно высказывание, услышанное мной по другому случаю: мало человеку было золотых яичек, которые несет курочка Ряба, захотел и саму курочку оципать.

Давайте беречь золотосных курочек, создавать им условия.

«Эмжэковцы», вся молодежь вправе ждать Доверия, права на Самостоятельность, поощрения к Поиску, к смелым, достойным будущего Экспериментам. И тогда не придется нам сокрушаться, что дети — инфанты, «безрукие», хотят только брать, потреблять...

Да, в МЖК много проблем и, как во всяком большом деле, вероятности ошибок, искривлений. Но, критикуя за частности, не станем вместе с водой выплескивать ребенка. Эксперимент в Свердловске поучителен не только с точки зрения жилья, семейной жизни. Он показывает, как можно увлечь молодых, если предложить им мощный стимул, решающий сразу много жизненных проблем. Потом, как выясняется, этот стимул оказывается не основным. Вовлеченный с его помощью в активную созидательную деятельность, молодой человек настолько ею увлекается, что работает уже во имя самого дела. Стоит поискать: а что в такой же степени, как «эмжэковцев», может увлечь других ребят, у кого уже есть квартиры?..

Итак, идет эксперимент. Когда-то было сказано: эксперимент на себе. Это точно — «эмжэковцы» на себе, на семье, на детях испытывают невиданные прививки, нам предлагая поглядеть, что из этого получится. Так не будем же меркантильны и капризны, принимая от ребят безвозмездный их дар. Уже говорилось: им не особенно нужна наша помощь, потому что надеются они на свои силы, но требуются понимание, товарищеская непредубежденность. И тогда, быть может, «эмжэковцы» помогут нам разобраться, как нам всем жить Завтра.

Расставаясь с читателем, я хотел бы спросить: как вы относитесь к этому эксперименту? Нужны ли такие? Готовы ли вы в подобном участвовать? Ради чего? Какие реальные возможности требуются молодым, чтобы проверить себя, свои силы, чтоб доказать старшим, что уже не маленькие, что способны не только потреблять, но и производить, созидать?

Николай КАРПОВ

Друзья

*Я сижу, обжигаю горшки —
Все добытое в жизни богатство...
Одногодки мои — «старики» —
Составляют великое братство.
Проживают они далеко,
Но во мне обитают незримо.
И порою, когда нелегко,
Возникают из сизого дыма.
Тот поправит узор на горшке,
Этот в печку поленьев подбросит.
Свежей глины притащат в мешке,
Хоть никто их об этом не просит.
К поздней ночи дрова прогорят,
И в тиши, что на землю спустилась,
Слышу я, как они говорят:
— У тебя хорошо получилось.
И не нужно высоких наград,
Чтобы лавры на шею висели.
Коль друзья мои так говорят,
Значит, так оно есть и на деле...*

Автозаводский

МОСТ

*...Внизу плескалось, что зовется
Лишь по инерции рекой.
И длинный мост автозаводский
Казался долгою тоской.*

*Сливался с небом дым табачный,
И над широкой лентой вод
Казалась жизнь такой же мрачной,
Как этот низкий небосвод.*

*Глубокой сыростью сквизило,
И рев машин тиранил слух.
Но голубая призма ЗИЛа
Преобразила все вокруг.*

*К ее подножию спешили
Людские мощные струи.
Те люди делают машины,
Они сограждане мои.*

*Их голоса касались слуха
Вдруг набегающей волной.
И я, приняв обличье духа,
За ними скрылся в проходной.*

*В цехах огромных грохотало,
И, раскалившись добела,
Река горячего металла
Куда неведомо текла.*

*Мне все здесь было незнакомо,
Здесь дух деяния царил.
Я уголок нашел укромный
Близ металлических перил.*

*Глядел, вытягивая шею,
И стало чувство нарастать:
Машины делать не умею —
Я должен песню написать.*

*И над пылающей рекою
Я ненавязчиво впитал,
Что песня быть должна такою,
Как этот льющийся металл!*

*Чтоб в воскресенья и в субботы,
Когда оставлены дела,
Она усталость и заботы
С их душ натруженных сняла.*

*Чтоб подсинила это небо,
Вошла в любой рабочий дом...
...И чтобы я краюху хлеба
Ел, как добытую трудом!*

*В доме птиц и зверушек — в лесу,
Под резной и игольчатой крышей,
Я лицо Ваше в сердце несу,
Словно Вы мне ниспосланы свыше.
И не ведаю, что я нашел
В этих волнах, упавших на плечи,
И в звездах, озаряющих вечер,
И в певучей, как реченька, речи —
Отчего на душе хорошо
От одной только
мысленной встречи...*

Навстречу XII Всемирному

За право на труд,
учебу, мир! За право
на жизнь,
достойную человека!
Против произвола,
социальной
несправедливости,
антигуманности
идеологии капитала!

**ОТСТОИМ
ПРАВА**

МОЛОДЕЖИ!

СОЛИДАРНОСТЬ МОЛОДЕЖИ — МОЩНОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА.

Безработица — проклятие мира капитала. Более всего от этого страшного бедствия страдает молодежь.

Вот факты...

В промышленно развитых странах Запада около 34 миллионов безработных, из них 15 миллионов — молодые люди.

В Англии каждый четвертый в возрасте от 16 до 25 лет не имеет работы, в Канаде — каждый пятый, в Италии 77 процентов безработных из общего числа 2,25 миллиона человек не старше 29 лет.

По данным опросов, проведенных среди безработной молодежи, 46 процентов говорят, что общество не считает их «полноценными», 56 процентов думают, что они «лишние»...

Примерно у миллиона молодых французов моложе 25 лет нет никакой профессиональной подготовки. Совершенно ясно, насколько снижает это их шансы на получение работы.

В особенно тяжелом положении девушки. Они составляют 25 процентов учащихся технических колледжей и профессиональных училищ. Но и в этих учебных заведениях они допущены лишь к 170 профессиям из 400.

Во Франции, по официальным данным, лишь один из 20 детей рабочих имеет возможность учиться в высшей школе.

В Англии выходцы из семей высокопоставленных служащих и интеллигенции, по подсчетам экспертов, имеют в 17 раз боль-

«ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ФЕСТИВАЛЯ СТАНУТ ВАЖНЫМ ВКЛАДОМ В РЕАЛИЗАЦИЮ ЗАДАЧ МЕЖДУНАРОДНОГО ГОДА МОЛОДЕЖИ, ПРОВОЗГЛАШЕННОГО ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ. ЦЕЛИ ГОДА МОЛОДЕЖИ НАХОДЯТ ОТРАЖЕНИЕ В ФЕСТИВАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ, ВСЕГДА ВЫСТУПАВШЕМ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО НА ТРУД, ПОЛУЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ, ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ И СПОРТУ.

МЫ ПРИЗЫВАЕМ МОЛОДЕЖЬ И СТУДЕНТОВ ВСЕХ СТРАН, МОЛОДЕЖНЫЕ, СТУДЕНЧЕСКИЕ, ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, ПРОФСОЮЗНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗ ВСЕХ УГОЛКОВ ПЛАНЕТЫ РАЗВЕРНУТЬ АКТИВНУЮ ПОДГОТОВКУ К XII ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ, СОЗДАВАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ, НАЧАТЬ ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА СОЛИДАРНОСТИ».

Из Призыва Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Куба, Гавана, 11 февраля 1984 года

ше шансов поступить в университет и окончить его, чем дети квалифицированных рабочих, и в 30 раз больше шансов, чем дети полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Расизм — проклятие многих стран капитала. Особенно жестоко он проявляется себя в Южно-Африканской Республике, где идеологической основой является доктрина апартеида. Только один пример: расходы на обучение белых учащихся в десять раз превышают расходы на обучение африканских учащихся. В среднюю школу поступает лишь каждый седьмой из юных африканцев.

Злейший враг молодежи — гонка вооружений, пожирающая огромные средства, которые могли бы быть использованы на благо молодого поколения, для улучшения условий жизни миллионов юношей и девушек.

Не случайно в колоннах молодежных демонстраций лозунги борьбы за социальные права неразрывно связаны с лозунгами борьбы против безумия гонки вооружений.

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА, ЗА ВСЕ ТО НЕОБХОДИМОЕ И РАДОСТНОЕ, ЧТО СОПУТСТВУЕТ НАМ В МИРЕ, НЕОТДЕЛИМО ОТ БОРЬБЫ ЗА САМОЕ ВЕЛИКОЕ, САМОЕ СВЯЩЕННОЕ ПРАВО ЛЮДЕЙ И НАРОДОВ — ПРАВО НА МИР БЕЗ ВОЙНЫ, ПРАВО НА ЖИЗНЬ.

Так будем едины в этой борьбе с нашими зарубежными сверстниками.

В ЕДИНСТВЕ — К ПОБЕДЕ!

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ПЛАКАТЫ
«СМЕНЯ!»

Сотни твоих ровесниц я встречаю на улицах. Сотни людей я уже прооперировал по поводу рака легких. И сотням, я не оговорился, сотням я вынужден был отказать, поскольку ничего уже нельзя было сделать... Нет для хирурга ничего более тяжелого, нежели отказ больному ввиду собственного бессилия. А мне приходилось признавать свою беспомощность, отступая перед многолетними курильщиками.

Ныне настало такое время, что на операционные столы поступает очень много женщин-курильщиц. Я тебя не пугаю. Курение — дело добровольное. Только раз уж мы начали этот разговор, позволь высказать тебе свое мнение, чтобы потом твое отчаяние не разрывало мне сердце. Мнение не только хирурга (к сожалению, не способного показать тебе на этих страницах раковую опухоль, задушившую твои легкие), но и человека, знающего цену страданиям.

Через мои руки и мое сердце прошли сотни людей, страдающих именно оттого, что они не смогли проститься с пагубной привычкой. Жалобы одинаковы, начинаются с невинной просьбы: «Что-то у меня с легкими...» Так и у тебя после 10—15 лет курения возникнет бронхит курильщика, и ты начнешь кашлять. Будешь просыпаться ночью, чтобы выкурить сигарету.

Недавно один мой знакомый обратился ко мне с такой же просьбой; договорились о встрече, но пришел он через несколько месяцев. Когда на операционном столе мы вскрыли ему грудную клетку, оказалось, что все проросло метастазами и ничем уже нельзя было ему помочь. Тяжело узнать, что умирает больной. Еще тяжелее, если это твой близкий товарищ...

В этих строках, обращенных к тебе, будут факты и цифры, найденные моими единомышленниками, но я, хирург, представляю с особой ясностью, что стоит за этими цифрами и процентами.

Нет, я не буду повторять ставшие уже банальными примеры о том, что капля никотина убивает лошадь; ты не лошадь, ты человек. Не буду говорить, что 20 ежедневно выкуриваемых сигарет сокращают жизнь на 8—12 лет; ты молода, и твоя жизнь кажется тебе нескончаемой. По данным английских врачей, каждая выкуренная сигарета стоит курящему 15 минут жизни; пустяк, если тебе только двадцать. Что тебе оттого, что злостные курильщики заболевают раком легких в 30 раз чаще, чем некурящие, а рак на 95—98 процентов зависит от курения. Американские кардиологи приводят такие цифры: средний возраст умерших от сердечных приступов—67 лет, а у курильщиц—47. Тебе только двадцать лет, а до сорока семи еще... Конечно, тебя это не испугает. И все-таки...

С огромным огорчением я вижу, как покуривают возле школы девочки, зажав сигарету в кулак (как они говорят, «по-пионерски»), чтобы не видели из окон. С сожалением я узнаю, что они научились курить, взяв за образец пионервожатую.

Боль охватывает мою душу, когда я узнаю, что в студенческом общежитии девушки собираются покурить и поболтать о будущем замужестве. Я могу допустить, что в твоих планах замужество еще не просматривается. И потому расскажу тебе о другом.

Социологи провели анонимную анкету, в которой спросили: почему вы курите? 60 процентов девушек ответили: это красиво и модно. А 40 процентов курят потому, что хотят нравиться мальчикам. Допустим. И даже в чем-то их оправдаем. Потому что нравиться — это заложено в тебе природой. Но оправдаем временно: нелишне знать и мнения мальчиков.

Были опрошены 256 юношей. Им предложили три варианта ответа: положительно, безразлично, отрицательно.

Вопрос первый. В твоей компании девушки курят. Как ты к этому относишься? 4 процента ответили — положительно, 54 — безразлично, 42 — отрицательно.

Вопрос второй. Девушка, с которой ты дружишь, курит. Как ты к этому относишься? 1 процент — положительно, 84 — отрицательно, 15 — безразлично.

Вопрос третий. Хотел бы, чтобы твоя жена курила? Буря протестов! Из 256 только двое сказали: им все равно. Остальные категорически возразили.

А теперь давай подумаем вместе. До операции на легких тебе далеко. Замуж не собираешься. Все прекрасно, и ты куришь. Откуда же это пришло? На мой взгляд, курят в тех компаниях, где собираются для веселого времяпрепровождения, и сигарета в твоих руках как бы сигнал: ты современна. А значит, и к любви и дружбе относишься с немалой долей легкомыслия. Юноши с курящими девушками ведут себя более раскованно, а девушки по своей наивности полагают, что пользуются успехом. Вряд ли думая, что представляют собой временную забаву. Да, да, ты, курящая девушка, — временная забава. Мне кажется, что, закулив, ты удешевляешь себя, унижаешь свое достоинство, делаясь не современной в истинном смысле этого слова, а скорее легкомысленной и более доступной. Кто же внушил тебе «модность» этой ужасной привычки? Кто «запрограммировал»

ПИСЬМО КУРЯЩЕЙ ДЕВУШКЕ

Фото Петра НОВИКОВА

тебя на занятие, в котором только твоя молодость не дает увидеть всю катастрофу, тебя ожидающую?

Не сердись, но я попробую нарисовать твоё будущее, каким оно представляется мне. А если ты в этом усомнишься, оглянись, посмотри на курящих женщин старше тебя.

От курения станет хриплым твой голос, постепенно почернеют, испортятся зубы. Кожа лица постепенно приобретет землистый оттенок. Резко пострадает твоё обоняние, и ухудшатся вкусовые ощущения. Наверное, ты уже обратила внимание, как часто сплевывают курильщики. Не знаю, успела ли ты заметить, что изо рта курильщика постоянно идет запах... Запах изо рта курящей настолько неприятен, что не удивляйся, если кто-то из твоих знакомых парней будет тебя избегать. Ты будешь просыпаться с горечью во рту и головными болями оттого, что всю ночь кашляла. Очень рано кожа лица станет морщинистой и сухой. Женщины-курильщицы в 25 лет выглядят намного старше своих ровесниц. Вот какая настоящая оценка твоего курения! Ты не привлечешь к себе, а, наоборот, оттолкнешь любого серьезного парня.

Попробуй представить себя рядом с некурящей ровесницей. И если тебя это не испугает и ты уверена, что вы равны, позволь заметить тебе, что твой внешний вид — это еще не главный показатель.

Чем раньше начнешь курить, тем опаснее для тебя воздействие ядов табачного дыма. И если ты пристрастишься к курению задолго до того, как в тебе начнутся возрастные изменения, медленнее будет идти развитие организма. Под влиянием никотина происходит стойкое сужение кровеносных сосудов, а содержание кислорода понижается за счет соединения гемоглобина крови с угарным газом — одним из компонентов табачного дыма. При курении под влиянием высокой температуры из табака выделяется 30 вредных веществ: никотин, сероводород, аммиак, азот, окись углерода и различные эфирные масла. Среди них особенно опасен бензопирен — стопроцентный канцероген («канцер» — по-латыни «рак»).

Если ты любознательна, возможно, тебя заинтересуют данные американских исследователей. Они установили, что в дыме при сгорании табака обнаружено значительное количество полония-20, который излучает альфа-частицы. При выкуривании одной пачки сигарет лично ты получишь дозу облучения в 7 раз больше дозы, установленной международным соглашением по защите от радиации.

Никотин — это наркотик. Только так его именует высший орган мировой медицины — Всемирная организация здравоохранения. А это означает, что с каждым годом тебе будет все труднее... Табак суживает сосуды, вызывая не только усиленную работу сердца, но и ухудшая и разрушая деятельность многих систем организма.

Ты закурила... Далее все идет по давно известной формуле. Никотин в короткое время вызывает расширение кровеносных сосудов, усиливая кровоснабжение клеток мозга. За этим наступает резкий спазм сосудов, в результате чего появляются различные мозговые расстройства. Далее никотин нарушает деятельность нервной системы, легких, печени, органов пищеварения, половых желез...

Неопровержимо доказано: ты будешь болеть в три-четыре раза больше в сравнении с некурящими подругами. Неотвратимо придет время, когда ты будешь плохо себя чувствовать; постоянное недомогание превратит твою жизнь в тягостное пребывание.

Но давай поговорим о другом.

Может, тебе будет интересно, что женщины тяжело страдают от курения и из-за более нежной структуры организма, который природой предназначен для продолжения рода. Давно известны факты, говорящие о том, что злостные курильщицы не могут родить детей, поскольку произошли глубокие изменения в зародышевом аппарате. Самым частым осложнением после курения является преждевременное прерывание беременности до 36 недель. У курящих это в два раза чаще. Тебе не мешает знать, что у курящих женщин намного чаще недоношенность плода и меньший вес новорожденного (да, новорожденного, твоего ребенка, о котором ты, наверное, не думаешь). Но твоё курение скажется на его жизнеспособности. У курящих выше процент мертворожденных детей. И патология при родах. И несомненный факт — курение крайне отрицательно влияет на развитие уже рожденного ребенка. Зная это, есть смысл задуматься о замужестве, о муже, который будет ждать сына, а сына может не быть... И может прийти день, когда врачи скажут тебе: «К сожалению, вы уже никогда не сможете родить».

Сейчас тебе это трудно понять. Но мой опыт предлагает сотни случаев, когда у женщины уходят лучшие годы и приближается критический возраст, после которого она уже не может родить. Она готова на все, на любые операции, на любые жертвы. И, поверь, ты не будешь исключением. Природа создала тебя, чтобы ты была матерью. И как бы ты ни хорохорилась сегодня, природа заставит тебя жить интересами детей.

Поверь мне, сигарета может искалечить твою жизнь. Сначала твою. И когда тебе докажут, что во всем виновато курение, ты проклянешь и себя, и всю свою жизнь. Подумай о том, что у тебя не будет детей. И муж может тебя оставить. Он может уйти к менее достойной, чем ты, только лишь за право называться отцом. Поверь, он может так сделать, потому что настоящие отцовские чувства не менее сильны, нежели материнские.

А если ты куришь, будучи беременной, то знай: в эксперименте установлено — стоит беременной женщине закурить сигарету, как через несколько минут никотин (через плаценту) поступает в сердце и мозг еще не родившегося ребенка. И этот яд ты невольно передаешь своему ребенку. Ученые проследили особенности развития детей, родившихся от матерей, куривших во время беременности. Эти дети, наблюдавшиеся до 5—6-летнего возраста, в значительной мере отставали в своем физическом и умственном развитии. Среди детей, отцы которых являются интенсивными курильщиками, в два раза чаще наблюдаются пороки развития.

И все время твой ребенок будет болеть. Его ждет и пневмония, и бронхит. В отчаянии ты будешь искать причины, не зная, что они в тебе. Если ты курила в коридоре, на площадке, — даже крошечной доли дыма, попавшей в комнату, будет достаточно для твоего ребенка. У него может неожиданно повыситься температура.

У курящих матерей 100 процентов детей курят. И твой ребенок, почитающий тебя за самую умную, самую ласковую, самую добрую, видя тебя с сигаретой, тоже начнет курить. А это означает, что ты заранее запрограммировала своего ребенка на те же мучения, которые ожидают тебя.

И мой опыт подсказывает страшный случай, связанный с курением подростка. В одной из школ-интернатов утром не смогли разбудить мальчика. Он умер ночью. Вскрытие показало, что у него было большое сердце оттого, что он рано научился курить, курил помногу, а в канун смерти, как сказали ребята, накурился «досыта».

В семье, где курили родители, начинают курить 67 процентов мальчиков и 78 процентов девочек.

По данным Всемирной организации здравоохранения, 80 процентов курящих детей сохраняют привычку, став взрослыми.

Уже установлено: если подросток выкурил хотя бы две сигареты, то в 70 случаях из 100 он будет курить всю жизнь. Подумай!

А теперь мне хотелось бы знать, зачем ты куришь. Наверное, думаешь, что ты красивее? Напрасно. Это минутное удовольствие — видеть себя со стороны с сигаретой, зажатой между пальцами. И ты одна из многих, которые не осознают, что страдают, а когда им говоришь, они безвольно отвечают: «Не могу бросить!» И пожалейте, не ссылайся на примеры артистов, которых ты видишь на экранах с сигаретой. Пусть в жизни герои экрана позволяют себе курить, но тиражировать это в миллионных экзemplяров означает полную безответственность людей, которые готовят, ставят и утверждают эти фильмы. И твоё увлечение я бы квалифицировал не как юношескую глупость, а преступление перед собой. Да, да, ты можешь написать себе три слова: «Курение — медленное самоубийство». И уже в недалеком будущем сможешь убедиться, что это именно так. Жаль, что на твоём самом трудном этапе жизни к этому буду привлечен и я, хирург... А пока могу предупредить, что курение обречет тебя на более частые болезни. А это и стенокардия, и инфаркты в молодом возрасте, и язва желудка. При исследовании 205 лиц, умерших от инфаркта в возрасте 44 лет, только двое не курили. Среди больных раком желудка 95 процентов курящих. И если у курящего еще не развился рак легкого, то в абсолютном большинстве случаев уже имеется предраковое состояние. У курящих в три-четыре раза выше смертность от язвы желудка.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в которой много и настойчиво изучают проблему курения, получены данные, согласно которым от причин, связанных с употреблением табака, умирает каждый пятый. Если это применить к нашим условиям, то мы ежегодно теряем 500 000 человек! В их числе можешь оказаться ты, твой муж, твои дети, друзья и знакомые.

И последнее. Я понимаю, что в поисках причин, оправдывающих твоё безволие, ты можешь сказать: «Если это так плохо, зачем же продают табачные изделия в таком изобилии?» Организации, стимулирующие табачную промышленность, считают, что получают большую выгоду. Однако это иллюзия. Страна и народ теряют от табака много больше, чем приобретают. Сегодня Всемирная организация здравоохранения выступает с лозунгом: «Курение или здоровье? Выбирайте сами!»

Я врач и обязан тебе предложить то же.

Федор УГЛОВ,
академик АМН СССР,
лауреат Ленинской премии

Тамара НИКОЛАЕВА

Золушка

*Нет, неправда — я пришла на бал
не в шелках и лентах белоснежных.
Принц меня впервые увидел
в старых и заплатанных одеждах.*

*Были мои туфельки малы,
но до невозможного дырявы.
Был платок мой черным от золы,
руки были грубы и шершавы.*

*Зал сиял от света и огня.
Я стояла молча, недвижимо.
Как он разглядел во мне меня,
до сих пор уму непостижимо!*

*Но ведь сказка старая жива —
в ней есть фея, крысы, тыква,
полночь.*

*До сих пор уверена молва,
что волшебница пришла на помощь.*

*Может, сказка 200 лет глала?
Нет, так утверждать я не посмею.
Да, конечно, фея помогла,
знаете, как звали эту фею?*

*То была любовь. Она одна
безразлична к мишуре бумажной.
Я была чумаза и бледна,
ну, а принц был юным и отважным.*

*Я красивой стала потому,
что ему увиделась красивой,
и ему на свете одному
красотой обязана и силой.*

*А молва? Любви ей не понять,
ей бы только сказки сочинять...*

Елена ДУНСКАЯ

*Купавна стоит на песке.
На улицах дети играют,
Как на морском берегу.
А я все понять не могу,
Откуда такая тревога
В коротенькой этой строке:
Купавна стоит на песке.
Из леса иду налегке.
Мычит на лужайке корова,
И дочка смеется. И снова:
Купавна стоит на песке...
А ночью приснился мне сон —
В безветрии тягостный стон,
Песчаная буря накрыла
Купавну — ни кровель, ни крон.
Но утром, точь-в-точь как вчера
Июльское небо сияло
В росинке на каждом листке,
И дочка навстречу бежала
С зеленой шишкой в руке...
Купавна стоит на песке.*

*Как сладко было говорить,
Компот варить из вишен,
Когда с веранды шум дождя
И ветра еле слышен,
Когда не нужно уходить
В бездонное ненастье,
А можно чай горячий пить,
Забыв про все напасти.*

*Как хорошо сидеть вот так
И слушать сонное «тик-так»,
Забыв, что каверзный сквозняк
Гуляет по углам.
Так хорошо, что, может быть,
Кого-то на ночь приоткрыть,
Согреть и чаем напоить —
Вот все, что нужно нам...*

*Давно уже пора уснуть.
Наш чай остыл давно.
А мы все ждем, что кто-нибудь
Вдруг постучит в окно.*

Наши зарубежные гости отмечают, что в Болгарии множество людей одеты по последнему слову моды. Факт показательный, говорящий о тесных контактах художников-модельеров и легкой промышленности. Престиж продукции болгарских швейных предприятий растет, она с успехом реализуется как в социалистических, так и в капиталистических странах.

Художники-модельеры в своих творческих поисках учитывают, что наиболее восприимчива к новому в моде молодежь, именно для этой возрастной группы разрабатываются современные коллекции. По всей Болгарии развернута целая сеть фирменных магазинов, в которых ведущие швейные и обувные промышленные объединения, такие, как «Рила», «Руен», «Пирин», «Валентина» и другие, предлагают последние коллекции, выпущенные малым тиражом. Эти своего рода «пробные шары» позволяют оперативно выяснить, как покупатели воспринимают новинку. Образцы сезонных коллекций сначала демонстрируются в магазинах. Опытные манекенщицы показывают, как носить те или иные комплекты модной одежды, подготавливают потребителей психологически к восприятию новинок моды. Ведь к ним надо привыкнуть, увидеть на других, прикинуть на себя.

Каждый опытный образец продается со специальной этикеткой анкеты. Таким образом, обратная связь «потребитель — торговля — промышленность — художник» осуществляется довольно оперативно. Это позволяет так спланировать производство, чтобы полностью удовлетворить спрос на самые удачные модели. Кроме того, каждая крупная швейная фирма страны стремится помочь своим ведущим художникам проявить творческую индивидуальность. Созданы специализированные дизайнерские бюро, каждое из которых создает собственную, непохожую на другие коллекцию. Эти бюро, как правило, носят имена своих художников, например, «Шмидт» — Владислава Шмидта, «Цветы» — Цветаны Коланджиевой, «Жени» — Жени Комиссаренко и т.д. Художник имеет право проставить свое имя и на этикетке, и на самой модели, как это делает, например, Шмидт. Дизайнерские бюро разрабатывают также упаковку и дополнения к моделям — шарфики, галстуки, платки, сумки. Таким образом, если модели того или иного художника нашли своего покупателя, это проявляется наглядно — достаточно взглянуть на прохожих. Чувство огромной ответственности за плоды своего труда не позволяет дизайнерам работать спустя рукава, вынуждает постоянно искать что-то новое, стимулирует рост художника в профессиональном отношении. Это отразилось как на состоянии витрин магазинов, так и на одежде болгар.

Общие усилия художников-модельеров, представителей торговли и производства сводятся к тому, чтобы сделать модную продукцию более разнообразной. Не отстают от швейников и представители обувной и кожевенной промышленности. Ведь в моде последних лет особое внимание уделяется дополнениям. Скажем, появились в продаже легкие хлопчатобумажные костюмы всех цветов радуги, к ним предлагаются цветные парусиновые туфли — удобные, дешевые, практичные.

В крупнейших магазинах тканей, в фирменных модных магазинах ведущие художники консультируют покупателей, помогая выбрать подходящую для сезона ткань, силуэт. Посоветуют, что необходимо купить для того, чтобы составить модный ансамбль. Вот как выглядят их рекомендации молодым на весну — лето 1985 года.

Мода продолжает быть демократичной. В классический силуэт можно привнести элементы спортивного стиля, а в спортивный — романтического... Это очень заманчиво, но и трудно, так как необходимо чувствовать грань, отделяющую вкус от безвкусицы. Необязательно полностью менять свой гардероб на новый, так как от прошлых сезонов у вас, вероятно, остались вещи, которые с успехом можно носить и нынче. Это, например, короткие объемные жакеты из льна или хлопчатобумажной ткани, платья и юбки прямого покроя.

Сочетание белого и черного так же популярно, как и в прошлом году. Цветные колготки и носки очень удачно дополняют костюм спортивного стиля, все еще модны асимметрия, плечи с подплечиками, шляпы. Лучше отказаться от коротких юбок — их еще носят, но только во время отдыха и чаще всего девочки-подростки. Пастельные тона уже не в моде — молодым доступны такие яркие и насыщенные цвета, как апельсиново-красный, травянисто-зеленый, бордовый, морской волны. Смелее вводите в ваш гардероб яркие цветовые акценты — козырьки, шарфики, пластмассовые украшения.

Мода этого года решительно отказывается от всяческих излишеств в пользу рациональности и пропорциональности. Обратите внимание на то, что длина юбок чуть изменилась — самая модная теперь до середины икр. Юбки свободные, легкие, часто расклешенные, веретенообразные. Брюки уже не столь популярны. Если вам позволяет фигура, носите широкую, свободную юбку в сочетании с коротким, квадратным жакетом. Но к этому костюму никак не подходит модная в прошлом году большая сумка с ремешком через плечо. Пройма рукава очень глубокая, в моде рукава кимоно и «летучая мышь». Среди дополнений особое место занимают разнообразные платки, шарфы, косынки.

Фото Алекси АЛЕКСЕЕВА,
Петра ЖЕКОВА,
Елены ПАСКАЛЕВОЙ

БОЛГАРСКИЕ НАХОДКИ

Лилия МАСЛОВА,
редактор
русского издания
журнала «Лада»
АПН — специально
для «Смены»

СОЗДАВАТЬ МОДЕЛИ
ДЛЯ МОЛОДЫХ — ЗНАЧИТ
ПРЕДЛАГАТЬ ОРИГИНАЛЬНЫЕ
СИЛУЭТЫ, СМЕЛО ВВОДИТЬ
НЕОЖИДАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ,
РАЗНООБРАЗИТЬ ЦВЕТОВУЮ
ГАММУ. ТАК СЧИТАЮТ БОЛГАРСКИЕ
ДИЗАЙНЕРЫ.

МАЛ, ДА УДАЛ

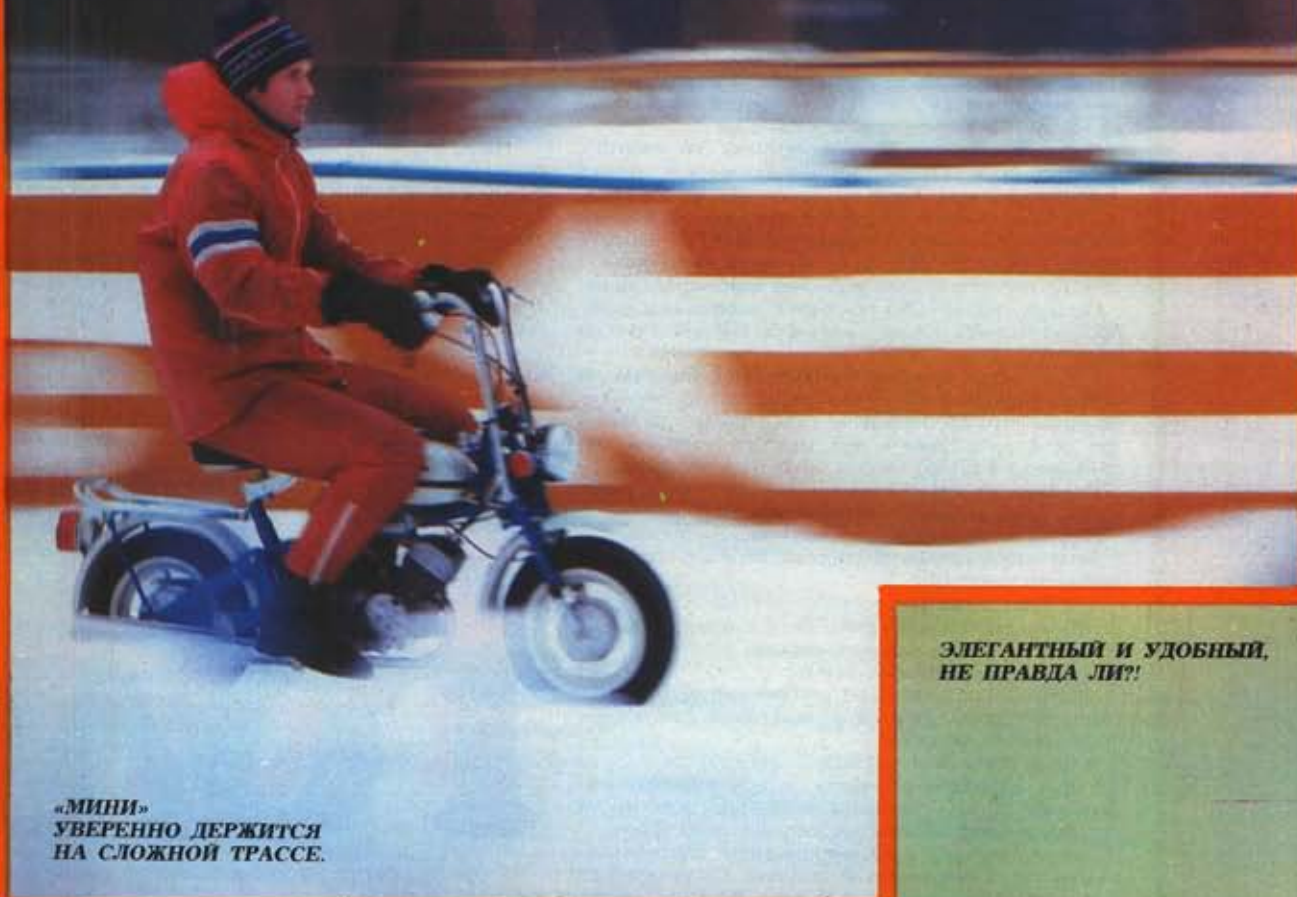

МЕЧТА
НАЧИНАЮЩИХ
МОТОЛЮБИТЕЛЕЙ.

все всерьез, начиная от неподдельного драматизма борьбы и кончая неподдельной увлеченностью скоростью.

Два коротких эпизода. Их герои — человек, машина, скорость. В первом случае это мастера высочайшего класса, умеющие безошибочно работать в режиме жестко спрессованного времени, когда на контроле каждая десятая, а подчас и сотая доля секунды. Во втором — ребята, у которых суммарный стаж езды на мини-мокике не составил и десяти минут. Но между ними прямая связь — движение. Движение ради победы, ради скорости, ради совершенства. Кто знает, может быть, первые минуты знакомства с этой несложной двухколесной техникой станут для кого-нибудь из них первым шагом на пути к истинному мастерству.

Там же, в Останкине, пока все еще идет подготовка к съемкам, я впервые знакомлюсь с «мини», как говорится, вплотную. Учитывая, что опыт езды на двухколесной технике у меня завершился велосипедом, то эксперимент можно считать проведенным в идеальных условиях. Для того, чтобы подглядеть, как заводится эта симпатичная машина и какие манипуляции следует произвести для ее трогания с места, не требовалось много наблюдательности.

«МИНИ»
УВЕРЕННО ДЕРЖИТСЯ
НА СЛОЖНОЙ ТРАССЕ.

НОВАЯ
РУБРИКА

Скорость

Рассказом о новинке, выпускаемой рижскими мастерами — мини-мокике, самом легком из двухколесных машин с мотором, мы открываем новую журнальную рубрику «Скорость». Об этом «Смену» просят наши молодые читатели. Материалы рубрики познакомят вас с новыми моделями мототехники различных модификаций, со спортивными биографиями лидеров советского мото- и автоспорта, создателями машин. Направление и тематика публикаций во многом будут определяться вашими, читатель, рекомендациями.

Олег БОГДАНОВ,
кандидат в мастера
по автоспорту
Фото ЯНИСА КАРКЛИНЬША,
Вадима НЕКРАСОВА

Вспоминаю фрагменты двух соревнований. Лето 1984 года. Скоростная мототрасса окаймлена лесом. Нарастающий грохот. Лидирующий мотоцикл отрывается от полотна дороги... и взвивается в небо. Скорость больше 200 километров в час. Следом еще один, еще... Гонщики буквально слились со своими машинами. Для них сейчас главное — скорость, заход в поворот, ориентация. Не успел перестроиться, ошибся на десятую долю секунды в торможении — первым уже не быть. Здесь все: риск, накал, воля человека и сила управляемой им машины...

Зима 1985 года. Репетиция съемки молодежной телепередачи «Выраж». Четверо ребят готовятся взять старт на мини-мокиках по заснеженному кольцу вокруг стадиона в Останкине. Взмах флагом. Соперники медленно начинают набирать скорость. Четверть круга, и она достигает 30 километров в час. Смешно? Нет! Потому что удержать даже эту легкую в управлении двухколесную машину, двигаясь по сильно выбитой, покрытой снегом дороге, далеко не просто. И еще потому, что здесь

ЭЛЕГАНТНЫЙ И УДОБНЫЙ,
НЕ ПРАВДА ЛИ?!

В удобный момент, когда участники состязаний отдыхают и поблизости от «мокиков» никого нет, завладеваю одним из них. И так, сажусь в седло, берусь за ручки. Сразу же отмечаю, что создателям «мини» удалось найти если не оптимальные, то по крайней мере очень близкие к ним геометрические размеры машины этого класса. Во всяком случае, удобная посадка в поддресоренном седле позволяет без малейшего напряжения удерживать «мокик» на месте.

Трогаю руль, ручку «газа», смотрю в зеркала заднего вида — все продумано, все на своих местах. Убрал боковой упор, откидываю педаль кик-стартера, поворачиваю ручку «газа» и одновременно ногой резко нажимаю на кик-стартер. Двигатель тут же оживает. Выжимаю сцепление и, повернув левую ручку на себя, включаю первую передачу. Прибавляю «газ» и, как на автомобиле, плавно отпускаю сцепление... Увы, двигатель глохнет. Так, думаю, — первый блин... Завожу мотор, и теперь уже с большим «газом», «подтравливая» сцеплением, трогаюсь и набираю скорость. Смотрю на часы: вся наука заняла не более трех минут. Насладившись ездой, глушу двигатель и, оставив «мини» на боковом упоре, иду искать представителя рижского завода «Саркана Звайгане», где создают «мокики», чтобы выразить ему свое восхищение.

Мне повезло. На стадионе как раз оказался заместитель главного конструктора завода-изготовителя Сиперковский Виктор Александрович. Он рассказывает о давних связях завода с мотоспортом. Испытатель заводских мопедов Александр Смертьев стал уже семикратным чемпионом СССР по шоссейно-кольцевым мотогонкам в классе 50 кубических сантиметров. Его «Рига-17-S» уже в 1979 году на международных соревнованиях в Заксенринге (ГДР) развивала ни много ни мало — 188 километров в час! Однако если рижские мопеды стали привычными и на кроссовой, и на кольцевой трассах, то спортивная модификация мини-мокика еще только готовится к производству. Пока же компактная двухколесная машина создана как средство для поездок на работу и домой, для загородных прогулок и небольших путешествий.

Этот малыш может ехать со скоростью 40 километров в час. Он подходит для всех возрастов. Его можно хранить в чулане, на балконе, поднимать на лифте, перевозить в багажнике или на крыше автомобиля. Масса «мини» — 50 килограммов, и с ним легко справиться в любой ситуации. Важно и то, что «мокик» довольно неприхотлив и экономичен в эксплуатации: бака емкостью 5,5 литра хватает на 260 километров пути (потребляемый бензин — А-76 или А-72). Благодаря тому, что колеса мини-мокика сделаны из двух штампованных половинок и стягиваются всего тремя болтами, процесс замены шин на нем несложен, а отсутствие спиц освобождает владельца от необходимости подтяжки nipples, устранения «восьмерок» и т. п.

— Хотя новая продукция и носит название «мини», — продолжал Виктор Александрович, — но мы постарались оснастить ее не хуже мотоцикла. Двухрежимная фара с европейским светораспределением и световозвращатели дают возможность уверенно себя чувствовать при езде ночью, продуманное расположение зеркал заднего вида позволяет постоянно контролировать движение рядом идущего транспортного потока. Как мы считаем, не лишними в «мокике» стали и спидометр, поддресоренное седло с регулируемой по высоте...

Возможно, у первого «малыша» и будут какие-то недостатки, он же первый! Но пройдет время, и я уверен, следующее поколение мини-мокиков придется по душе всем без исключения.

М

альчик задыхался. Двухлетний малыш, он не мог понять, что с ним происходит. Страшно давило горло, не хватало воздуха, было нестерпимо жарко. Он дергался, кричал, но крика никто не слышал — лишь тихий хрип. В глазах у него постепенно темнело. Он не догадывался, что умирает. Да и откуда ему было

знать, что такое смерть. Что такое смерть, хорошо знала Лена, молодой фельдшер «Скорой помощи», на руках у которой был сейчас малыш. В свои двадцать три года она уже не одну жизнь отговевала у смерти.

Мальчика отвола сласти только срочная операция. Воспаление и опухоль гортани — это очень серьезно. Человек теряет способность дышать. И жить.

Родители мальчика еще не сознавали, что угрожает их сыну. Мать, женщина лет тридцати трех, была близка к истерике. «Ну, сделайте что-нибудь, доктор! — кричала она. — Умоляю вас! Сделайте хоть что-нибудь!..» Отец, бледный и растерянный, метался по комнате, опрокидывал стулья и все твердил, твердил: «Что же это такое, господи! Ну, что же это такое!..»

Все, что можно было сделать, Лена уже сделала. — Надо в клинику! — Она осторожно взяла мальчика на руки и быстро пошла к выходу.

Лифт, как всегда в таких случаях, не работал. Десятый этаж. Сзади, шаркая ботинками, бежал причитающий отец. Конечно, понять его было нетрудно — у Лены самой был двухлетняя дочь, — но сейчас эти нервные всхлипы не вызвали жалости — раздражали. У медиков ведь тоже не железные нервы.

— Да перестаньте же вы! — не сдержалась Лена. Скорее, скорее! Она понимала: вызовли они «Скорую» на полчаса позже — живым бы мальчика уже не довести.

У нее заканчивалось ночное дежурство. Не то чтобы очень тяжелое, не то чтобы легкое, обычное. Но ночь — это все-таки ночь. Под утро всегда приходит усталость. Даже к ней, молодой, сильной, без пяти минут мастеру спорта по легкой атлетике.

Сколько же тут ступенек?! А ведь десять минут назад, даже меньше, лифт работал... Водитель открыл дверцу машины.

Лена, забравшись в салон, села, бережно прикрыла мальчика шинелью.

— Слава, давай! Это означало: надо успеть. Он понимающе кивнул, прыгнул в кабину, включил сирену.

— Сейчас, маленький, сейчас... Машина неслась по улице, для нее уже не существовали светофоры. Да и какие могут быть светофоры, если умирает человек.

А на дорогах был гололед. Утром по радио объявили: будьте внимательны! Дворники солили тротуары; пешеходы, как могли, осторожничаи; водители старались не спешить.

Садовое кольцо с ходу не проскочишь: плотная стая машин текла бесконечным потоком. От нетерпения Слава барабанил пальцами по рулю. Когда он случайно взглянул в зеркальце заднего обзора — было уже поздно.

Сзади на полной скорости, по тому же ряду, где стояли и они, летел грузовик. Водитель отчаянно тормозил, но машину уже несло по инерции.

Лена ничего не видела. Она напряженно считала секунды.

Раздался сильный глухой удар. Лену резко бросило вперед. В таких случаях человек не успевает ничего даже сообразить. Но у опытных спортсменов срабатывает реакция. Инстинкт опережает мысль и испуг. Можно успеть выставить руки вперед, чтобы хоть как-то смягчить удар. Инстинкт пытается спасти человека.

Предохраниться руками Лена не могла: на коленях лежал мальчик, выставить руки означало бросить его.

Лена успела только наклонить голову, приподняв плечи и расставив локти, чтобы уберечь малыша. В последний миг она закрыла глаза.

Удар пришелся на правый висок и плечо. Боль вгорячах она почти не ощутила. Мелькнула мысль: «Как только голова-то не раскололась?.. А, может, раскололась?..»

В следующее мгновение машина «Скорой помощи» врезалась в стоящий впереди самосвал.

Лену бросило в сторону, она ударилась о стенку. Но это еще было не все. Слава, выйдя из-под сиюминутного гипноза опасности, тщетно пытался выправить положение; машина не слушалась, инерция крутанула ее еще раз и ударила о бордюр.

Откуда он только взялся, этот проклятый штырь в салоне?.. Лена почувствовала дикую боль в спине. Штырь угодил по почке. Век бы не видеть тех звезд, которые увидела она в тот миг.

Слава открыл дверцу и помог ей выбраться. — Живы?

Морщась, она слабо кивнула. По улице в их сторону шла машина «Скорой помощи».

— Слава, останови! — попросила Лена. Голос у нее был тихий, незнакомый.

Отец мальчика ехал сзади на «Запорожце»; он прилично отстал и подоспел лишь в тот момент, когда Лена пересаживалась в другую «Скорую». Он понял: произошла авария. Успокаивало то, что на руках у Лены он увидел своего сына.

До больницы оставалось минуты четыре. Лена почувствовала, как жутко болит голова.

«Сотрясение, — с досадой подумала она, — вот не повезло».

С ребенком на руках она вбежала в больницу, ощущая оглушающую боль во всем теле; помогла раздеться на кушетке. Его увезли в операционную, а она уже не смогла подняться.

Ее оставили в клинике. Сотрясение мозга и ушиб почки. Не считая осадин и синяков.

Через неделю в ординаторскую позвонил какой-то мужчина, попросил Лену. Только что закончился обход, и трубку взял ее лечащий врач Соловьев. Его все любили и верили в каждое произнесенное им слово.

Он зашел к Лене в палату. — Тебя, красавица, к телефону, — сказал он, широко улыбаясь. — Благодарный отец спасенного тобой ребенка. Видимо, хочет навестить героиню и излить накопившиеся отцовские чувства.

«Надо же, — подумала Лена, поднимаясь с постели, — нашел-таки! — И смешанное чувство гордости и радости шевельнулось в ее душе. — Значит, звонил на станцию, там ему все рассказали, дали координаты...»

Болезнь и переживания вдруг превратились для нее в сущий пустяк, она ощутила себя по-настоящему счастливой, нужной, незаменимой. Ее ценили, ей благодарны.

— Здравствуйте. — В трубке она услышала знакомый голос, но не тот нервно всхлипывающий — спокойный, твердый.

— Здравствуйте, здравствуйте! — весело ответила Лена и подмигнула стоящему напротив улыбающемуся Соловьеву.

— У меня к вам вот какое дело... — Отец мальчика слегка замаялся.

ЮРИЙ РАГОЗИН

ГОЛОС

— Выкладывайте, не стесняйтесь! — шутило перебивало его Лена.

— Понимаете... Я вам заплачу, сколько скажете...

— Ну-у!.. Это вы зря!.. — с досадой протянула Лена.

— Да нет, я не об этом, я меня не так поняли...

— Ну то-то! — Лена погрозила пальцем трубке, а Соловьев сокрушенно-иронично покачал головой. — А то — «я заплачу, я заплачу!».

— Да дайте же мне наконец сказать! — почти крикнул отец мальчика. — Я хочу, чтоб вы вернули сапожки моего сына!..

— Какие сапожки?.. — удивилась Лена и сразу обмякла. По телу ее разлилась слабость.

Соловьев в недоумении наморщил брови.

— Сын был в сапожках, понимаете, — смягчился отец мальчика. — Они очень дорогие, импортные... Я заплачу...

— Да не брала я никаких сапожек! — воскликнула Лена. — Нужны мне ваши сапожки!.. Под кушеткой они остались, там, где его раздевали!..

Соловьев все понял. Осторожно он вынул трубку у Лены из руки и, поднеся ее к своему уху, жестко сказал:

— А знаете ли вы, милейший, куда звоните?! Ах, знаете!.. А знаете, что девочка, у которой вы требуете ваши золотушные сапожки, чуть не разбила, спасая вашего сына? Может быть, чудом осталась жива! Ах, и это знаете!.. Что-о?! Это вас не касается? Ах, она исполняла свои обязанности? Долг? Перед кем? Перед вами?! Перед вами у нее долгов нет! Ясно?! Да, вот что, приезжайте-ка прямо сюда, ко мне, да, да, сейчас, я вас вместе с вашими сапогами с лестницы спущу! С восьмого этажа! Что-о?! Жаловаться будете? Жалуйтесь!

Соловьев швырнул трубку на рычаг и вдруг раскатисто расхохотался.

— Ну дает, паршивец, а!.. Мы-то тут...

У Лены в глазах стояли слезы.

— Да что ты, глупышка, реветь из-за него? Да ну что ты, девочка! Не стоит он твоих слез. Сапожки!.. Лучше давай посмеемся над ним. А теперь тихонечко пойдем в палату...

Друзья со «Скорой» встречали Лену с цветами. «Ты у нас теперь герой!» — говорили.

Ей объявили благодарность. Да разве в этом дело? Уже какую ночь не могу заснуть спокойно. Закрываю глаза и вижу ее лицо, слышу ее голос. Страшные слова, произнесенные словно не о себе. «Да мне жить-то осталось года три. Ну от силы пять. Я же медик, я знаю».

Вначале я ей не поверил. Уж очень не вязались ее равнодушный тон и смысл сказанного.

— Так надо же что-то делать! — воскликнул я, не в силах сдерживать волнения. — Нельзя же просто так сидеть и ждать!..

— А я и не жду, — усмехнулась она. — Я работаю. А об этом стараюсь не думать.

— Да об этом же невозможно не думать!..
Сейчас ей двадцать пять лет...

Одна почка у нее практически отказала, начались изменения во второй и в сердце. Ей говорят: не тяни, уходи со станции, никаких волнений, никаких физических нагрузок, не то что перегрузок, строжайшая диета, покой и так далее.

— Но если я уйду со станции, я и трех лет не протяну. Я же не могу без своей работы! Понимаешь, это моя жизнь! А пойти на инвалидность и сидеть где-нибудь в регистратуре в поликлинике, того не пить, того не есть, того не делать — это не по мне, я же с ума сойду! Лечиться? Можно понемножку, да толку-то!.. Прооперироваться — пересадка почки? Думаешь, все это так просто: раз — и пересадил, и живи сто лет?! Ну, удлиню срок немного, зато сколько хлопот!.. Да и не жизнь это будет. Рано или поздно — ну, если лечиться, чуть попозже — такое начнется!.. О, я этих больных столько повидала!.. На уколах живут... И вот что. Давай договоримся: не надо меня агитировать лечиться, ладно? И в герои меня не записывай. Тот папенька большого мальчика в принципе-то был прав: я свой долг выполняю. Кто ж виноват, что водитель грузовика сумасшедший, что гололед?.. Да и что можно было сделать в той ситуации? Это ж рассказывать долго, а там было раз, два — и все!.. Ну, хватит вопросов. И у меня к тебе просьба. — Голос ее делается сразу каким-то колю-

«сын» говорит «дом»...») Приезжают пожарные тушить. Это их работа, согласны? У меня — одна работа, у вас — другая, у пожарных — тушить. И вот они бегают, тушат... Вас, впрочем, не очень-то занимает, что это дело не из самых легких и безопасных; вы переживаете за свое имущество. А они тушат, проявляют чудеса героизма, лезут в дом. И тут один из них... ну, предположим, получает тяжелые ожоги... Разве есть в этом ваша вина? Разве вы виноваты, что горел именно ваш дом, а не, к примеру, соседа? Ну, жалко парня, ему больно, проваливается в больницу, останутся шрамы на лице... Но! Вы-то ведь в этом не виноваты! Да и никто не виноват. Ра-бо-та у него такая. Он сам ее выбрал. Мог улицы подметать, у станка стоять, а пошел в огонь. Верно ведь?.. Разве виноват я в том, что случилось с Леной? Ну, поехала бы она по другому вызову. Скользко, гололед. Вполне могла произойти авария и в другом месте. Так?

О чем это он? Виноват, не виноват...

— Вы же ни разу не поинтересовались ее здоровьем. Даже сейчас, и то не спросили, — говорю я. — А когда звонили в больницу, вообще вас волновали только сапожки. Кстати, нельзя ли на них взглянуть? Любопытство разъедает.

— Уже ведь два года прошло, — вяло отвечает он, — износились... А тогда я подумал, что она забрала их... ну, нечаянно, знаете, так: может, решила, что они нам не нужны...

— А потом ведь вы узнали, что не забрала, и тем не менее даже не извинились...

— Ну, это уж вы чересчур!..

Похоже, развитие нашего разговора ему не очень-то по душе.

— Прямо в преступники какие-то меня записали, а ее — в герои...

Я молча наблюдаю за ним. Он сидит в окружении интерьера, не лишеного приятности, — цветного телевизора, стереоаппаратуры высокого класса, полка с книгами и прочего добра; ноги его в замшевых тапочках покоятся на ворсистом ковре. Симпатичный человек. Непрошибаемый. И ему уже очень хочется сменить тему этой беседы. Да и вообще, говорят, незванный гость... Но он вежлив. Сейчас наверняка предложит чаю.

— Может, все-таки чайку? Индийский. Три слона. В его голосе звучат нотки дружелюбия. Вдобавок и терпеливый.

— А знаете, — говорю я, глядя ему прямо в глаза, — она, вероятно, умрет.

— Кто? — Глаза его округляются.

Не понял или делает вид?

— Лена. Таково заключение медиков, — продолжаю я. — В той аварии, когда везла вашего сына, она получила тяжелую травму. О «приговоре» врачей она знает. Конечно, есть какие-то проценты надежды. Но все они очень зыбкие... Если сядет на жесткую диету, уйдет с работы, превратит свою жизнь в лечение — проживет, говорят, лет пять.

Он молчит. Смотрит в пол. Трет пальцами лоб. Произносит со вздохом:

— Да-а...

Переживает.

— И все же... — медленно начинает он, но не заканчивает фразу. — Да... Жалко девочку...

— У нее, кстати, дочке четыре года, как и вашему, — зачем-то добавляю я. — И с мужем она развелась. Чтоб, говорит, он не терял эти годы зря. Он на семь лет ее старше, ему тридцать два. Он ничего не знает о ее болезни. Полагаю, нелегко ей это далось и ему тоже... Никто дома у нее так ничего и не понял. А она решительная, может быть очень жесткой...

— Да... — Он опять вздыхает. — И все же вы так мне это укоризненно рассказываете, будто я во всем виноват!.. Это же какой-то рок... Случайность!

Что мне вообще нужно от этого человека? Чтобы он залился горячими слезами, стал бить себя в грудь, рвать на себе волосы? Что я хочу от него? Чтобы бросился искать заморское суперлекарство, тибетского знахаря, добился встречи с медицинским светилом?

Только теперь я начинаю понимать, что означало страдание на его лице. Бедняга, он боялся, что во всем я обвиню его.

— Может, вы хотите, чтоб я залатил ей?

Я поднимаюсь, в прихожей беру в руки плащ и уожу.

Спускаясь по лестнице, слышу летящее мне вдогонку:

— Зачем же вы тогда приходили?.. Чтоб растравить мне душу?..

Но уже не хочется слушать его.

И вдруг я представляю Лену. О, как мне хочется чуда! Может быть, ее сильный, молодой организм справится с тяжелым недугом? Может, еще не все потеряно? Ведь бывают же чудеса!..

Но что бы то ни случилось — пройдут годы, спасенный Леной малыш вырастет, — и я обязательно расскажу ему эту историю. Может, даже не стану говорить про отца. Только про Лену.

Я учусь на вечернем отделении одного из ленинградских вузов. Сейчас нахожусь в отпуске по уходу за маленьким ребенком. Скоро сессия, а я не знаю, дадут мне учебный отпуск или нет.

Л. Харитонова,
Ленинград

Такие и подобные вопросы довольно часто задаются нашими читательницами. Вызваны они, как правило, тем, что администрация предприятий, учреждений и организаций при наличии у работника права на отпуск по нескольким основаниям дает и оплачивает только один из них. Поступает администрация в этих случаях правильно. Дело в том, что законодательство хотя и предоставляет некоторым категориям работников право на целевые отпуска (учебный, декретный и др.), однако не допускает возможности получения указанных отпусков в одно и то же время. Как же следует поступать в таких случаях? Работник должен выбрать любой из отпусков, на который имеет право. В вашем случае, товарищ Харитонова, для того, чтобы получить оплачиваемый отпуск для сдачи экзаменационной сессии, вы должны прервать отпуск по уходу за ребенком (оплачиваемый он будет или нет — не играет никакой роли) и на основании справки из института оформить учебный отпуск. После его окончания прерванный вами отпуск по уходу за ребенком может быть продлен.

Находясь в командировке, я пользовался в номере гостиницы телевизором. Когда стал отчитываться, бухгалтерия отказалась включить в стоимость проживания расходы на эту услугу. Почему я должен нести дополнительные расходы, если номер без телевизора не предоставлялся?

И. Мишкин,
Мурманск

Отвечать однозначно, товарищ Мишкин, права бухгалтерия в этом случае или нет, затруднительно. Обоснованность отказа в оплате за предоставленные гостиницей услуги зависит от нескольких факторов, а именно от общей стоимости проживания в гостинице и от того, связаны эти услуги непосредственно с обслуживанием в номере или нет. Согласно «Инструкции о служебных командировках в пределах СССР», расходы по найму жилого помещения (кроме тех случаев, когда командированному предоставляется бесплатное помещение) возмещаются на основании оплаченных счетов, но не свыше четырех рублей в сутки при поездке в Москву, Ленинград или в столицы союзных республик и трех рублей в сутки при командировках в другие населенные пункты. В указанных пределах оплачиваются и различного рода дополнительные услуги, оказываемые в гостиницах, но при условии, что они непосредственно связаны с обслуживанием в номере (холодильник, телевизор, вентилятор и т. п.). Услуги, предоставляемые вне номера, например, парикмахерская, химчистка и др., оплате не подлежат.

чим. — Ты меня, пожалуйста, не жалея. Терпеть не могу, когда меня жалеют!..

Наконец решаю. Долго и осторожно, чтобы Лена не заподозрила, расспрашиваю ее, незаметно задаю наводящие вопросы — и нужный адрес вычислить мне уже не составляет труда.

Я еду к отцу спасенного мальчика. Просто хочется посмотреть на него. А заодно и увидеть чудо-сапожки.

Внешне он симпатичный мужчина лет около сорока. Удивляется странному визиту. Выслушав цель моего приезда (репортерское любопытство — узнать о самочувствии мальчика), он вскидывает брови, выпячивает нижнюю губу. Но удивляется не настолько, чтобы не впустить меня в дом.

Он даже пытается помочь гостю снять плащ. Обходительный. А сам в это время мучительно соображает, что же мне в действительности от него надо.

Да, он, конечно, помнит о болезни сына. Еще бы! Трудный был случай, очень опасный, почти смертельный. Сколько нервов! Сын ведь единственный, поздний ребенок и все такое... Глубокий вздох. Пауза. Но все обошлось. Теперь сын здоров. Он сейчас с женой у бабушки, поехали навестить.

И тут я спрашиваю его в лоб, без дипломатии: думал ли он хоть раз за это время о Лене? Совершенно верно, той самой, что приезжала на «Скорой помощи».

— Да как вам сказать... — Он слегка растерян, но мило улыбается. — У меня, знаете ли, голова и без того забита всякими заботами — служебными, домашними, да и вроде, — он пытается пошутить, — дело сделано — и с плеч долой!.. Поэтому... — Он мнется. — Хотите рюмочку ликера?

Но тут же спохватывается.

— Ну, хорошо, хорошо. Давайте откровенно. — Он на минуту задумывается. — Вот представьте себе. Горит ваш дом. Вы в панике: столько многолетних трудов пропадает на ваших глазах... Дом не застрахован. Короче, трагедия. А вы бессильны. Ваши думы только об этом. («А ведь он рассказывает свою же историю, — ловлю я себя на мысли, — только вместо

Футбольный клуб
Выпуск 6-й КЛУБ
НОГЕЖДА

ЗЕНИТ

Фото Юрия СОКОЛОВА

КОМАНДА МОЛОДОСТИ НАШЕИ

— Вероятно, каждый тренер стремится вырастить команду, игроки которой отвечали бы самым высоким требованиям современного футбола. Какими ориентирами в этом смысле руководствуется старший тренер «Зенита» П. Ф. Садыриев?

Казбек МИКАИЛОВ, Махачкала.

П. Садырин. Советский футбол никогда не был беден талантливыми игроками. Достаточно вспомнить имена наших лидеров — Боброва, Стрельцова, Воронина, Блохина, Дасаева и других. О знаменитой «команде лейтенантов» ЦДКА, блиставшей в сороковых — пятидесятых годах, много слышал, видел в кино. А вот взлет динамовцев Тбилиси и Киева проходил на глазах в бытность мою игроком и начинающим тренером. Особенно восхищали меня динамовцы Украины. Основы мастерства команды закладывал наш выдающийся тренер Виктор Александрович Маслов, закрепил А. А. Севидов, а продолжил В. В. Лобановский. Киевское «Динамо» тех времен и есть тот идеал, к которому, полагаю, стремится сегодня не только «Зенит»... По плечу ли нам такая задача? Ответу однозначно: да. Вот только средства для ее достижения не могут быть прежними.

Для создания суперклуба в Киеве пошли по пути наименьшего сопротивления, приглашая способных, уже «готовых» игроков из команд других городов. Коренных киевлян в команду было два, — и об этом. А между тем украинские тренеры сами ежегодно готовили хорошие резервы. Но ориентировка на приглашенных лишила начинающих, подчас талантливых игроков возможности проявить себя. Пока была в силе плеядя признанных мастеров, «Динамо» блистало. Но время неумолимо и для «первых скрипок». Возраст, травмы, а порой и несвоевременный ранний уход — нередко не по своей воле — из футбола сделали свое дело. Результаты известны: сегодня киевское «Динамо» — только тень блиставшего в прошлом чемпиона.

Что касается «Зенита», то мы держим твердый курс на своих игроков, воспитанных ленинградских детских спортклубов. Они с юных лет впитывают стиль «Зенита», его игровую тактику. Главным мы считаем повышать мастерство молодых футболистов.

— Говорят, что вратарь — половина команды. В этом смысле «Зениту» повезло: в его рядах есть Михаил Бирюков, названный лучшим в стране вратарем сезона. Пригласили его и в сборную СССР. А ведь еще два, три года назад Михаил был не так уж известен. Что помогло моему тезке стать высококлассным спортсменом?

Михаил ЯСТРЕБКОВ,
пос. Полины Осипенко,
Хабаровский край.

М. Бирюков. Когда я еще долговязым и медлительным подростком впервые встал на линию ворот и огляделся, стало очень неуютно... Какая там половина команды — я себя почувствовал

Быть верным другом любителей футбола, помогать им, лучше ориентироваться во всем многообразии футбольной жизни, стать связующим звеном между болельщиками и футболистами, тренерами, специалистами (об этом мы писали в 5-м выпуске клуба «Смена» № 4) — вот задачи, которые намерены решать клуб «Надежда». Как можно судить по редакционной почте, такая направленность в работе клуба встречена читателями с большой заинтересованностью, а их письма множественно воплосов и предложений.

Минувший сезон назвали новым чемпионом страны — впервые им стал ленинградский «Зенит». И поэтому право первыми ответить на вопросы любителей футбола мы предоставили чемпиону. У этой интересной, молодой, красивой и смелой играющей команды немало поклонников не только в ее родном городе на Неве. Примечательно и то, что авторы писем, задавая вопросы ленинградцам, затрагивают проблемы, касающиеся и «Зенита», и одновременно общие для нашего футбола.

песчинкой. Дух захватило, но страха не было, хотя сверстники сил на удары не жалели и мне приходилось из-за отсутствия сеток не столько ловить мяч, сколько бегать за ним за ворота...

Позади немало лет на пути к последнему, пока что лучшему в моей спортивной биографии сезону. Это были годы неустанной учебы, воспитания духа, недовольства собой, нередко и обид. В общем, мой путь в чемпионы был усрян большими шипами, чем розами.

Но многие годы в футболе научили меня ценить чужой труд и самому трудиться в поте лица. Важно с первых шагов усвоить главную истину: ничего нельзя делать вполнакала или, как у нас в футболе говорят, вполноги.

Мой сравнительно небольшой опыт (в высшей лиге я пять сезонов) убеждает, что научиться управлять своей игрой, своими эмоциями можно только с помощью тренера, который в тебя верит и помогает на тренировках приобретать недостающие качества и уверенность в своих силах, а также товарищеской команде, готовых простить твою ошибку, вырвать тебя в трудную минуту.

В этом смысле мне повезло: нынешний «Зенит» — команда с высоким порогом товарищества, дружбы. Слова «один за всех — все за одного!» для нас не лозунг, а линия поведения. Мне никогда не надо кого-то просить остаться после основной тренировки для индивидуальных занятий. Ребята идут на это с охотой. Особенно люблю тренироваться с Юрой Желудковым. Его удару, сильному и очень точному, могут позавидовать многие форварды. В том, что мне удалось отразить несколько пенальти, есть и его заслуга.

Не футболом единым наполнена жизнь нашей команды. В «Зените» много ребят женатых, мы дружим семьями. В команде почти все студенты, и мы обмениваемся контактами, учебниками, помогаем друг другу перед экзаменами.

— Читал в футбольном справочнике, что по составу «Зенит» — одна из самых молодых команд. Много лет в рядах клуба вижу опытного защитника Анатолия Давыдова. Хотелось бы его спросить, как, на его взгляд, может быть долот век футболиста?

Владимир ЖИТОВ,
г. Питкранта, Карельская АССР.

А. Давыдов. Оставить футбол... Столько лет отдать любимому делу и когда-нибудь не выйти на поле в форме родного клуба, не услышать благодарных аплодисментов за хорошую игру, не увидеть гола в воротах соперников, зная, что в этом есть и твоя доля

труда... При одной мысли об этом не нахожу себе места. Но, когда начинаю рассуждать трезво, становится чуть-чуть легче. Наверное, потому, что честно жил в футболе, не прятался за спины товарищей на поле, отдавая всегда, в каждом матче все силы без остатка. И так было все десять сезонов кряду, что играю в «Зените».

Честно сказать, сегодня, когда мне пошел тридцать второй год, я не собираюсь вешать бутсы на гвоздь, как, кстати, и мой товарищ по «Зениту» полузащитник Вячеслав Мельников, которому тоже за тридцать. И он, и я чувствуем, что можем принести команде пользу.

Но как уйти вовремя? Где и когда прозвучит для тебя прощальный удар гонга? В каком возрасте? Трудные вопросы не нарушал режим, если регулярно тренировался, постоянно был готов к большому нагрузкам — век футболиста может быть долот.

Ученые подтверждают, что футболист способен при соблюдении всех условий радоваться игрой зрителя до 35, даже до 40 лет. Мирная практика знает немало тому примеров (тот же голландец Круифф). К сожалению, в последние годы мы стали свидетелями слишком раннего ухода из футбола еще вполне боеспособных игроков. Находятся среди спортивных руководителей люди, которые во вред футболу стремятся ускорить отлучение тридцатилетних от дела, которому те могли бы еще принести немалую пользу.

Тем не менее годы идут. Старший мой сын уже тренируется в детской футбольной школе «Зенита». Окончив институт физкультуры имени Лесгафта, я когда сыграю своей последний матч, начну работать с мальчишками.

— В составе «Зенита» самыми молодыми чемпионами страны стали Сергей Дмитриев и Дмитрий Баранник. Хотелось бы подробнее узнать об их от футбола, администратора «Зенита» М. С. Юджонича.

Валерий ЗАБИДАРОВ, Москва.
М. Юджонич. Много счастливых событий пережила команда в прошлом сезоне. Вслед за победой в чемпионате я бы на второе место поставил появление в основном составе молодых игроков, которые весьма заметны сегодня на поле и за которыми будущее команды. Я имею в виду Дмитриева и Баранника. Им сейчас по двадцати одному году, но специалисты считают этих ребят не только техничными игроками, но и мастерами новой формации, типичными

представителями интеллектуального, как его модно нынче называть, тотального футбола.

Почти каждый молодой способный игрок наделен природой неограниченной потенцией для роста. Убежден, Дмитриеву и Бараннику в этом смысле не на что жаловаться. Я наблюдаю за ними со дня прихода в команду, и для меня неудивительно, что оба они уже приглашаются в сборные страны.

Жизнь современного мастера футбола сложна и многообразна. Это ежедневные изматывающие тренировки, официальные и товарищеские матчи, бесконечные перелеты-перевезды. Есть опасность замкнуться на одном футболе. Но Дмитриев и Баранник, как и все зенитовцы, особенно на сборах во время отдыха не сидят без дела. Постоянно вижу их за конспектами или учебниками (оба они студенты) или за чтением журналов, книг, за партией в шахматы. Они заводили в посещениях музеев, театров.

— Мне давно нравится игра Владимира Клементьева. Мастер он опытный, умный, я бы сказал, основательный. Сдается мне, что именно из таких футболистов вырастают впоследствии умелые тренеры. Что думаешь по этому поводу сам Владимир?

Юрий МАРТЬЯНОВ, Ленинград.
В. Клементьев. Знать судьбы многих поколений зенитовцев. Те, что остались в футболе, включая нашего старшего тренера П. Ф. Садырина, иной для себя судьбы не мыслят. Но, к сожалению, немало и таких, кого тренерский труд не вдохновляет. В итоге это им помешало стать полноценными специалистами.

Немало моих однокурсников связало свою жизнь с производством, наукой, техникой. К примеру, наш бывший вратарь Леонид Григорьевич Иванов до пенсии сидел за баранкой такси и по сей день работает в таксопарке мастеров. Когда-то отличнейший форвард «Зенита», игрок сборной СССР Александр Иванов, квалифицированный спесар, работает на заводе. А бывший стоппер команды Виктор Спиридович — кандидат химических наук. И таких примеров много. Вот почему на заданный мне вопрос о выборе профессии я пока не готов дать исчерпывающего ответа. Но точно знаю одно: что в этом году выбор обязательно сделаю. Время поджимает.

— Слышал, что по положению игроков команды — чемпиона СССР получают золотые медали, сыграв не менее половины из 34 матчей. А капитан «Зенита» Николай Ларионов провел только девять игр, но медаль ему вру-

чили. Выходит, есть исключения. Или я в чем-то не прав?

Виктор ТЕЛЬНОВ, Симферополь.

На этот вопрос мы попросили ответить начальника команды «Зенит» В. П. Корнева.

Корнев много лет играл за команду мастеров ленинградского «Динамо». На тренерском мостике «Зенита» двадцать лет. Недавно назначен начальником команды. И недавно же вместе со старшим тренером П. Ф. Садыриным получил звание заслуженного тренера РСФСР.

В. Корнев. За свою долгую тренерскую жизнь я мало встречал игроков, столь же преданных футболу, как Николай Ларионов.

Не скажу, что в юности Николай отличался от сверстников каким-то редким даром. Он добился признания неустанно и целеустремленно, граничащим с фанатизмом трудом. Уж чем-чем, а характером природа его не обделила.

Ларионов один из немногих в нашей команде, кто начал свои футбольные университеты в Волхове Ленинградской области. Играл в ленинградском «Динамо», выступал в юношеской, олимпийской и национальной сборных страны. В «Зените» — десятый сезон. Товарищей привлекают в нем мягкость и честность, уравновешенность, душевность.

Беда подстергла его в августе 1983 года: в Тбилиси в игре с местным «Динамо» Николай получил серьезную травму ноги. Медики в один голос утверждали, что Ларионов больше не вернется на поле. Но они не учли главного: твердого мужского характера Николая.

Он лечился целый год. Согласился, срок в спорте немалый. Чего греха таить, нас одолевало сомнение: сможет ли Николай стать прежним — самоотверженным, цепким и быстрым игроком, не растерял ли он свои былые качества. Но когда Ларионов наконец надел форму и вышел на поле в основном составе (а «Зенит» к тому времени лидировал, но оставались самые ответственные, ключевые матчи), мы вздохнули с облегчением. Конечно, Николаю не все сразу удавалось. Но это был прежний Ларионов по духу — боец и лидер. Он не требовал к себе снижения, сражаясь изо всех сил в решающих играх. И очень помог команде. Именно Ларионов в предпоследнем матче с «Шахтером» забил единственный и победный гол.

Для всех зенитовцев гол Николая значил куда больше, чем почти решающие в борьбе за первенство два очка. Это было торжество воли, настойчивости. А потом, в последнем матче чемпионата СССР с харьковским «Металлистом», тоже выигранном «Зенитом», Ларионов открыл счет...

Команда вышла с ходатайством перед Спорткомитетом СССР о вручении Ларионову золотой медали. Нас поддержали. Это было в высшей степени справедливым.

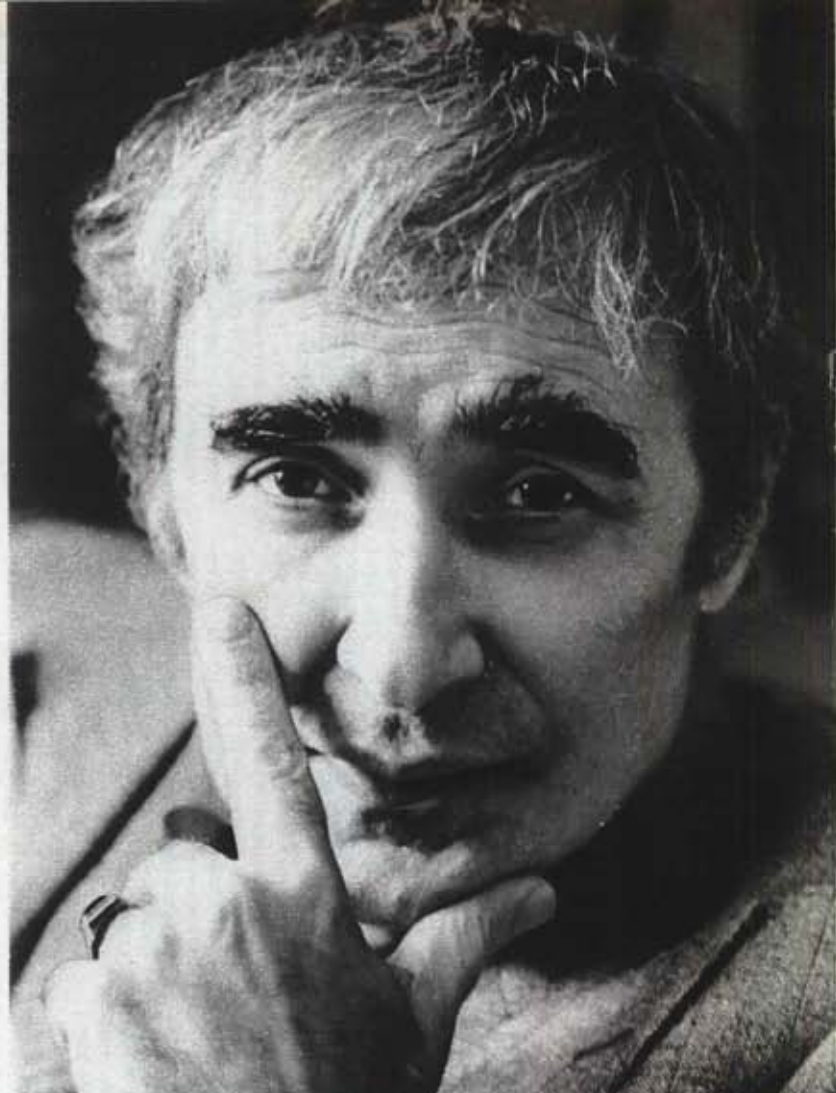
Интервью вел
Виталий ГУЗИКОВ.

НОДАР
ДУМБАДЗЕ:

«ГОВОРИТЬ СИЛЬНЕЕ И ГРОМЧЕ»

Литературные уроки

Александр РУДЕНКО-ДЕСНЯК

Передо мной магнитофонные кассеты. На них голос Нодара Думбадзе, глуховатый, резкий, с едва заметной усмешкой, откровенно веселый — в зависимости от того, о чем мы говорили.

Тему этих многочасовых бесед почти невозможно определить. Разговор шел вполне вольный (на протяжении многих лет мы дружили, были на «ты») и легко перескакивал с одного на другое. А вот собеседник мой всегда оставался самим собой, и теперь, когда его нет в живых, с особой остротой понимаешь, что за каждой фразой стояла личность большого писателя, скрывалось его выношенное отношение к людям, фактам, явлениям.

Мы часто возвращались к роману «Закон вечности», последнему из написанных Н. Думбадзе романов, самому злободневному из его произведений, самому масштабному по постановке философских проблем. Много говорили мы о герое романа, журналисте и писателе Бачане Рамишвили, человеке беспредельной доброты, борце, который неустанно воюет со злом в окружающей его жизни...

— Тебя все-таки упрекали в том, что «Закон вечности» касается неустоявшихся проявлений действительности. В самом деле, есть ценности, которые уже легли в свою четкую шкалу, — это касается ценностей и социальных, и этических, нравственных. Роман, естественно, опирается на них, но гораздо больше интересуется тем, что складывается, формируется в жизни.

— Да, Бачана стремится сам активно перестраивать жизнь.

— И при этом непрерывно отстаивает — и мысленно, и на деле — высокие нравственные истины, всегда руководствуется ими. И при этом он все время выше житейских проблем, если иметь в виду его собственное скромное житье-бытье. Действительно, идеальный герой...

— Э, нет! Это в прозе 40-х годов были идеальные, безупречные герои. А Бачана совершает много ошибок.

— Что из этого? При всех его ошибках и небезупречности Бачана написан как борец, человек высоких идеалов и безусловный нравственный пример. Здесь, кстати, сказалась романтическая традиция грузинской прозы?

— Пожалуй.

— А справедливо сказать, что появление такого героя, таких литературных героев — это своеобразная

реакция литературы на торгашество и меркантилизм, заявившие о себе в реальности, это — желание напомнить о лучших чертах национального характера?

— С такими уточнениями, согласен, Бачану можно причислить к идеальным героям. Ну, а во что обобщилась у него идеальность?! Каких драм стоила?

— Бачана — безусловно, добрый, безусловно, гуманный человек. До каких пределов? И до каких пределов он имеет право на доброту, на добро для других? Есть ли такие пределы вообще?

— Я ведь говорил, что Бачане свойственно ошибаться. И притом серьезно. Правда, и платит он за свои ошибки сполна. Позволил же Бачана, чтобы обезьяна не только стала печататься, не только проникла в ряды профессиональных литераторов, но и заняла видное положение в обществе. Только когда это млекопитающее донесло на самого Бачану, он принял меры... В чем для меня суть этой аллегии? Бачана сам, своими руками воспитал обезьяну, позволил ей затеряться среди людей, стать внешне неотличимой от них. А ведь Рамишвили не частное лицо, он, в известной степени, олицетворяет нашу общественную идеологию. Почему же такая терпимость?

Немногожко из другой оперы. Ты не замечал, что в нас порой просыпается чувство справедливости, только если трогают нас самих? Вспоминаю свои войны в «Нианги» (одно время Н. Думбадзе был главным редактором сатирического журнала «Нианги», грузинского «Крокодила». — А. Р.-Д.). Тогда много ко мне ходило всякого народа. Приходит однажды возбужденный такой человек: «Я бухгалтер хлебного завода, там такое творится, такие взятки...» И пошел рассказывать. Я кое-как вклинился: «А сейчас где работаете?» «Сняли!» — с тем же пафосом. Пока не сняли, все было в порядке...

Может, это общечеловеческое свойство? Но иногда оно, как в случае с моим героем и превращенной обезьяной, приносит огромный вред. Беспредельная терпимость, конечно же, опасна. Обезьян, то есть существ без нравственности, еще хватает. Они занимают человеческие должности, обзаводятся семьями и даже передают свои скрытые признаки по наследству. Разве обезьяна не может стать литератором или профессором? Бачане сразу же надо было пресечь обезьяны попытки выбиться в люди.

Когда ты предупреждаешь, что перед людьми выродок, доносчик, подлец, то есть, по роману, обезьяна, — это и есть нормальное проявление гуманизма.

— Но почему именно такая аллегория?

— Ну, это более веселая история. Во время оно у нас почему-то началась борьба с заборами из цветных металлов. В Тбилиси за дело принялись с большим

темпераментом. Для почина снесли забор в зоопарке. Не знаю, почему именно в зоопарке... Удрал тигр, его, к счастью, скоро поймали, но страх был. Тогда пошел анекдот — по-моему, я сам его сочинил — о сбегавших из зоопарка обезьянах. Их ищут, и милиция беспокоится, что беглецов не удастся найти: смешаются с людьми, и их не отличишь. Да в романе же есть этот анекдот!

— Древу литературы, похоже, не противопоказана никакая почва...

— ...Человеческая природа меняется не очень быстро. В некоторых своих проявлениях она почти неизменна. Чаще задумываясь над изменяемым и неизменным в человеке, мы сможем лучше понять природу его поступков, в том числе и поступков отчётливо социальных.

Подлецы, скажем, существовали всегда. Шекспир не открыл их для широкой публики. Его Яго пришел из бесконечной глубины времен. Гений сумел нечто повседневно и обычное превратить в факт искусства, он точно выразил какую-то часть неизменного в человеке.

А вот форма проявления этого неизменного может разительно меняться. Помнишь, мы обсуждали проблему подхалима? Раньше, ну, в незапамятные времена, приходил подхалим к редактору: «Дорогой редактор, уважаемый редактор, у вас открыто окно, если вы простудитесь и что-то случится, мы этого не переживем, потому что все-все очень вас любим». Что происходит теперь?

— ??

— Та же сцена, тот же посетитель: «Ну, старик, ты чудись! И не знал, что ты такой дурак. Набитый! Ну кто же сидит с открытым окном в такую погоду? Удивил, ничего не скажешь». Сидишь, уши развесил, думаешь: до чего же простой и заботливый человек, и все говорит в глаза... За такими изменениями традиционных масок следить нужно внимательно.

— Бачану не упрекнешь в недостатке проницательности.

— Ему иначе нельзя. Он ведь не сам по себе. Он должен защищать свое дело, свою идеологию, ту жизненную сторону, которая, по моему убеждению, олицетворяет лучшее в жизни. Воевать с человекоподобными — не в дарвиновском смысле слова — обезьянами трудно.

Алофеоз биографии Бачаны — вступление в партию. Он отказывается от привычных формул и говорит: вступаю, чтобы в партии было как можно больше честных людей. И голосует сам за себя. Ему не стыдно. Он голосует за великий принцип, за идею, для него бесконечно дорогую и нуждающуюся в его поддержке. Рамишвили ведет борьбу, при которой меч никогда, ни на секунду не может быть вложен в ножны...

Ответственность тяжела. Помнишь, в английском фильме: должны казнить короля Англии, а палач не решается. Кто ответит? Кромвель говорит: «Я!» — и палач цепляется за это слово, закрывается им... Всегда в решающую минуту кому-то приходится брать на себя больше других. Решаться! Не самый удачный пример? Может быть... Но бывает, кому-то в жизни нужно быть и жестоким, так?

Бачане приходится действовать в довольно специфической обстановке. У писателя могут возникнуть свои проблемы из-за того, что он принадлежит к немногочисленной нации. Всегда висит вопрос: кого и что он имел в виду? Если материал современный... Но и литературному герою не легче, чем его создателю. Бачана иногда просто вызывает у меня сочувствие: куда ни двинется — кругом если не родственники или родственники родственников, так друзья и знакомые...

— Вы хоть и не двойники...
— Ни в коем случае!
— Но люди явно не посторонние друг другу.
— Если откровенно — в этого героя вложено очень много моего, личного. Не в смысле каких-то фактических совпадений, они на виду и для меня малоинтересны. А вот то, о чем думалось... и в редакторском кабинете, и в больнице... Прожито уже что-то, прожито. Как сказать об этом?

— В Бачане Рамишвили легко найти сходство с тобой. Во всяком случае, биографии у вас похожи. А Зурикела Вашаломидзе, герой первого романа «Я, бабушка, Илико и Илларион»?

— Я тоже, как Зурикела, рос сиротой, жил в деревне во время войны. И меня воспитывали бабушка и тетя. Нашу деревушку зовут Зенобани. Она рядом с большим селом Хидистави в Западной Грузии. В хорошую погоду, если подняться к крепости царицы Тамары, видно море. Это Гурья...

В Зенобани жили два старика, мои однофамильцы. Оба действительно без глаза. Один окривел раньше, еще до моего появления в деревушке, другой заболел при мне... Илико был очень остроумным. Иллариона же я довольно заметно изменил — он в жизни гораздо более сдержанный и серьезный человек.

После выхода романа односельчане узнали стариков, а они — себя. Илико написал мне: «Больше половины — вранье. Если я скажу, тебя не арестуют?»

— Пользоваться реальными прототипами — дело хлопотное.

— При чем здесь прототипы? Свинья у Илико называется Сералионом. Сералионом Сепертеладзе... Так вот, в очень высокие инстанции пришло заявление от живущего в Махарадзевском районе Сералиона Сепертеладзе, вполне уважаемого человека, милиционера. Пришлось писать ему справку, что совпадение случайное...

Вообще попасть враска можно совершенно неожиданно. В «Нианги» напечатали мы когда-то стихотворный фельетон о том, как директором сахарного завода назначили крысу. Очень скоро появился разъяренный человек: «Сам ты крыса! В Грузии всего один сахарный завод, и я его директор!»

— Еще о Зурикеле. Ты в детстве любил похулиганить? Это совпадает с Зурикелой?

— Совпадает, дорогой. Знаешь, что самое интересное: я раскрепостился в деревне. Несмотря на трудное время, на сложность моего положения, я почувствовал свободу. Я стал сам себе хозяином. Я мог сам из себя сделать человека... Ну, конечно, это мне казалось, я так думал. Взрослые мне очень помогали.

Мать была далеко. Она присылала три письма в год. Одно своей матери, другое — сестре, третье — мне. Этого письма, как моральной поддержки, мне хватало на целый год.

...Да, и проказ, и хулиганства у меня хватало. Но хулиганства безобидного, детского. Не было в моих проделках зла.

И потом, я был из города. А вокруг меня были очень чистые, доверчивые деревенские дети. Увлечь их на что-то плохое я, наверное, не смог бы, даже если бы захотел.

И главное — шла война. У наших шалостей были четкие пределы. Во всем чувствовалась строгость, аскетизм. Может, город меня без отца и матери испортил бы. Мог я не выдержать той волны, что накатилась на города с войной, даже на города в тылу. А в деревне — труд, традиции, устои, нечто архаическое. Теперь я понимаю: это меня и спасло.

— Часто бываешь в своей деревне?

— Каждое лето. Там живет тетя. Вот опять взаимоотношения литературы с жизнью. Тетю Кетван в романе «Я вижу солнце» списал в известном смысле со своей тетушки. Так дядя когда-то сильно ревновал ее, — ведь тетя из романа была влюблена в дезертира...

— Ты любишь повторять: «Мне без юмора никуда...» Он живет в твоей прозе по-настоящему волготно. Его национальные, народные корни сомнений не вызывают.

И все же попробуем кое-что прояснить...

Есть юмор Сервантеса: в его основе столкновение

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ НОДАРА ДУМБАДЗЕ:

Закон вечности. Белые флаги. Романы. М., «Советский писатель». 1980.

Избранное. В 2-х т. М., «Молодая гвардия». 1981.

Кукарача. Рассказы. Тбилиси. Изд-во «Мерани». 1982.

Хазарула. Рассказы. М., «Правда». 1982.

Возвращение Одиссея. Повесть. Тбилиси. Изд-во «Мерани». 1983.

Голос добрый. Рассказы. М., «Правда». 1984.

Я вижу солнце. Повесть и рассказы. М., «Детская литература». 1984.

Закон вечности. Роман. М., «Художественная литература». 1984.

возвышенной мысли с грубой реальностью. Есть юмор Твена, яркий, резкий, демократичный по своему эстетству, за ним мироощущение молодой нации. Есть, скажем, разящее слово Франса, для него юмор был способом подвергнуть сомнению сложившиеся истины, это интеллект, опирающийся на гигантскую культуру, в том числе культуру мышления...

— Мне ближе сервантесовский и твенсовский юмор. Это в мировом, так сказать, масштабе. Если говорить о национальной школе юмора, очень близок мне Давид Квдиашвили.

Признаюсь, только не удивляйся, в собственной наглости. Больше всего на свете хотел бы писать, как Чехов (смеется). Но это, к сожалению, невозможно. Характер чеховского юмора, отношение Чехова к человеку — это высокие материи...

Влияние? Я же говорил — с влияниями не всегда легко разобраться. Да их не так и много. А преклоняться можно и перед несколькими великими. До сих пор не могу забыть, какое впечатление произвела на меня повесть Гоголя «Нос». Гоголь — чудо литературы. В Булгакове его влияние очевидно. А Зощенко — разве он не вышел из той самой гоголевской «Шинели»?

...Мы уже касались реакции читателей и критиков на прозу Думбадзе...

— Да, от читателей не скроешься и ничего не скроешь... Вот я допустил ошибку в «Законе вечности», у Бачаны в одном месте появилось другое отчество (как, сам не знаю), — и немедленное письмо. Поблагодарил, исправил. А вообще, как ни странно, больше одобрительных писем.

Ведь и такие письма бываю: прошу принять меня как сестру, моя мать умерла, и, чтоб справиться с горем, я каждый день читала ваши книги. Потрясает это доверие к литературе, вера в литературу.

Где еще найдешь такого читателя?

— Тем не менее читатели спорили с чем-нибудь всерьез?

— Пожалуй, нет. Правда, писали по поводу романа «Я вижу солнце»: как это так, вся деревня не может поймать дезертира. Это от непонимания жизни в горах. Там в двадцати метрах от деревни скала, за ней лес, и никого ты не найдешь...

— Прямо идиллия. Неужели никто ни разу не высказал категорического несогласия с твоими книгами?

— Почему никто? Высказывали. Но в печати. Критик и прозаик Резо Мишвеладзе разгромил роман «Не бойся, мама!».

— Это и был тот случай, когда ты сам ходатайствовал за публикацию статьи?

— Слышал? Да, тот самый случай. И еще в альманахе «Критика» разругали «Белые флаги».

А когда вышел роман «Закон вечности», тот же Мишвеладзе опять написал резко критическую статью и предложил в «Цискари». Ему отказали: неудобно, этот журнал и печатал роман. Короче говоря, на собрании в Союзе писателей мой оппонент выступил и сказал: вот, стесняюсь Думбадзе... Что делать, я тоже взял слово. Я не против, говорю, даже наоборот. Это хорошая примета. Когда Мишвеладзе обругал мой роман «Не бойся, мама!», я вскоре получил премию имени Шота Руставели. Может, и теперь, если такая у Резо реакция на роман, его заметят. Так и вышло...

— Говорим мы о профессионалах или «широком» читателе, проблема, наверное, одна: убедило ли сказанное, понято ли, ради чего писалась книга...

— Безусловно. Читатель должен поверить тебе. В «Законе вечности» Бачана и Мария любят друг друга в белом, чистом снегу, а потом дети видят, как снег горит голубым огнем. Здесь все нереально, и надо сделать так, чтобы все казалось происходящим на самом деле. Но сначала сам пишущий должен ясно увидеть этот голубой огонь...

Когда писал «Я вижу солнце» — меня спрашивали, и

не раз: почему ты отпустил дезертира Датико? Почему его не арестовали? Это нереально! А я сильнее его наказал, оставив в живых!

А когда печатал «Я вижу солнце» в журнале «Дружба народов», то в редакции мне говорили: вы фантазируете. Хатия и Сосойя пошли менять одежду на кукурузу, старый крестьянин кукурузой их одарил, а вещей не взял. Напечатать напечатать, но кто вам поверит?

Я действительно в детстве, когда жил в деревне военного времени, носил менять пальто и сапоги. Никто мне их не вернул, как старик в романе. Но мне так этого хотелось! И я иначе закончил весь эпизод, когда вставил его в роман. Думал, может, хоть несколько человек поверят, что такое возможно — совершить добро безвозмездно в жестокой обстановке. Несколько человек — и то хлеб...

Потом я получал письма. В поступок старого крестьянина поверило большинство...

— Детство — начало начал...

— Я бы рассказ Мериме «Матео Фальконе» обязательно преподавал в школе, детям... Дети все немощно ябеды, надо их отучать от этого. Ну, не так, конечно, что родители за ябедничество поубивают своих детей (смеется). Можно ведь так сказать: если ты изменишь своей земле, или товарищам, или родителям — на тебя может подняться рука собственного отца! У Гоголя в «Тарасе Бульбе» то же самое. Что, Тарас не понимал, что делал?

В «Матео» содержится точная деталь: мальчик предал разбойника из-за корысти, за взятку. Это тоже существенный момент: за что человека постигает кара. Знать о таких вещах надо с малых лет.

Как принцип: в воспитании мальчишек должна присутствовать определенная суровость, дух мужского рыцарства. Уверен! Именно так и старался меня воспитывать когда-то в деревне дед Кишварди.

— Не потому ли, что жизнь была в те годы предельно суровой и в людях обнажилось, как говорится, и то, и это, доброты, добро становились особенно драгоценными?

— Не исключено.

— При этом трудно найти то, чего не ищешь. Чего не жаждешь, пользуясь твоими же словами...

— Все время незаметно думаешь: сказать об этом, сказать так... Поводов для таких размышлений сколько угодно.

Уйдем от детства. Что-то мы там надолго задержались.

Как всякий взрослый человек, я задавал себе такой, например, вопрос: что есть любовь? Любовь женщины к мужчине?

Или так: что представляет из себя женский характер? Характер русской женщины, о котором столько сказано и написано?

Давай без литературы. Вот две были.

Ты знаешь, у меня есть дом под Сухуми, в Гульрипши. На самом берегу моря. Когда море волнуется, волны приходят в мой двор. Там я раньше, до болезни, помногу жил.

Быль первая.

В дом отдыха «Агудзера» приехал какой-то человек. Прошла неделя, и он погиб, утонул. Приехала его жена. В нормальной косметике, губы ярко накрашены. Нам показалось это немного неудобным, но не наше дело. Дальше. Она просит, чтобы ее мужа похоронили здесь, в Гульрипши. Это тоже как-то удивило, мы думали, его повезут на родину. Опять-таки нас это не касается. Похороны состоялись. Тогда женщина спросила: «А сколько дней осталось от путевки мужа? Зачем их терять?» И оставшееся время загорала на пляже с другими.

Подожди, подожди. Что ты хочешь мне объяснить? Быль вторая.

В то же самое время — одновременно! — перед моим домом каждый день появлялась очень красивая женщина. Не одна, с подружкой. Она никогда не

купалась днем — только ночью. Я спросил ее подружку: что за тайна? И узнал, что та женщина во время войны вытаскивала человека из горящего танка и сама обгорела, на теле остались следы... Я не скажу, о ком рассказываю, мы подружались, дружим до сих пор.

Теперь: как судить о женщине? Первая история — честно — меня потрясла. Но вторая — больше, сильнее. Если б меня спросили: кто из них русская женщина? — я ответил бы: та, что купалась ночью...

И в литературе я, как писатель, такой характер стал бы изображать в первую очередь.

— Многим и невдомек, какие неожиданные открытия подстерегают нас на обычном пляже...

— А я просто люблю греться на солнце (смеется). Зиму не люблю — в деревне когда-то очень уж мерз без нормальной одежды и обуви.

— В деревне происходит действие многих твоих произведений...

— В грузинской литературе — огромные традиции, связанные с деревней: от Эгнате Нонешвили — это конец прошлого — начало нынешнего века — к Константину Гамсахурдиа (роман «Похищение луны»), Михаилу Джавахишвили, Константину Лордкипанидзе (его роман о коллективизации, «Заря Колхиды», тоже широко известен) — от них к современным писателям, называемым хотя бы Отио Иоселиани...

Продолжаю ли я традиции? Не задумывался. Жил, как ты знаешь, в деревне, часто там бываю, пишу о том, что мне лучше известно.

А вообще грузин похож на кентавра. Немножко. Он наполовину живет в деревне. Вот Арчил Сулакаури — горожанин в чистом виде. А я кентавр. И проза моя похожа на кентавра (смеется).

Вся психология грузина связана с деревней. Просто у нас нет больших расстояний.

Конечно, в деревенской жизни много проблем. О них говорят и пишут. Когда люди бросают свое селение и уходят, чтобы больше не возвращаться, — это трагедия. Но встает вопрос: а как сблизить деревенскую и городскую жизнь? В детстве мне казалось: надо в моем родном Хидистави поставить Эйфелеву башню и оперный театр, и все будет хорошо. Похоже, некоторые и сейчас так думают.

А вот Важа Пшавела в своей деревне Чаргали написал знаменитые поэмы. Может, это то самое стихотворение граней?

Когда-то я знал одного председателя колхоза, который ввозил резиновые сапоги вместо того, чтобы строить дорогу. Пройдох... Сейчас так нельзя. Телевидение, горячая вода, асфальт — все это пришло и приходит в грузинскую деревню. Перестройку ее драматически не воспринимаю, думаю, с ней справиться можно. Тут более серьезная проблема — Антея: как бы не оторваться от родных корней, от корней духовных. Это страшно.

Знаешь, какой-то агроном придумал новый сорт винограда. Урожайность выросла неслыханно, чуть не в десять раз. А никто его не берет. Качество! Аромат не тот, не «Ркацител».

Нивелировка какого-то качества — самая острая проблема. О ней нужно говорить и писать.

А уход из деревни... Грузия — горная страна. Та же Тушетия: ни дорог, ни удобств. И климат очень трудный. Люди там держатся исключительно на крестьянском патриотизме, то есть на любви к своей земле. Но многие уходят — хочется нормальной, цивилизованной жизни. Удивительные луга дичаю...

В Кахетии таких проблем нет. До Телави от Тбилиси два часа езды. И в моей деревне большого движения в город нет. Материала на эту тему для прозы у меня не собралось. Но касаюсь ее в публицистике, в публичных выступлениях постоянно. А как же иначе?

Непростое это дело — решать на практике деревенские проблемы. Когда-то хевсуров переселили в более удобные места. Теперь говорят: а надо ли было это делать? Можно ли покидать обжитую землю? Не лучше ли создать условия на ней?

Идет речь о том, чтобы Грузия стала республикой интенсивного животноводства. Разве можно бросить зону альпийских лугов? Сейчас крестьянину многим помогает государство: кормами для скота, многим, многим другим.

— А люди все-таки уходят?

— Это приливы и отливы...

— Возможно. Но есть проблема среды, в которой растет национальная культура, национальная этика. Эту проблему даже самыми хорошими административными мерами решать трудно.

— Понятно, ты имеешь в виду сохранение народно-духовного опыта. Я уверен: он сохранится. В том числе стараниями писателей, которых, как Илью Чавчавадзе, потом назовут духовными отцами нации. Достоевский сказал ведь, что красота спасет человечество...

Почему все нужно сводить к проблеме деревни, города? Есть же города-государства, и ничего, живут. А народы Севера?

Мы проводили вечера народного искусства. Столпотворение было — так народ соскучился по подобным праздникам. Соревновались самодеятельные поэты. Сколько обнаружилось талантов! Изголодавшаяся

городская публика просто набросилась на них. Мы даже подумали: а вдруг переборщили? Было ведь в Китае такое движение: долгой классикой, все делают глиняные скульптуры... Знаешь, профессиональные поэты терялись рядом со стариками и девушками из той же Тушетии. Тушинцы читали свои стихи на диалекте, некоторые слова непонятны, но музыка стихов поразительная.

Тут же возник вопрос: а не принять ли этих поэтов в Союз писателей? Я разговаривал с одной девушкой, читавшей свои стихи, ее зовут Эгела Татарашвили, и сказал честно то, что думал: если хочешь сохранить свой стиль, оставайся там, где ты живешь. Лучше, чем Важа Пшавела, поэзию писать трудно.

Такое ведь было: как только поэт-самородок начинает писать «классические» стихи, все кончается. Появляется тот самый гибридный виноград, который дает тысячи центнеров, но без всякого качества (смеется).

— Так по чему все-таки изголодался горожанин, «бросившийся» на самодеятельных поэтов?

— Я же говорил: грузин — кентавр. Или ракушка, выброшенная на морской берег. Ждет, пока ее подберет волна. Прилив — отлив...

Помнишь, в «Законе вечности» Мария разговаривает с деревенским стариком? Человек в городе еще не окончательно оторван от своих деревенских корней.

Это ведь тоже надо понять: в деревне человек — солист, в городе он может открыть рот в хоре, но не петь (смеется)...

— Все предположительно: маленькие рассказы о деревне, крестьянах, а за ними не житейские впечатления даже, а жизнь среди своих, близких людей...

— Нет у меня даже двух страниц, чтобы они не были хоть в чем-то автобиографическими.

Рассказ «Желание» — о девочке, спустившейся на землю из космоса. Мне говорили: «Это Экзюпери». Ничего общего! Просто мне приснился сон, и я его честно записал, до мелких подробностей.

Одна пожилая женщина, прочитав рассказ, написала мне: «Вы счастливый человек, вам было видение...»

— Да, автобиографичность во всем. Твой Бачана Рамишвили был студентом университета...

— Я поступил в Тбилисский университет в сорок пятом году. Собираюсь стать экономистом сельского хозяйства. Как видишь, серьезного человека из меня не вышло... Было в университете литобъединение, а у него альманах «Пирвели схи» — «Первый луч». Там и начал печататься году в сорок восьмом — сорок девятом, стихи и фельетоны. Сотрудничал в журнале «Нианги», в общем, острел... А в пятьдесят седьмом году поступил в журнал «Цискари» (знаешь, это вроде «Юности») литсотрудником. Перешел к прозе, а стихи бросил.

— Совсем?

— Почти. Писал стихи для собственных детей. Пока жена ходила на лекции, развлекал дочку Манану, как умел... Когда ей было четыре года, сочинил, чтоб отвлечь ребенка от нехороших мыслей, целую поэму «Письмо Мананы». Героине поэма понравилась. Послал сочинение на конкурс и даже получил премию. Сейчас переключился на сочинение стихов для внука.

— Как относишься к собственным стихам?

— Неважно. Мне говорили, что они хорошие. Даже музыку на них сочиняли... А все равно мне не очень нравятся. В прозе чувствую себя свободнее.

— Но поэзия дала что-нибудь?

— Понимаешь, поэзии легче вырваться наружу, она похожа на вулканический источник... В стихе впервые высказал свою любовь к литературе, попытался в художественной форме выразить свои мысли.

А проза — это река, к которой присоединяется множество ручейков...

— Твой переход от стихов к прозе — закономерность?

— «Обратный» переход совершается редко. Из моих сверстников известны как прозаики Арчил Сулакаури, Тамаз Чиладзе, Отар Чиладзе. Все они начинали с поэзии. Да и Константин Гамсахурдиа был поэтом...

— Ты назвал некоторые имена. Арчил Салакаури, Отар Чиладзе, Эдишер Кипиани, Джансуг Чарквиани, Реваз Инанишвили, Нодар Думбадзе — это «шестидесятники», знаменитое теперь поколение грузинских писателей, связанное с литкружком университета 50-х годов, а потом с журналом «Цискари». Действительно поколение?

— Уверен! Обновление литературы было значительным.

— Резкое обострение интереса к гуманистическим ценностям? Так? А вообще — вспомни — вы вошли в литературу шумно. Возраст, темперамент... Отвернуть, найти, утвердить — все с напором...

— Да, мы были трудными детьми родной литературы. И Григолу Абашидзе, и Бесо Жгенти, и другим писателям старше нас, возившимся с молодежью, доставалось не так уж редко. Но почтение к ним было. Какие биографии!

Бесо Жгенти встречал однажды вместе с другими

Женю Евтушенко, а я подумал: он же еще Максима Горького встречал!

В собственно литературных притязаниях мы были, пожалуй, посромнее, чем молодые теперь. Нет, это не брюзжание, какие тут старики: ко мне в Союз писателей заходят запросто, как к товарищу, — а мы тогда все-таки робели. Больше боялись литературы. Для нас странным показалось бы стучать по столу редактора, если твои стихи не попали в ближайший номер. По принципиальным вопросам — да, вступали в бой. А признанным нами литературным авторитетам верили.

Арчил сказал: мы поколение тех, кто вырастит друг друга. Мы пришли в литературу без протекции и поддержки, хотя — говорил уже — с нами много занимались старшие. Нам не было никаких поблажек. Спорили мы невероятно много. Так и учились.

Надо объяснить еще кое-что, очень важное. Возможно, мы убрали пыль с некоторых гуманистических ценностей. А сами они...

Вот у нас иногда говорят: Руставели! Бараташвили! Церетели! Галактион Табидзе! И забывают, что без Давида Гурамишвили, наверное, Николоз Бараташвили, каким мы его знаем, просто не мог бы появиться. В истории культуры бывают такие абсолютно необходимые звенья. Вынешь одно — и все становится другим.

Гурамишвили жил вне Грузии. Когда он возвратился, и ему, и его книге пришлось вращаться в родную, национальную почву. Это очень сложный вопрос.

Много нового в грузинскую литературу принесли писатели 20—30-х годов. И Нико Лордкипанидзе, и Михаил Джавахишвили, и в поэзии — Паоло Яшвили, Тицян Табидзе, наш великий Галактион Табидзе. Называю, конечно, не всех. Высказаться до конца им помешали и обстоятельства довоенной жизни, и война. Но и сказанное огромно, именно в утверждении гуманистических ценностей: в показе движений души человека, его психологии, духовных начал, нравственности. В литературе особенно сложно преодолеть опустошенность... Так что считать Арчила Сулакаури, Отара Чиладзе или Нодара Думбадзе родоначальниками гуманизма в грузинской литературе страновато, хотя такое мнение и существует. Были предки, совсем близкие, в частности. У них тоже были предки. Была почва. Не с неба же я свалился (смеется)!

— А сейчас? Сейчас есть новое поколение в вашей литературе?

— Много талантливых ребят. Но назвать их поколением? Не знаю.

Вот факт, очень меня взволновавший. Один специалист по статистике сказал, что некоторый спад в рождаемости возник потому, что нет детей, которые должны были родиться от тех, кто не родился сразу же после войны, — возможные родители погибли... Я путано объясняю, но в чем дело, понятно. Это очень страшно: война догоняет нас через много лет. Хочешь не хочешь, она сказывается на духовном потенциале целого поколения, людей молодых, идущих к зрелости.

К нашему разговору это не имеет отношения? По-моему, имеет.

— Сегодняшние молодые в литературе, что, более спокойны, чем были вы?

— Нет-нет-нет! Молодые настроены куда более решительно, чем мы когда-то. Даже как-то более жестко. Я, пожалуй, не столько даже нашу среду имею в виду...

— И ты над этим задумывался? Да, после войны, после всего пережитого люди были как-то добрее, внимательнее друг к другу, чем сейчас. Теперь всего больше: и еды, и одежды, и жилищ, и всяких прочих благ, — а иногда ловишь себя на мысли, что людям, особенно молодым, присуще какое-то очень уж мало-эмоциональное отношение к окружающим.

— Ну да, в мои молодые годы сын просто не мог сказать отцу: «Не твоё дело!»

— Эта вот жесткость сказывается на литературе — насколько можно судить, предположим, по переводам «молодой» грузинской новеллистики...

— Верно.

— ...проникает в кинематограф — опять-таки молодой. (Мы поневоле упрощаем — для краткости, чтобы только очертить тему, так?) Получил немалую известность фильм Теймураза Баблоани «Воробьиный перелет». Талантливая картина, яростная и горькая — это не из легких зрелище, когда два парня в принципе без всякого повода начинают чуть ли не охотиться друг за другом.

— А ты вдумайся: они лупят друг друга нещадно, а кончается все улыбочкой, мелодрамой. Ребята оказываются вполне симпатичные. Такое кино (литературы это касается абсолютно) не того ли самого ищет, только идет к нему другим путем?

Но я не спорю: проблема жесткости существует. Что порождает ее, очень сложный вопрос. Если у одного мальчишки отец гребет деньги, жульничает, а другой не может купить модные джинсы, потому что его родители — обычные люди с обычной зарплатой, чем такая ситуация для этих двух ребят кончит-

ся, неизвестно. Нельзя сбрасывать со счетов, что на горячие семнадцатилетние умы действует куча всякой информации, кино, кассеты, теперь поветрие — видеокассеты. Переварить эту информацию человек в таком возрасте просто не может — переварить критически. Оседает в мозгах бог знает что. Но всякие чуждые влияния — одно, а наше собственное влияние — совсем другое, мы о нем должны думать гораздо больше и гораздо ответственнее. И вообще думать об усовершенствовании всей нашей жизни, всех социальных отношений.

Тут литература должна говорить сильнее и громче. А знаешь, мне иногда кажется, что некоторым молодым дарованиям немножко не хватает ответственности перед своим словом. Служения... Мы как-то в Союзе нашем распределяли квартиры, я сказал: вот этому поэту обязательно надо дать, он же свои стихи пишет в подворотне. Все переполошились, как, что, а я говорю: а где еще можно написать такие стихи, кроме подворотни?

Талантливые люди есть всегда. Только сейчас, по-моему, наша смена не боится ни читателей, ни литературы. А нужно бояться всю жизнь.

Бывает, получается и так: деклараций у человека много, а собственный литературный багаж не очень велик. Да и разбросаны как-то сегодняшние молодые, я не ощущаю их как что-то монолитное.

Наверное, поколение — это что-то очень обобщающее, серьезное.

В общем, такого, чтобы — как Бетховен направился к Моцарту, а тот сказал: «Ты слишком рано пришел, сынок», — такого нет. (Смеется.)

— Что-то получается все очень просто. Никого ни от чего не защищая, предложу тебе поразмышлять вот над чем.

Для наглядности — такая аналогия. Как раз во время твоей литературной молодости бурные перемены происходили в документальном кино, на телевидении — в экранном то есть искусстве. Один феномен просто всех потряс: люди — и журналисты, и приглашенные к микрофону и камере — заговорили обычным голосом, без бумажек. Это было чудо раскованности, на документальный экран пришла сама жизнь. А потом, как и следовало ожидать, восторги улеглись, естественно говорящий на экране человек стал привычным зрелищем, и возник неизбежный вопрос: что он говорит в каждом случае? Что он сумел сказать? Тут и начались проблемы...

Ваше поколение работало с жаром, с энтузиазмом, и спасибо ему за многие истинные достижения. Но вот ты сам говорил: то, что можно писать о герое, подобном Зурикеле, было для тебя открытием. Свободный, легкий, ироничный стиль казался потрясающей новинкой. Многие гуманистические ценности были словно бы заново взяты на вооружение, о них твои сверстники говорили с трепетностью, способной подкупить и сейчас... А ваши наследники — они ведь не могут открывать открытое...

— В чем-то я с тобой соглашусь. Да и не ругаю я никого. Талантливые ребята, очень. Но мне что-то не нравится; почему я должен молчать?

Прошел ремонт в Союзе писателей, на улице Мачабели. Да, там Союз был всегда, со времен Паоло Яшвили и Тициана Табидзе... Внизу, при входе, раньше висело зеркало. Потом появились какие-то фрески. Я при ремонте попросил их снять и опять повесить зеркало. Чтобы каждый, приходя в Союз, посмотрел на себя... (Смеется.)

Мы двадцать лет назад в зеркало смотрели со страхом.

— Может, в молодости все лучше?
— И так может быть...

***

Как все очень талантливые люди, Нодар Думбадзе был взыскателен и критичен по отношению к тому, что писал.

Он стал широко известен как прозаик своеобразного почерка, стиля, пронизанного юмором и добротой, за которым всегда открывалась твердость и ясность нравственных установок. И это при естественном отрицании всякого морализаторства и самоцельной дидактичности. Он глубоко верил в силу литературы, силу Слова, обращенного к человеку...

Но прозаик — литературное амплуа. Поэт — призвание. Нодар Думбадзе был поэтом во всем: в своем взгляде на жизнь и ее самые мимолетные проявления, в своем преклонении перед мудрыми стариками и своей неизбывной нежности в отношении к детям, в любви к родной земле, чью поддержку он ощущал в самые трудные дни. — а на его жизненном пути было, как принято говорить, всякое и разное...

Вам предстоит познакомиться с частью стихотворного наследия Нодара Думбадзе. Это все та же его рука. Все та же его добродушная смешливость. Его серьезность, когда речь заходит об основополагающих истинах нашей жизни.

Нет, слишком жива память о нем, чтобы легко и просто сказать: наследие...

Нодар ДУМБАДЗЕ Бантики Кетино

Поют мальчишки- тушины

Все выше тропинка
Уводит к вершинам,
Идут по тропинке
Мальчишки-тушины.
Идут по тропинке,
По лесу густому,
По пастбищам горным,
По спуску крутому.
Идут по лугам,
Где работают пчелы,
И горы завидуют
Песне веселой:
— Тушины! Тушины!
Вперед! По колочкам!
Сейчас оседлаем
Ленивые тучки.
Эй, овцы, не бойтесь! —
Хохочут тушины. —
Мы с тучки ленивой
Вам спрыгнем на спины.
Вы толстыми стали
От солнца и лени,
Сейчас вас погоним
В родные селенья!
Скорее! Скорее!
Смеются мальчишки:
— А ну-ка, за нами
Помчались вприпрыжку!
Спросили олени:
— О чем вы поете?
Мальчишки сказали:
— О гордом народе.
О Родине нашей —
Прекрасной Тушети
Веселые песни
Сложили мы эти.

Кетино

Мне сказала мама:
— Мы идем в кино,
Посиди, Манана,
Дома с Кетино.
Последи, Манана,
За своей сестричкой,
Ты не разрешай ей
Баловаться спичками!
Не пускай на кухню,
А не то случайно
Разобьет стаканы,
Опрокинет чайник.
По полу растопчет
Сахар и печенье,
Стены перемажет
Медом и вареньем.
Спрячь подальше нитки,
Ножницы,
Иголки,
Последи, чтоб книги
Не хватала с полки!
Ты сама же знаешь
Все ее привычки,
Ножницы достанет —
Сострижет косички.
В книгах,
Как в тетрадках,
Нарисует рожи,
А потом все книги
В печку спать уложит.
Чтобы не осталось
Следа на паркете,
Не давай ей ездить
На велосипеде!
Ну, а если платья
Разрисует сажей,
Так и знай,
Манана,
Мы тебя накажем!
— Мама,
Что же делать?
Я сама не знаю,
Ведь моя сестричка
Очень озорная.
Лучше б последила
Ты за Кетино,
А меня отправила
С папою в кино.

Воришки

Такое с Хатуной
Случается редко:
Подставила к шкафу
Она табуретку.
Решила:
Возьму я
Орехов немножко,
А если заметят,
Свалю все на кошку.
Ворует же кошка
Задела варенье.
Котлеты,
Сосиски,
Возьму скорлупу
И подброшу ей в миску.
Но что это?
Просто опять невезенье!
Хатуна рукою
Задела варенье.
Банка скатилась
С грохотом с полки,
Хатуне придется
Собрать все осколки.
И вдруг —
Не везет же! —
Увидела брата,
Хатуна сказала:
— Я так виновата!
Заурик,
Тебе я орехи отдам,
И ты раздели их
Со мной пополам.
Заурик нахмурился,
Голосом грозным
Сказал:
— Предложение твое несерьезно!
А если вдруг мама
Узнает об этом?
Для бабушки это
Не станет секретом?
Понятно?
Теперь все орехи возьму
И, слово даю,
Не скажу никому!
А после,
Когда все об этом узнали,
Кого ж, интересно,
За все наказали?
Смотри-ка,
Заур
Ходит грустный и хмурый,
Досталось крепко
Воришке Зауру!

День рождения

Завтра у меня день рожденья,
Третий день
готовят угощенья,
Третий день все в доме дрожит —
Чистят вилки,
точат ножи.
Родственники слетятся скоро,
На еду набросаются без разбора,
И свиноушки, цыплята, утки
Моментально исчезнут в желудке.
День рождения —
не игрушки!
Что же делать,
Цыплята, свиноушки?
Я не знаю,
как вам помочь.
Незаметно подкралась ночь.
Стоп!
Я, кажется, что-то знаю,
Спотыкаясь, бегу к сараю,
Я от страха не чувствую ног,
Я с ворот срываю замок.
Разбегайтесь, цыплята, утки,
Пусть пустыми будут желудки!
Только дайте
честное слово,
Послезавтра вернетесь снова.
Ведь, как это бывает нередко,
Из-за вас мне достанется
крепко.

Бедный дедушка

Ах, мой бедный дедушка,
Добрый и чудной,
Целый день работает
Летом и зимой.
Говорю я:
— Дедушка,
В лес пойдем
И черешню дикую
Соберем!
Говорят мне взрослые:
— Глупый мальчуган,
Некогда ведь дедушке,
Пишет он роман.
Пишет он доклад,
Опрокинет чайник.
Говорю я дедушке,
Говорю давно:
— Ну, пойдем на озеро,
А потом в кино!
— Тише! — шепчут взрослые.
— Тише! — говорят.
— Некогда ведь дедушке,
Пишет он доклад.
Вот бы было здорово,
Я бы счастлив был,
Если бы мой дедушка
Остался без чернил.

Ослик

Разорвал я книгу
На столе у деда,
И оставила меня
Мама без обеда.
А потом я плакал
Горькими слезами.
— Ослик невоспитанный! —
Про меня сказали.
И в соседнем доме,
Слышал я от взрослых,
Тоже проживает
Шестилетний ослик.
Дедушкам и папам
Портят книги дети,
Очень много разных
Осликов на свете.
Я теперь не знаю,
Что же будет с нами?
Вдруг все эти ослики
Вырастут ослами?!

Перевел с грузинского
Владимир РАВИЧ.

Видела В дозвонке

Трубка стукнула: ее положили. Спустя немного послышалась перебранка — два голоса, что-то тяжело упало, вскрик. Сопение в трубку.

— Ты что там твякаешь? Это я, Пауль, ты что нам предлагаешь? — Грязное ругательство. — Я ему съездил по роже, свинья! Жаль, тебя не могу достать, ну ничего, я с тобой еще посчитаюсь! Шеф отдал приказ — и он будет выполнен! — Хриплый кашель, сопение. — Мне наплевать на твоего офицера и на всю их дерьмовую контрразведку!

— Пауль, Пауль, это глупо! — Герда истерическим жестом хваталась рукой за лоб, щеки, губы; лицо ее горело; она заплакала. — Я умоляю тебя! Сопение бессмысленно! Вы заплатите жизнью за эту глупость!..

— Тут один уже заплатил... — Пауль хрипло рассмеялся. — Этот красный ублюдок заложил нас всех! Я его пришил пером, как цыпленка! Вот он лежит, ваш профессор, вместе со своим псом, — гад, изгрыз мне руку...

— Что-о-о?! — заорал в свою трубку Бурже, вскакивая со стула. — Вы убили Герберта Кинкеля?! Ответьте: вы убили его или лжете?!

— Это какая, какая еще там сывка пасть дерет?! — взорвавшись, завопил Пауль. — Ах, это ты, герр офицер! Подслушиваешь? Ну, послушай еще: да, я его пришил, эту суку! — От бешенства бывший уголовник сыпал воровским жаргоном. — Вон он лежит, пусть теперь закладывает архангелов на небо! — Хриплый смех пополам с матом. — И ты, фараон, приезжай, нарублю из тебя котлет: люблю повеселиться!

— Мерзавец! Уголовная свалка! Ты у меня, сволочь, на виселице будешь болтаться — это я тебе гарантирую! — Анри с грохотом бросил телефонную трубку.

Герда, тихоноко всхлипывая, со страхом смотрела на майора. Инспектор и дежурный полицейский молча уставились в пол. Двое агентов, выскочившие из «Мерседеса», с хмурыми и решительными лицами стояли в распахнутых дверях будки в ожидании приказа. А Бурже, опустившись на стул, сидел в полной неподвижности: словно заведенная стальная пружина внутри него, энергично вертевшая им в эти часы, сразу лопнула.

— Ну-ка, давайте Лозанну, — сказал он тихо.

Инспектор торопливо вызвал междугородную станцию. Когда соединили с Лозанной, Бурже назвал номер служебной квартиры.

Трубку снял помощник майора.

— Они убили профессора Кинкеля, — усталым голосом проговорил Анри. — Я только что говорил с одной этой нацистской сволочью... Что предприняли наши, Пьер? Где мсье Шардон?

— Пятнадцать минут назад опергруппа донесла, что слышали рычание собаки и выстрел. До этого на вилле было тихо. Попыток вывезти аппаратуру немцы не предпринимали. Мсье Шардон уехал туда несколько раньше, чем пришло сообщение о выстреле, — он очень волновался, полагая, что профессора удерживают силой в доме, потому что до сих пор телефонного звонка от него не было. С мсье Шардоном поехали Бернард и Жорж. Три минуты назад они сообщили, что достигли района дач. Какие приказания, патрон? Бурже грузно поднялся с трубки в руке.

— Ах, какая беда, какая беда, — будто про себя пробормотал он. — Слушай меня, Пьер... Приказываю: надежно блокировать виллу, чтоб они не проскочили, и взять живыми. Если применяют оружие, уничтожить. Уничтожить на месте! Главное, Пьер, чтобы не пострадал ни один житель поселка — это под твою ответственность, имей в виду!

Поручив одному из агентов держать связь с бернским управлением полиции и дорожными постами, занятыми поисками резидента, Бурже, забрав с собой Герду Фюбинг, пошел к машине.

— Едем в Лозанну, и быстро, как сможешь! — сказал он шоферу.

— Есть, патрон, побыстрее! — Шофер снял с фар маскировочные щитки с узкими щелями.

Синий «Мерседес», взревев мощным мотором, ри-

нулся в сгустившуюся мглу. Небо застилали тучи, лишь кое-где блеснули звездочки. В окнах пронеслись по сторонам придорожных домов — ни огонька. Навстречу по шоссе ползли светлячки маскировочных фар автомобилей. Шофер майора вел «Мерседес» на предельном режиме с открытыми фарами и, периодически включая дальний свет, что запрещалось приказом о светомаскировке, бросал в ночь длинные, как ножи, белые лучи. Но старший инспектор, понимая чрезвычайность момента, невозмутимо наблюдал из своей стеклянной будки, как вдали на автостраде вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет яркий свет.

Франц метался по комнатам, выплескивая из канистры на пол последние капли бензина. Спецаппаратура, которую не удалось вывезти, сваленная грудой в гостиной, была уже облита. Рядом лежали в лужицах крови тело профессора Кинкеля и убитый пес. Франц торопился покончить с этим; он старался не смотреть туда, где лежали трупы, отвращение и страх овладели им; сердце гулко стучало, пот прошиб его, очки в золоченой оправе все время сползали на нос. Из наделенного всеми полномочиями старшего агента он под натиском Пауля превратился в его подручного. Он всегда побаивался этого бывшего грабителя (Пауль не утаивал, что был приговорен к виселице за «мокрое дело», даже похвалялся), но старался скрыть свою боязнь под личиной насмешливости, к тому же резидент назначил Франца старшим на вилле, и Пауль вынужденно подчинялся, хотя прежде, пока резидент благоволил к своему телохранителю, Пауль помыкал коллегой, как хотел. И когда поступило телефонное сообщение о провале резидента, потребовавшего применить вариант «Кентавр», Пауль словно взбесился: уничтожить — это была его стихия, а участие в диверсиях научило, как делать подобные дела.

Еще до катастрофического известия Пауль проявил первое неповиновение. Он воспротивился, нарушив приказ резидента, отпустить профессора в университет, где тот должен был оформить свой отпуск. «Ты, очкарик, чем думаешь? — прорычал Пауль. — А если этот тип не вернется к вечеру, на чем мы вывезем аппаратуру? Другой машины, кроме его «Ситроена», ведь нет. Пускай эта свинья побудет здесь, пока мы не отвезем в тайник наши игрушки, а он успеет получить свой отпуск — хоть завтра, хоть послезавтра, не все ли равно». Тогда Франц сказал, что доложит шефу. «Попробуй только! Я тебе башку сверну!» — пригрозил Пауль.

А потом он просто подавил Франца физически и морально со свойственной ему жестокостью. Сперва угрюмый уголовник ударил его в пах ногой только за то, что Франц выразил несогласие с его предложением перенести трупы в дом, чтобы съездить вместе с виллой: Франц считал, что после выстрела, который, несомненно, всполошил обложивших их агентов и жителей соседних вилл, некогда возиться с перетаскиванием, надо поджечь дом и удирать, пока не поздно. От сильной боли в животе Франц не мог встать с земли, но пара страшных ударов ботинком под ребра заставила его подняться. Он взял в охапку обвисшее тело собаки и, шатаясь, потащил. А Пауль, обладавший огромной силой, следом легко нес на плече тело убитого Герберта Кинкеля. Спустя несколько минут, когда из Берна позвонила Сюззи, медведеподобный опять избил его за то, что Франц поддержал предложение Сюззи о сдаче властям. Пауль кинулся на него с кулаками, сбил с ног. С той минуты Франц ни словом не пытался ему перечить, только поддакивал, мгновенно выполняя приказания этого жестокого ублюдка. И вот теперь по распоряжению Пауля он заканчивал обливать бензином пол и лестницы в доме.

Сам же Пауль, скрытый ночной темнотой, караулил с оружием в руках в зарослях сада: агенты контрразведки вот-вот могли появиться. Он уже успел распахнуть настежь ворота, чтоб без задержки выехать на улицу, завел мотор профессорского «Ситроена» и направил лучи фар на створки ворот, которые теперь были ярко освещены, тогда как сам Пауль виден не

был и находился, таким образом, в более выгодном положении по сравнению с нападающими. Он стоял, прислонившись спиной к стволу дерева и уперев в напружиненный живот складной приклад немецкого автомата, смотрел и прислушивался, озираясь по сторонам на малейшие шорохи в полутемном саду, освещаемом кое-где пятнами синего света от уличных фонарей. Автомат он держал левой рукой, так как забинтованная правая почти отказала и сильно болела, искусанная до кости собакой.

Пауль клял себя за такую оплошность: сгоряча забыл о собаке! Надо было сперва втихую прикончить пса надежным ударом ножа в печень, благо тот был на цепи. Балда! Лишился руки в такой момент! Профессор понял, чем это пахнет, как только они с Францем начали выгружать из «Ситроена» и перетаскивать обратно в дом демонтированную аппаратуру. И эта сука что-то задумала! Потому что, когда Пауль, бросив на пол в гостиной очередную ношу и не найдя профессора, заглянул в кабинет, то увидел у телефона хозяина, набравшего номер. Пауль вышиб у него трубку и заорал: «Попробуй подойти еще раз к телефону, красная гнида, дух выпущу!» Он приказал Кинкелю сидеть в гостиной и не двигаться: заниматься им пока не было времени. И этот дохлый интеллигентшишка с впапой грудью послушно сел, только все мял свои пальцы, хрустя суставами и уперев очки в пол. Но он, оказывается, лишь прикидывался покорным и чуть не сбежал, а недоглядел опять этот лопух Франц — белоручка, генеральский сынок! Хорошо, что Пауль был начеку! Он вынимал из багажника машины канистру с бензином и тут увидел Кинкеля. Если бы он обогнул дом с противоположной стороны и прокрался садом вдоль забора, где было совсем темно, то удрал бы. А он, дурак, побежал к воротам напрямик. Пауль, кинувшись наперерез, перехватил профессора в два счета: эта немошь и бегать-то толком не умела. Остальное было делом сноровки: подсечка ногой и в падении — отработанный удар ножем в сердце. Он и не пикнул даже.

А вот пса упустил из виду! С наступлением темноты профессор, как всегда, посадил своего Джозефа на привязь у будки. Уже лежа ничком на опрокинутом Кинкеле, Пауль услышал звон цепи и жуткий рев. Он сразу осознал опасность и вскопчил, но опоздал: пес оборвал цепь. Большое мохнатое тело с прыжком тяжело ударило в грудь, свалило наземь, еще миг — и страшные клыки вонзились бы ему в горло, но Пауль успел подставить правую руку. Мощные челюсти сомкнулись, нож выпал. Испытывая животный ужас, Пауль напрягал силы, борясь с разъяренным зверем. То он подминал под себя собаку, то, вывернувшись, сильный пес набрасывался на него. Счастье, что револьвер был в кармане! Паулю удалось выдернуть его левой рукой и выстрелить в пса. Выстрел в тишине ночи прогремел, как гром. А что оставалось делать? Этот идиот Франц прибежал на помощь, когда все кончилось. Нарочно выжидал или в штаны наложил со страху. Ну, эта сывка за все у меня заплатится!

Пауль издали заметил, как из-за опорного столба ворот на секунду высунулась голова и скрылась, но как только двое с револьверами выскочили с улицы в проем ворот и, попав в свет фар, метнулись в стороны, пытаясь достичь спасительной темноты, он дал длинную очередь из автомата. Брызнула красная пыль от кирпичной стены, взвизгнули, рикошетируя об асфальт, пули. Один агент юркнул назад, второй в плаще остался лежать у ограды, не добежав трех шагов до полосы тьмы. В ярком белом свете виднелись скатившаяся с головы шляпа и револьвер возле полусогнутой руки. И сейчас же со стороны ворот раздались выстрелы. Звон стекла — одна фара автомобиля потухла. Отброшенный вспять, враг решил лишиться Пауля этого преимущества. В бешенстве он выпустил в ответ пару очередей по опорным столбам ворот. «Чего он там возится, сволочь, чего он возится?!» — Пауль глянул в зашторенные окна виллы. Одно из окон изнутри светилось багровым светом: огонь уже полыхал в доме. Услышал, как хлопнула дверь, и понял, что Франц закончил.

— Беги к машине! — заорал Пауль. — Садись, бы-

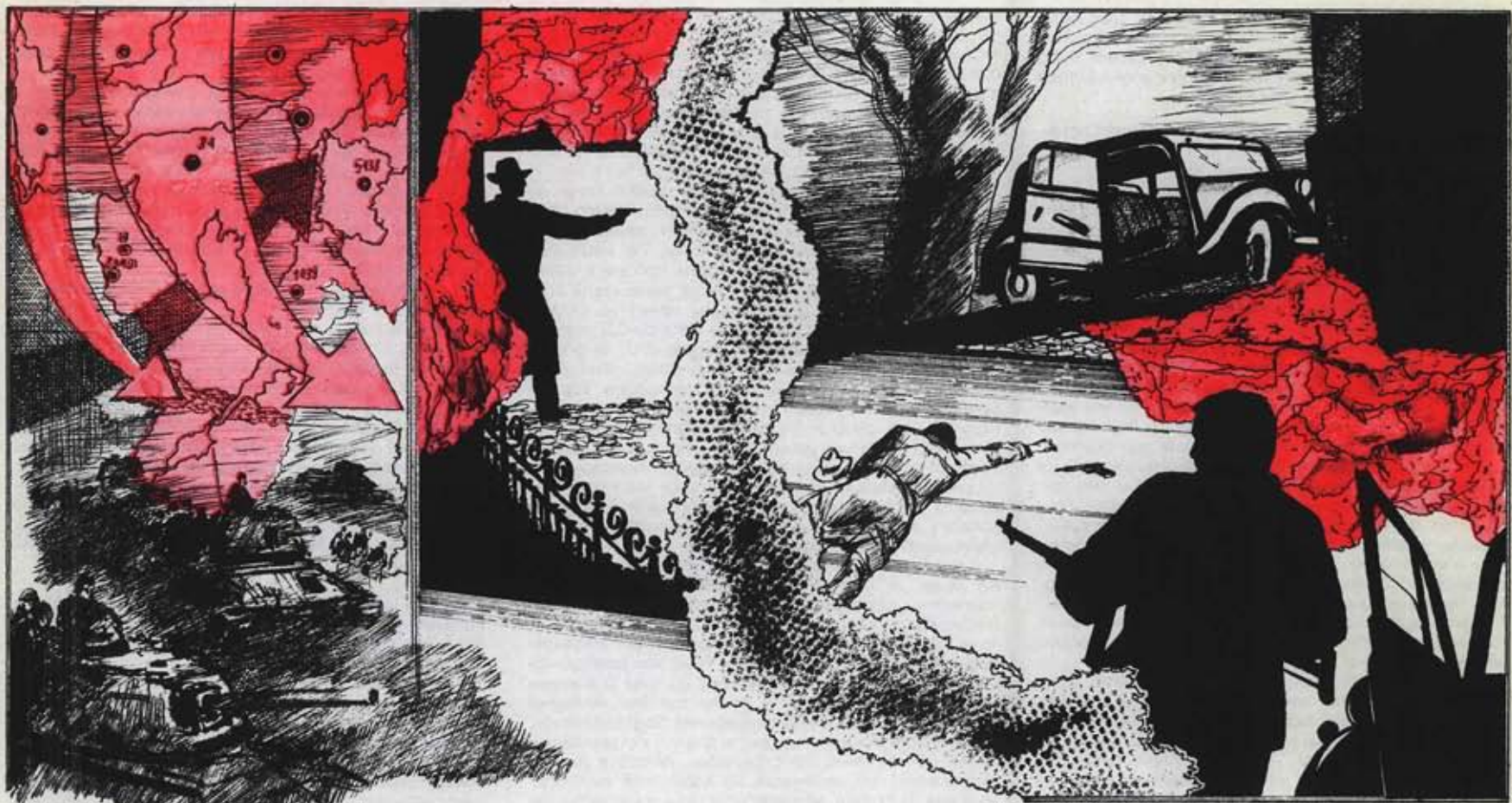

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

стро! Я сейчас!—Он выпустил серию пуль влево, во тьму: почудилось, там кто-то спрыгнул с наружной стены в сад. В окнах виллы металось пламя, стекла с треском лопались, косматые желтые вихри, вырывающиеся наружу, лизали рамы.

Франц уже сидел за рулем «Ситроена». Подбежав, Пауль, не целясь, хлестнул очередью в проем распахнутых ворот и влез в машину.

— Давай, давай, давай! Гони!—заорал он на Франца.

Машина тронулась. Грохнул выстрел — погасла вторая фара. Франц резко затормозил.

— Ты что?! Убью, гад!—Пауль стукнул его автоматом в плечо.— Гони, гони!

Силясь разглядеть, что впереди, Франц в полутьме повел машину к воротам, и в этот момент поверх ограды вспыхнул белый свет, и автомобиль с горящими фарами ворвался с улицы в открытые ворота. Лучи ударили по глазам, ослепили. Машины, тормозя, едва не столкнулись.

Еще на ходу приоткрыв свою дверцу, Рокотов распахнул ее и ловко выпрыгнул, ничком упав на землю: он ждал выстрелов. Леонид видел, как из «Ситроена» неуклюже вывалился здоровенный детина с коротким автоматом, и тотчас дробно ударили выстрелы. Автоматная очередь прошила кабину сверху, но никого не задела: его друзья успели пригнуться. Верзила — несомненно, Пауль — бросился в темноту, в сад. Вилла Кинкелей, объятая огнем, горела. Высокие пляшущие языки пламени освещали сад дрожащим багровым светом, и в бликах этого света Рокотов разглядел широкую спину убежавшего и белый бинт на правой руке. Леонид кинулся следом за немцем.

Он сам хотел расчитаться с этим мерзавцем: уже зная, что Герберт Кинкель убит (эту весть Пьер сообщил им по радио вместе с приказом Бурже), Леонид догадывался, чья подлая рука это сделала. Немец бежал в глубь сада, рассчитывая, наверное, перелезть через дальнюю стену ограды и скрыться где-нибудь в роще. Леонид уже настигал его, различая его фигуру по мелькавшему бинту и шумному пыхтению. Рокотов вскинул пистолет, нажал спуск — осечка, еще осечка. Где-то позади слышался топот бегущих людей Бурже. И вдруг перед Леонидом, почти в лицо, задрожали короткие язычки огня и разнесся грохот автоматной очереди. Его сильно ударило в левое плечо, будто хватили наотмашь палкой. Он качнулся, но, сильный, жилистый, устоял и, нагнав врага, стукнул рукояткой пистолета по голове. Пауль тушей рухнул под дерево, автомат отлетел в сторону. Еще не чувствуя в горячке боли, Леонид навалился на немца. Но бандюга был очень живуч и силен. Мощным взмахом левой руки он отбросил Рокотова, и, как медведь, подмял под себя. Сигло рыча, немец схватил горло противника железными пальцами и сдавил. Раз-другой Леонид дернул головой, но хватка была мертвой. Он почувствовал удушье, невыносимую боль в плече и стал провали-

ваться во тьму. Теряя сознание, он ткнул ствол пистолета куда-то в бок хрипящей туши и спустил курок.

Глава четырнадцатая

Леонид, открыв глаза, посмотрел на белый потолок. Какой был ужасный сон... Кровь, много крови, дрались какие-то странные люди, немые страшные крики... Он бежал и не мог никак убежать, кто-то настиг его и душил... Проснувшись, он чувствовал, что задыхается. Хотел даже позвонить дежурной сестре. Это уже второй раз такой скверный сон.

Как и кто привез его в больницу, Рокотов еле помнил: сознание то возвращалось, то исчезало. Но после операции, очнувшись от наркоза, он довольно ясно вспомнил все, что произошло. Потом он уснул и спал очень долго. А через сутки, когда совсем пришел в себя и стал есть — сперва с помощью сестры, — врач-хирург, веселый, довольный делом своих рук, сказав, что теперь все будет в порядке, похвалил его крепкий организм и сообщил о том, что извлек из его плеча три пули, причем одна была весьма опасна. И крови потерянью изрядно. Так что полежать ему придется, пока раны затянутся.

А потом начались телефонные звонки: друзья через дежурных сестер справлялись о его самочувствии. Леониду ежедневно передавали приветы от Анри и Луи (своих фамилий Бурже и Фонтэн не говорили). Были еще два звонка, особенно взволновавшие его. Сказали, что женщина, назвавшая себя мадам Вера, интересовалась исходом операции и просила передать мсье Шардону пожелание скорейшего восстановления сил и бодрости. Затем вчера вечером позвонил неизвестный мужчина, сообщил, что господин Триобо знает о несчастье, случившемся с его родственником, и желает ему полного выздоровления. Триобо — псевдоним Анфилова, но кто же звонил по поручению Центра? Больничные сестры передавали приветы, приносили ему в палату от друзей фрукты и соки, однако посещения лечащий врач запретил, хотя Рокотов чувствовал себя неплохо и даже пытался садиться в постели.

И потому он очень обрадовался появлению в дверях палаты Бурже. Наконец-то! Ведь Леониду так нужно поговорить с ним, расспросить о многом. Анри, сияя во все лицо, быстренько подкатился к кровати и, с опаской оглянувшись назад, приложил толстый палец к мясистым губам.

— Тс-с, я проник тайно, без позволения, — вполголоса пробормотал он. — Так хотелось повидать тебя, дорогой Жан! — Пухлые руки мягко сжали кисти раненого. — Там мой парень присмотрит, чтоб доктор нас не засек. Мы недолго, я буду рассказывать, а ты молчи, тебе нельзя переутомляться. Ну, как? Молодчага! Раз улыбаешься, значит, здоров! Рад, рад, дорогой мой! Я ведь однажды уже приходил к тебе, но ты спал. В сущности, я могу прийти к тебе, когда захочу. Тут день и ночь дежурят мои ребята, вроде охраны. Им приказано никого сюда не впускать, кроме

врачей и сестер, конечно. Когда ты был без сознания, мои ребята запирали тебя на ключ — сестры входили в палату только вместе с ними: мало ли что ты мог наговорить в бреду! Охраняют они тебя, как короля: дважды вытурили этих пройдох-репортеров, полицейских чинов тоже не допускают. Чем меньше огласки, тем лучше. Я принял все меры, ты не беспокойся, дорогой. Ну, как тебе здесь — врачи, персонал? Уход хороший? Я так и знал. Кстати, главный врач — мой давнишний приятель, тоже француз, я знал его еще в Париже, после поражения он с семьей эмигрировал сюда, как и я. По моей просьбе он распорядился положить тебя в отдельную палату, пригласил для операции лучшего хирурга тот у них светило!

Этот монолог Анри выпалил скороговоркой ради экономии времени, не дав Леониду вставить словечка: он только кивал, улыбаясь. Придвинув к кровати стул и склонившись к изголовью, насколько позволяла его комплекция, Бурже рассказывал, прихлывая ладонью по руке товарища, тихонько посмеивался, его цыганские глаза и крепкие белые зубы блестели.

— Прошу прощения, Жан, что-то я не о том... — Толстое лицо Бурже омрачилось, глаза погасли. — Я знаю, о чем ты хочешь узнать в первую очередь... Прости, дорогой, это я от радости...

— Ничего, Анри. Только расскажи подробнее, как и что, как они пережили это страшное известие... — Рокотов смежил веки, узкое худое лицо осунулось еще больше.

— Тебе плохо? — встревожился Анри. — Может, я лучше потом?.. Они вполне здоровы, даю слово!.. Ну, ладно, если тебе не повредит... Какое горе! Я в этом виноват, что там говорить... С чего же начать...

— Дом сгорел? Наши... что-нибудь?

— Дом сгорел, Жан... Пожарники опоздали. Остался один кирпичный остов, все сгорело дотла. Но... знаешь, вилла была застрахована. Она, вдова, получит солидную компенсацию. В доме, когда разгребли все — рухнувшие балки, доски, — обнаружили тела: труп собаки и... тело профессора, они были обуглены... Ну, давай я расскажу теперь про них — про мать и дочь. — Отвернувшийся Бурже покашлял в кулак.

— Да, расскажи про них. — Леонид с суровым лицом глядел куда-то за окно. Там виднелись голубое небо и краешек пушистого облачка.

— Ты знаешь, что мадам Кинкель с дочерью, как мы намечали с тобой, не должны были появляться на вилле до окончания операции. Ну, вот... Мой друг Раймон привез их из Берна сразу на нашу служебную квартиру, к Пьеру. Поэтому девочка ничего не знала до последних дней — из Лозанны ее увезли; я устроил их обеих в хороший пансион в Монтрэ. Но Эрика была очень беспокойна, плохо спала, просилась домой, каждый день ждала звонка от отца, мы страшно волновались за нее! Удивительно еще, что после таких потрясений она не заболела! Матери пришлось сказать ей, что они не могут вернуться домой — случился пожар и вилла сгорела, а папа немного пострадал от огня и находится в больнице, когда-де врач

разрешит, они навешают папу; про пса Джозефа, которого девочка очень любила, ей пока ничего не говорили — разве можно все сразу?! Ужасно! Я не знаю, что будет, когда ей расскажу про все! — Бурже закрыл лицо руками и замолчал.

Немного погодя Леонид спросил, не отрывая оставившегося взгляда от окна:

— А как сама Вера... госпожа Кинкель?

— Знаешь, она очень стойкая женщина! Удивительно стойкая — пережить такое и не сломаться. Она зарыдала, когда я ей сообщил, потом попросила отвезти ее к дому... Походила вокруг пепелища — и ни слезинки, поверь! Я наблюдал за ней, почти через день езжу к ним в Монтрэ, — удивительно держится эта женщина: спокойна, приветлива, даже улыбается. Правда, по сравнению с тем днем, когда я ее впервые увидел, постарела как-то лицом, возле губ резкие складки. Когда я заговорил о Герберте Кинкеле, попытался выразить сочувствие, она сказала: «Не надо, мсье Анри, его все равно не вернуть, мы ведь добровольно вступили в эту борьбу, а борьба, вы знаете, без жертв не бывает». Вот как она сказала.

— Спасибо тебе, Анри. — Леонид перевел взгляд на товарища и положил горячую ладонь на его руку. — Навещай их, пожалуйста, пока я тут валяюсь.

— Что ты говоришь, Жан! Они мне как родные! Знаешь, у меня такое чувство, как будто это случилось в моей семье. Я все для них сделаю, можешь не беспокоиться. Помнишь наш разговор о детях Европы — заложниках фашизма? Мы в долгу перед ними... Кстати, мадам Кинкель сказала, что очень хочет познакомиться тебя с Эрикой, а про тебя столько лестных слов мне наговорила!

— Мне бы хотелось остаться здесь, чтоб быть возле них, но... это невыполнимая мечта, ты сам понимаешь. Передай госпоже Кинкель большой привет. Скажи: как только я выйду отсюда, в первую очередь приеду к ним. А теперь, Анри, расскажи немного о наших делах, если это, конечно, возможно. — И Рокотов выразительно повел глазами вокруг, по стенам и потолку.

— А-а, ты про это? Не беспокойся. Мои ребята перед тем, как тебя положить, все здесь облазили и обнюхали. Никаких микрофонов нет. Мы можем разговаривать о чем угодно. Ты ведь в забытом мог все наши тайны разболтать! — Бурже хохотнул, зажал рот ладонью и оглянулся на дверь. — Я проинформирую тебя о главном, что произошло во время ликвидации резидентуры и позднее, кое-что тебе будет полезно знать. Об остальном — в следующий раз, а то ты, по-моему, уже утомлен. Сперва — самое важное: от господина ИКС опять поступает ценная информация, надо поскорей переслать. Меня связали с Палашей, часть информации отправлена, но кто-то должен возглавить все это дело — заменить Герберта Кинкеля. Может быть, ты что-то предложишь, подумай.

Бурже извлек из толстого портфеля банки, ловким движением взрезал одну из них консервным ножом и налил в стаканы себе и Леониду густой апельсиновый сок.

— Хотел прихватить что-то посуше, да побоялся, что доктора заругают: тебе, наверное, нельзя. Мы с тобой нашу победу потом непременно выпьем, а как же! А пока, прошу прощения, пей этот полезный сок... Так вот, слушай... Расскажу о наиболее существенных деталях. Начало операции прошло успешно: я арестовал немку, освободил девочку, ребята взяли Адама. И тут случился прокол! Второй агент — Гейнц, уезжавший на задание, видел, как наши брали его напарника, и сразу позвонил резиденту, их разьединил Морис, но главное Гейнц успел сообщить. Затем произошли еще два промаха, которые привели к трагической гибели наших товарищей в Лозанне — профессора Кинкеля и моего агента Энрико, жаль его, хороший был парень.

Бурже отпил из стакана сок.

— Об этих двух тяжелых промахах, или, точнее, о двух ударах, которые нанес противник, ты не все знаешь: резидент сумел улизнуть от облавы и через посредство другого лица — это была женщина — передать агентам на вилле приказ уничтожить все улики и скрыться, а этот приказ развязал руки садисту Паулю. Второй агент, Франц, сразу сдавшийся моим ребятам, когда ты бросился за этой сволочью, на допросе рассказал подробности убийства Герберта и поджога виллы. Беда в том, что, точно разработав операцию, мы почти ничего не знали о свойствах характеров наших врагов.

Худое смуглое лицо Рокотова было строгим, темные глаза стали почти черными и мрачно светились.

— Это верно, Анри. Но времени и возможности изучать их характеры у нас, к сожалению, не было. А они имели огромное преимущество: ребенок находился в их руках... Горько, но...

— Оставим это, Жан. — Бурже пожал руку друга, лежащую поверх одеяла. — Давай-ка я расскажу тебе, в чем мы преуспели. Нам удалось за это время разыскать и арестовать, кроме взятых раньше, остальных агентов — Нардисса, Гнома, а также сбежавшего Гейнца. Сведения о составе резидентуры, ее

задачах, словесные портреты агентов, в том числе господина Эссена, нам любезно предоставила Герда Фюбинг-Дижон. Фрау оказалась очень покладистой. К сожалению, самого резидента задержать не удалось, а мне хотелось на него взглянуть: по описанию немки, прелюбопытный тип! Он так здорово затаился, что наши не могли его найти, а затем каким-то образом проник в германское посольство. Думаю, его тайком провез в машине немецкий дипломат, но бог с ним! В сущности, резидент нам и не нужен: давать громкую огласку этому делу нельзя. Как, разумеется, это невыгодно и самим немцам. Резидент, оказывается, имел также германское подданство. По немецким документам он — Вернер фон Эссен, про это я узнал еще раньше от Герды Фюбинг. Она рассказала кое-что о его прошлом и настоящем: агент из старых кадров абвера, потом перешел в аппарат СД, любимчик Шелленберга, штандартенфюрер СС, за операцию «Ловушка» — тебе это неизвестно, так в СД закодирована их швейцарская операция против русских, — вот за первый успех в этой операции Эссен получил от самого Гимmlера железный крест с дубовыми листьями, да вот беда: поспешили праздновать-то! — Бурже тихоночко рассмеялся, прикрывшись ладонью. — Между прочим, Жан, эти чистокровные арийцы раскалывались на допросах, как орешки! К дьяволу их всех, это дерьмо! Лучше сообщу, как мы завершили нашу операцию.

Бурже помассировал толстыми волосатыми пальцами веки, и Леонид только сейчас заметил, как воспалены и сухо блестят от недосыпаний его черные цыганские глаза.

— Принятые нами меры по прикрытию операции себя оправдали. Я уже говорил тебе, как реагировал мой патрон, когда я сообщил ему о своих опасениях насчет господина ИКС. А после захвата немецких агентов я доложил, что подозрения подтвердились. Тогда патрон приказал держать все это в строжайшей тайне, изолировать арестованных, никого к ним не подпускать — ни прокурора, ни адвокатов, ни следователей. Я сказал, что допросы буду проводить сам, без протокола и без свидетелей. Патрон согласился. Тут все сложилось хорошо. Но могли быть другие каверзные штуки... — ухмыльнувшись, Бурже помял толстыми пальцами пухлые щеки. — Нет, не насчет тебя! Придуманная для тебя легенда сработала: я объяснил, что ты мой человек, вернулся из-за границы после выполнения спецзадания, а когда возникла необходимость, я подключил тебя к операции. Беспокоился я за мадам Кинкель. Нет, никаких улик против Герберта или Веры Сергеевны не было. На вилле сторело все: передатчик, звукозаписывающая аппаратура, документы, а сам Эссен с магнитофонными пленками сбежал. Шантаж с кражей ребенка тоже не мог навести на подозрения: я доложил патрону, что Кинкелей угрозами расправы с дочерью пытались завербовать в интересах германской разведки, это же подтвердила их расписка о сотрудничестве, обнаруженная при обыске среди бумаг на даче Эссена, вероятно, он обронил ее влопыхах. Кстати, в его немецком ресторанчике, в подвале, мы обнаружили радиостанцию и кодовые книги. Я обеспокоился за мадам Кинкель, когда патрон выразил желание побеседовать с ней: он был озабочен тем, не станет ли она рассказывать о случившемся и требовать суда над преступниками — ведь у нее такое горе! Тогда я сказал, что не стоит пока тревожить ее расспросами: она в тяжелом состоянии, — я сам берусь переговорить с мадам Кинкель, попрошу ее ничего не разглашать, так как дело касается национальной безопасности. С этим обошлось... Но главное, немцы! Если бы арестованных рассказали кому-то из наших о русских агентах и господине ИКС, сам понимаешь! Нужно было их как следует припугнуть, но предъявить только обвинение в краже ребенка и шантаже. Это я и сделал. Допрашивал каждого в отдельности, в своем кабинете. Никаких подозрений у немцев насчет нашей игры и возникнуть не могло, они знали, что действия контрразведки были направлены не только против них, но и против русских: тебя-то схватили с поличным на глазах агента, а связать меня с личностью Хосе было невозможно — ведь мы им подсунили ложного Хосе! Разумеется, на допросах я ни словом не обмолвился ни о слежке за нашими сотрудниками, ни об их поисках господина ИКС, вроде нам совсем об этом неизвестно. Так вот... Я им сказал, что за шантаж с ребенком в целях вербовки и за участие в убийстве Герберта Кинкеля им обеспечены либо виселица, либо как минимум многолетнее тюремное заключение. Ты знаешь, они сразу наложили в штаны! Тогда я сказал, что постараюсь облегчить им наказание при условии, если они ответят на все мои вопросы. А дальше пошло как по маслу: я спрашивал только то, что мне было выгодно, а они, конечно, и не заговаривали ни о чем для нас опасном — кому охота увеличивать меру своей вины, и без того тяжелую! Ведь только заикнись они про русских, про радиоигру с Москвой, это неизбежно повлекло бы новую серию моих вопросов. Им пришлось бы ответить, с какой целью они следили за сотрудниками нашей секретной службы, а это уже статья о подрыве национальной

безопасности. Это-то они понимали... А жаль! Жаль, что мы не можем судить их по всей совокупности преступлений — этим мерзавцам следовало бы болтаться на виселицах! Но...

Бурже, сцепив в замок руки, тяжело вздохнул.

— На днях по настоянию немцев резиденту Эссену, как германскому подданному, разрешили покинуть страну. Высланы в Германию также Хильда — Сузи — Дижон, Франц, Адам и Гейнц. Разумеется, я этому всемерно способствовал! Как видишь, дорогой Жан, заключительная часть дела окончилась успешно. А герру Эссену и фрау Дижон я не завидую — представляешь, как их встретят в Берлине, в РСХА, после провала такой операции! А?

— Да уж, наверно, здорово встретят. — Губы Рокотова дрогнули в усмешке.

Бурже вскочил со стула.

— Нет, это еще не все! — воскликнул он, энергично взмахнув руками. — Не все! Знаешь, что нам удалось? Мы поймали у себя в управлении тайного нацистского осведомителя, завербованного Шелленбергом. Он также работал на резидентуру Эссена. Представляешь, какая змея залопзла в наше гнездо! Он мог бы такое натворить... А попался на контакте с Хосе, фальшивым, конечно, тем самым, да! Мы ему устроили хорошенечкую провокацию, и он клонул! Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Теперь спи, больше спи, дорогой, надо поскорей выздороветь!

Анри чмокнул Леонида в колючую щеку.

Прослушав утреннюю сводку Совинформбюро о положении на советско-германском фронте на 19 июня 1943 года, генерал-полковник Самохин выключил радиоприемник.

— Пригласите генерала Анфилова.

Самохин подошел к огромной занавешенной карте на стене и раздёрнул шторы. Тянувшаяся с севера на юг причудливо изломанная линия фронта была испещрена синими и красными стрелами ударов, наносимых противникам, кружками и овалами, обозначающими армии и группы резервов, условными значками сосредоточения танковых и авиационных соединений. Самохин обжег глазами этот гигантский театр кровавых сражений и остановил взгляд на большом выступе линии фронта, подковой вломившемся в оборону гитлеровских войск. Генерал знал: здесь, на Орловско-Курско-Белгородском плацдарме, в ближайшие дни будет решаться исход всей летней кампании.

Обернувшись на звук шагов, Самохин увидел приближающегося генерала Анфилова и, отозвавшись на приветствие, сказал:

— Меня интересуют данные по Курской группировке противника. Что у вас нового, Петр Федорович?

— Я захватил последнюю информацию от разных источников, в том числе по Курской группировке. Есть ценные данные, — ответил Анфилов, опускаясь в глубоководное кресло. — Вот эти данные. — Он протянул папку с радиogramмами. — Очень интересные сведения от господина ИКС.

— Ну-ка, ну-ка, давайте эту информацию. — Генерал-полковник взял папку и начал читать донесения одно за другим.

9.06.43. Центру.
От ИКС, через Хосе.

По расчетам командования ВВС, заводы Германии изготовят в мае 2000, а в июне 2100 боевых самолетов. Из этого числа в июне на фронт поступят не менее 2000 бомбардировщиков и истребителей.

12.06.43. Центру.
От ИКС, через Хосе.

На советско-германском фронте в общей сложности находятся 166 дивизий (в начале апреля действовали около 140 дивизий). Против Красной Армии сражаются 18 танковых дивизий, 18 моторизованных и легких дивизий, 7 горных дивизий, 108 пехотных дивизий, 4 дивизии войск СС, 3 авиационные. Кроме того, у главного командования сухопутных сил (ОКХ) имеются в резерве 3 танковые дивизии и 6 пехотных дивизий, а в распоряжении ОКВ — одна дивизия войск СС. На оккупированных территориях Советского Союза дислоцируются еще 22 охранные и резервные дивизии.

13.06.43. Центру. Молния.
От ИКС, через Хосе.

В последних числах мая намечалось начать на советско-германском фронте наступление силами 1-й и 4-й танковых армий, 6-й армией и 11-м армейским корпусом (пять дивизий), который является ударным крылом 2-й армии. Одновременное наступление этих войск не планировалось. Высшее командование (ОКВ) намеревалось нанести удар сначала на Ворошиловград, в сторону Нижнего Дона, силами 1-й танковой армии и частью сил 6-й армии. В мае рассматривалась также возможность наступления 4-й танковой армии и 11-го армейского корпуса на Курск. Дивизии группы армий Манштейна, готовые к бою, находятся на исходных позициях.

14.06.43. Центру. Молния.
От ИКС, через Хосе.

Вследствие нарушения русскими в ряде мест прифронтовых коммуникаций ухудшилось снабжение 4-й и 2-й немецких армий. Командование вермахта опасается, что наступление на Курск может оказаться неэффективным ввиду того, что советское командование сосредоточило на Курском выступе силы, превосходящие здесь силы немецких войск.

16.06.43. Центр. Молния.
От ИКС, через Хосе.

Главное командование сухопутных войск (ОКХ) осуществляет сейчас перегруппировку группы армий Манштейна. Цель ее — создать угрозу флангам Красной Армии, если она начнет наступление с Курского выступа в западном направлении.

Оторвавшись от чтения, генерал Самохин быстро и чуть удивленно взглянул на Анфилова.

— Прекрасно! Очень важная информация! Сведения поступают через радиста Папаша? А где сейчас Анжелика?

— Да, сведения идут через радиста Папаша. Анжелика — Вера Сергеевна Кинкель — теперь уже не работает... — Анфилов с сумрачным лицом мял густую короткую бородку.

Самохин посмотрел на собеседника внимательным долгим взглядом, потом откинулся к спинке кресла, прикрыл бледные веки.

— Да-да... та тяжелая история... тихо проговорил он. — Зигфрид и Анжелика... У них дочка... Эрика? Да-да... Как Анжелика, как здоровые ребята? Где они сейчас живут? Дом, я помню, сгорел...

— Вилла у Кинкелей была застрахована на большую сумму, так что вдова получит компенсацию, но... — Анфилов поморщился как от сильной боли. — Герберт — такая потеря!.. Анжелика просила разрешить ей продолжать работу... Очень стойкая женщина, жаль выводить из дела преданного человека, но теперь, после провала, иного выбора нет. Я объяснил ей через Хосе, что это очень опасно и для нее самой, и для дела... Как сообщил Хосе, сейчас Вера Сергеевна с дочерью живет под охраной его сотрудников в надежном месте, где-то в горном санатории. Ни с кем не видится. Все контакты с ней нашим людям я настрого запретил.

— А нет ли каких ощутимых последствий для наших людей после той истории? — Начальник поднял на генерала Анфилова настороженные, с холодком, глаза. — Ничего тревожащего не замечали Хосе, Папаша, другие?

— Ничего тревожного для нас. Пока все спокойно. Склонив в размышлении над столом седую голову, Самохин после паузы сказал:

— Вы говорили, что Рокотов почти здоров, как его самочувствие?

— Его уже выпускают гулять, обещают через неделю выпустить из больницы. Полагаю, на этом он сам настаивает.

— Это хорошо, что он быстро поправился и рвется в дело. — Самохин повернулся к Анфилову. — Потери у нас за рубежом за эти тяжелые годы большие, старых кадров осталось совсем немного. А у Рокотова солидный опыт. Я вот что думаю, Петр Федорович... Мне нужен надежный сотрудник типа Рокотова для выполнения специального задания. Как вы считаете, сможем мы благополучно перебросить его из Швейцарии с максимальной страховкой?

— Сможем, Константин Иванович, если есть время на подготовку.

— Подготовка обязательно. Кроме того, пусть Рокотов немного подлечится, восстановит силы. Для меня через два мы с вами поговорим об этом... А теперь вот что, Петр Федорович... — Самохин прошел к своему столу. — Надо отметить всех наших людей, участвовавших в контроперации против резидентуры Эссена.

— Они это заслужили, Константин Иванович, — с нажимом произнес Анфилов.

— Согласен с вами. Капитана Рокотова представьте к награждению орденом боевого Красного Знамени. Кстати, ему пора присвоить очередное звание, заготовьте аттестацию. Хосе, Папашу и Кинкелей тоже непременно отметить...

— Герберта Кинкеля — посмертно, товарищ генерал.

— Да... Товарища Кинкеля — посмертно.

Самохин посмотрел в широкое окно, за которым светилась голубая даль.

— Надо позаботиться о семье Кинкеля, — тихо сказал он. — Давайте подумаем, чем мы сможем помочь Анжелике...

Возвратившись в свой кабинет, генерал Анфилов вынул из папки радиogramмы от Хосе, отделив их от остальной информации. Эти сведения представляли особую ценность. Как было и прежде. Только теперь под ними уже не стояла привычная подпись: Зигфрид.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ФИНИШ

В предыдущих турах в учебных целях мы давали тематические подборки задач. Участники олимпиады могли познакомиться с такими темами, как жертва, засада, цугцванг, слабые превращения пешек, перемена игры. Каждое из сегодняшних заданий отвечает одной из этих тем. Поэтому восьмой тур является как бы итоговой контрольной работой по пройденному материалу.

Одновременно этот тур является этапным для тех любителей шахмат, которые стремятся повысить свою шахматную квалификацию. Успешное решение заданий восьми туров позволяет выполнить норматив третьего спортивного разряда (52 балла).

Желаем успеха!

Восьмой тур

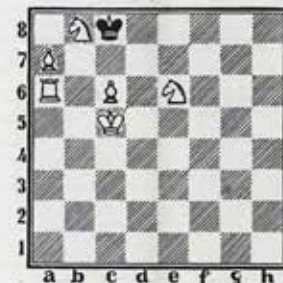
Белые: Kpf8, Фd5, Kh4 (3)
Черные: Kph8, Kh6, п. g7, h7 (4)
Мат в 2 хода (1 балл)

Белые: Kрв8, Фg8, Лс7, Лf7 (4)
Черные: Кра8, Са7, п. h3 (3)
Мат в 2 хода (2 балла)

Белые: Kрb1, Фа5, Kг4 (3)
Черные: Kрд1, п. g7 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

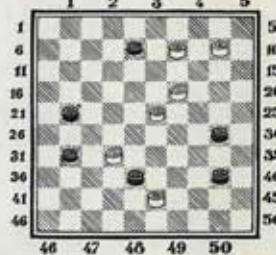
Белые: Kрc5, Ла6, Kb8, Ke6, п. а7, с6 (6)
Черные: Kрc8 (1)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 8-й тур». В двухходовках достаточно указать первый ход, в трехходовках — первые два хода. Последний срок отправления ответов — 15 июня.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Восьмой тур
В. Матус, Хабаровск. Публикует-
ся впервые.

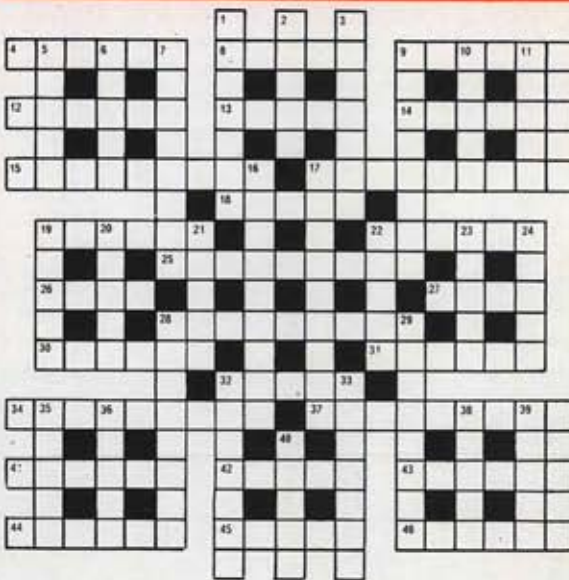

Белые начинают и выигрывают в обеих позициях (по 4 балла). Время для размышлений — до 15 июня.

КРОССВОРД

Составила Ф. СОКОЛОВА, Москва

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Пучина. 8. Ниобат. 9. Гитарист. 11. Имандра. 13. Фильмоскоп. 16. Бани. 17. Оленок. 18. Табак. 20. «Лара». 22. Сказ. 24. Рэлей. 27. Ранжир. 28. Увал. 30. Мавритания. 32. Оборона. 33. Лопатень. 34. «Фитиль». 35. Сороки.

По вертикали:

2. Усадьба. 3. Ибикон. 4. Антик. 5. Лотаппарат. 6. Кардинал. 7. Щирица. 10. Чацкий. 12. Моор. 14. Максимович. 15. Сила. 18. Торшон. 19. Банионис. 21. Азур. 23. Кран. 25. Эластик. 26. Ехидна. 29. Виппер. 31. Вальс.

Сдано в набор 05.03.85. Подписано к печати 19.03.85. А 04548. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1200000 экз. Изд. № 865. Заказ № 401. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В ГОРКАХ. В СТАРОМ ПАРКЕ

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Марина КРАЙНЯЯ

Л

етом 1920 года в Горках по просьбе Владимира Ильича была открыта площадка для занятий с детьми из окрестных деревень. Здесь ребятам читали книги, учили их грамоте, кормили — еще не кончилась гражданская война, в стране свирепствовал голод. А осенью, когда заниматься на площадке стало холодно, в одном из флигелей старой усадьбы опять же по личному указанию Ленина был организован детский дом. Мария Ильинична Ульянова подарила детям пианино. Сюда часто приходила и Надежда Константиновна Крупская — интересовалась, как кормят ребят, как они живут, заходила в классы, беседовала с воспитателями. Рассказывают, что однажды Владимир Ильич привел в детдом маленького мальчика-сироту, которого встретил по дороге в Москву.

С 1921 года занятия велись и со старшими ребятами, причем группы были разновозрастные. В 1925 году по инициативе Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой школа реорганизована в школу крестьянской молодежи с сельскохозяйственным

уклоном. Надо ли говорить, как нуждалась страна в трактористах и механизаторах!

Год 1941-й. Война ворвалась и в судьбы детей: десятый класс вместе с учителем Салтыковым ушел на фронт. В здании школы разместился госпиталь, но занятия не прерывались...

Ныне школа памяти В. И. Ленина — это современный школьный городок с прекрасно оборудованными учебными классами, мастерскими, Домом культуры. Здесь проходят проверку практикой новые методы обучения, разрабатываемые в научно-исследовательских институтах Академии педагогических наук. А в маленьком флигеле, с которого все начиналось, разместился музей. Экспонаты его собраны руками самих ребят.

Казалось, за давностью лет невозможно восстановить до мелочей обстановку классов, цвет стен и столов. Несколько раз собирались в школе выпускники разных лет, вспоминали. Восстановили все детали, а вот какие были лампы в школе — забыли. Помог случай: одну из ламп тех лет ребята обнаружили в сарае жителя близлежащей деревни.

Проходя по залам, с волнением рассматриваешь пожелтевшие от времени фотографии и документы. Они рассказывают о славной истории школы, о том, как сложились судьбы ее бывших учеников.

...Ученица военных лет Наташа Мохова ушла из девятого класса, чтобы помогать фронту. Много лет спустя ее разыскали ребята из школьной группы «Поиск». И каково же было их удивление, когда выяснилось, что муж Натальи Ивановны тоже бывал в Горках, он лежал здесь в госпитале после ранения.

...Недавно внимание ребят привлекла фамилия Виноградов в одной из записок Ленина. Оказалось, что речь идет о заслуженном учителе школы РСФСР, а тогда сельском учителе из крестьян, ходоке к Ленину А. А. Виноградове. Потом последовала интересная находка — мандат, удостоверяющий, что обладатель сего направляется к В. И. Ленину. И хотя фамилия почти стерлась от времени, есть основания предполагать, что это мандат Виноградова, родные которого передали документ школе. Ребята надеются, что экспертиза подтвердит их догадку...

От школьного городка к музею дорога лежит через парк, посаженный руками ребят и учителей. Каждой весной сюда прилетает разноголосая компания пернатых гостей, занимая приготовленные для них домики. И словно в благодарность за доброту, издавна поселившуюся в этих краях, птицы без страха клюют с ладоней зерна.

**ВСЯ ЭКСПОЗИЦИЯ МУЗЕЯ
СОБРАНА РУКАМИ РЕБЯТ.**

СПАЛЬНЯ ДЕТСКОГО ДОМА.

**УЧЕБНЫЙ КЛАСС
ДВАДЦАТИХ ГОДОВ.**

